ВОСПОМИНАНІЯ ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВИЧА САМСОНОВА.

Глава первая.

Я покинулъ родительскій домъ на девятомъ году отъ рожденія, и всѣ впечатлѣнія до того времени весьма неясно, туманно отражаются въ моей памяти. Помню лишь, что въ 1822 году батюшка отвезъ меня вмѣстѣ съ братомъ въ Петербургъ и, сдавъ насъ обоихъ въ Царскосельскій Лицейскій Пансіонъ, уѣхалъ домой.

Бывъ тогда девятилѣтнимъ мальчикомъ, ничего, никого никогда не видавшій, робкій и запуганный, я попалъ вдругъ, какъ въ лѣсъ, въ общество 150-ти незнакомыхъ мнѣ мальчиковъ, болѣе чѣмъ на половину шалуновъ, безъ всякой опоры и поддержки.

Въ Лицейскомъ Пансіонѣ я пробылъ шесть лѣтъ и въ теченіе этого времени ничего особеннаго не припомню, что̀ бы заслуживало исключительнаго вниманія. Первые два или три года я учился довольно плохо, такъ что въ одномъ классѣ оставленъ былъ на два года. Шалостей важныхъ за мной никогда не водилось: я всегда слылъ благонравнымъ мальчикомъ, и меня всѣ любили, какъ товарищи, такъ равно гувернеры и учителя, въ особенности же въ послѣдствіи, когда съ большимъ прилежаніемъ я принялся за ученіе, многіе изъ профессоровъ меня исключительно фаворизировали и выставляли меня начальству, какъ весьма остраго, способнаго и благонадежнаго ученика. На шестомъ году нашего пребыванія въ пансіонѣ, братъ, кончивъ курсъ въ шестомъ классѣ, былъ выпущенъ, согласно его желанію, въ гражданскую службу съ чиномъ 10-го класса; я же остался еще въ 5-мъ классѣ пансіона. До этой поры, какъ Царскосельскій Лицей, такъ равно и нашъ Пансіонъ, состоявшій на однихъ съ нимъ правахъ, не заключали въ себѣ никакого признака военнаго званія; т.-е. мы не имѣли никакого понятія о военной выправкѣ: одѣвали насъ въ синія курточки съ такими же отложными воротничками; при встрѣчѣ съ начальниками мы просто кланялись и т. д. Въ это же время (это было кажется въ 1828-мъ году), пансіонъ нашъ подчинили главному управленію военноучебныхъ заведеній и насъ тотчасъ же переобмундировали въ синіе сюртуки съ стоячими красными воротниками, что̀ намъ казалось чрезвычайно дико и безпокойно. Вскорѣ послѣ того въ первый разъ посѣтилъ нашъ пансіонъ главный начальникъ военно-учебныхъ заведеній генералъ-адьютантъ Д.... Начальство наше, предваренное объ этомъ посѣщеніи, распорядилось выстроить всѣхъ воспитанниковъ въ нашей большой залѣ *по ранжиру*, т.-е. по росту. Обык-

повенно, въ торжественныхъ случаяхъ, мы становились по старшинству нашихъ успѣховъ въ наукахъ и поведеніи, а тутъ насъ стали равнять по росту, и это показалось намъ крайне неприличнымъ! Наконецъ пріѣзжаетъ Д...., входитъ въ залъ и привѣтствуетъ насъ словами: «Здравствуйте, дѣти!» Мы всѣ, разными голосами, отвѣчаемъ ему:—«здравствуйте», и зашаркали ногами въ видѣ поклона.

«Это что значитъ!» восклицаетъ Д.... «Да они отвѣчать не умѣютъ, чему-же вы ихъ здѣсь учите? Гг. гувернеры, пожалуйте ко мнѣ!».

Гувернеры подходятъ; въ числѣ ихъ были, сколько могу припомнить, два Француза, m-r Трико и m-r Меннэ, маленькіе, худенькіе, а послѣдній кривобокій, Сербъ Цвѣтковичъ, Нѣмецъ Будбергъ, со сведенною въ крючекъ лѣвою рукою, и Русскій Калинычъ, истинный болванъ, какъ физически, такъ и морально.

«Что же это такое значитъ?» возопилъ грозный начальникъ. «Вы не умѣете выучить вашихъ молодыхъ людей надлежащей учтивости? Развѣ такъ отвѣчаютъ начальству? Да и сами-то вы какъ стоите!» обратился онъ къ бѣдному m-r Меннэ. «Опустите ваши руки! Вотъ одинъ только порядочный человѣкъ! Какъ ваша фамилія?»

— «Калинычъ, ваше высокопревосходительство!»

«Молодецъ! Вотъ такихъ-то я и люблю», сказалъ Д.... и затѣмъ, обошедъ всѣ пустыя комнаты пансіона, уѣхалъ.

Лишь только затворилась дверь за вышедшимъ главнымъ начальникомъ, мы всѣ, какъ-бы по данному сигналу, расхохотались во все горло. По истеченіи нѣкотораго времени послѣ этого посѣщенія, намъ былъ присланъ новый директоръ, кадетскій полковникъ Ваксмутъ, невзрачный собою, но солдатъ и тѣломъ и душею, слывшій за строгаго, а по нашему просто ни чему неученый и злой человѣкъ. Съ прибытіемъ новаго директора, насъ начали понемножку учить ставить ноги вмѣстѣ, руки по швамъ и отвѣчать на привѣтствіе начальства не «здравствуйте», а «здравія желаемъ, ваше п—ство!» Потомъ пронесся слухъ, что скоро пожалуетъ къ намъ самъ Государь Императоръ и, дѣйствительно, въ тотъ-же годъ мы были осчастливлены его посѣщеніемъ.

Къ пріѣзду Николая Павловича мы всѣ были настолько уже хорошо образованы, что каждый зналъ свой ранжиръ; у всѣхъ каблуки были вмѣстѣ и руки опущены по швамъ панталонъ. Государь вошелъ и поздоровался съ нами. «Здравія желаемъ Вашему Императорскому Величеству!» былъ громкій и единодушный нашъ отвѣтъ, за двѣ недѣли до его пріѣзда нами заученный, при многократныхъ репетиціяхъ. Это необычное посѣщеніе Государемъ нашего пансіона не оставило во мнѣ никакихъ особыхъ впечатлѣній; помню только, что

Императоръ промаршировалъ по нашей залѣ и, обратясь къ сопутствующей ему свитѣ, сказалъ: «какъ бы тутъ хорошо маршировать моимъ кадетикамъ».

Этого было достаточно для куртизановъ, чтобы убѣдить Его Величество, что Лицейскій Пансіонъ ни къ чему не нуженъ и что гораздо было бы полезнѣе учредить въ этомъ прекрасномъ зданіи малолѣтній кадетскій корпусъ, что́ въ непродолжительномъ времени и было приведено въ исполненіе.

Здѣсь я позволю себѣ маленькое отступленіе отъ хронологическаго изложенія моей лицейской жизни описаніемъ нѣкоторыхъ эпизодовъ, къ той же эпохѣ относящихся. Не знаю, по какому случаю батюшка былъ знако́мъ съ весьма важной въ то время дамой, вдовой бывшаго Екатерининскихъ временъ генерала-аншефа Архарова. Эта добрѣйшая старушка (ей тогда уже было лѣтъ подъ восемьдесятъ), штатсъ-дама двора вдовствующей императрицы Маріи Ѳеодоровны, очень богатая и по старинному обычаю гостепріимная, окруженная разными приживалками и собачками, жила зимой открытымъ домомъ въ Петербургѣ, лѣтомъ же на собственной прекрасной дачѣ въ Павловскѣ. По пріѣздѣ нашемъ въ Петербургъ, для поступленія въ Лицейскій Пансіонъ, батюшка представилъ насъ г-жѣ Архаровой, и съ тѣхъ поръ она насъ полюбила, какъ родныхъ и непремѣнно требовала, чтобы всѣ праздники, въ которые насъ отпускали изъ пансіона, мы проводили у нея, чѣмъ мы, конечно, не приминули воспользоваться, тѣмъ съ большею радостію, что, не имѣя никого, ни родныхъ, ни знакомыхъ, намъ пришлось-бы оставаться почти однимъ въ пустой шкатулкѣ (такъ называли мы нашъ Лицейскій Пансіонъ), по временамъ общаго роспуска. По истинѣ говоря, у насъ былъ еще и другой домъ въ Петербургѣ, который мы посѣщали-бы съ бо́льшимъ еще, пожалуй, удовольствіемъ: это домъ роднаго брата матушки, Николая Александровича Исленьева, бывшаго въ то время генералъ-адъютантомъ и командиромъ Преображенскаго полка; но по случаю крупныхъ раздоровъ, начавшихся между нашими родителями, въ которыхъ дядя принялъ участіе за матушку, намъ было строжайше запрещено отцемъ у него (дяди) бывать и съ нимъ видѣться. А потому требованіе Архаровой было для насъ истиннымъ счастіемъ, тѣмъ болѣе, что по случаю пребыванія ея въ теченіе лѣта въ Павловскѣ, мы всякую Субботу могли отправляться къ ней на Воскресенье и всѣ каникулы проводить въ ея семействѣ. Вмѣстѣ съ Архаровой жили ея двѣ дочери съ мужьями и дѣтьми, обѣ придворныя дамы. Старшая—графиня С.; мужъ ея былъ тогда камергеромъ, извѣстный во всемъ Петербургѣ модникъ и франтъ, въ сущности довольно пустой человѣкъ, промотавшій все

свое и женино значительное состояніе; у нихъ было двое дѣтей: Левъ и Владиміръ, мальчики нашихъ лѣтъ и закадычные намъ друзья и пріятели, и двѣ племянницы-красавицы дѣвушки, тоже графини С.....

Вторая дочь была замужемъ за Вас., тоже камергеромъ и, кажется, сенаторомъ; у нихъ, сколько припомню, было двое дѣтей, въ маломъ возрастѣ: дочь Анна, которую мы постоянно катали въ маленькой колясочкѣ по дорожкамъ Павловскаго сада, и сынъ Василій, къ которому былъ взятъ въ домъ учителемъ молодой человѣкъ Гоголь, впослѣдствіи нашъ знаменитый писатель и литераторъ, авторъ «Мертвыхъ Душъ» и проч.

Я нарочно съ нѣкоторою подробностію описалъ составъ семейства въ домѣ Архаровой (не поминая однако ни гувернеровъ, ни приживалокъ), чтобы пояснить, въ какомъ многолюдномъ обществѣ судьба предназначила мнѣ находиться съ самыхъ юныхъ лѣтъ моего возраста.

Кромѣ того, такъ какъ императрица Марія Ѳеодоровна также проживала со всѣмъ своимъ дворомъ, всякое лѣто, въ Павловскѣ и Архарова была, какъ ею, такъ равно и всѣми знавшими ее, любима и уважаема: то домъ ея положительно представлялъ собою какой-то волшебный фонарь и постоянный раутъ всей нашей аристократіи. Императрица тоже нерѣдко ее посѣщала. Я очень хорошо помню, что, въ одинъ прекрасный день, я тишкомъ забрался въ малину (тишкомъ потому, что тутъ былъ садовникъ Карпычъ, наша общая гроза),— вдругъ слышу шаги по дорожкѣ; не сомнѣваясь, что это идетъ грозный вертоградарь, я испуганный выскакиваю изъ кустовъ малины и о ужасъ! лицомъ къ лицу сталкиваюсь съ Императрицей.

— Qui êtes-vous, mon bel enfant? ласковымъ голосомъ спрашиваетъ меня добрѣйшая изъ женщинъ, потрепавъ милостиво рукою по щекѣ.

Я настолько нашелся, что поцѣловалъ эту дорогую ручку и, вѣроятно, отвѣчалъ удовлетворительно, потому что Государыня приказала мнѣ бывать у нея во дворцѣ, рекомендовала меня своимъ фрейлинамъ, и съ тѣхъ поръ я постоянно, когда бывалъ въ Павловскѣ, находился въ ихъ обществѣ. При этомъ нужно замѣтить, что въ то время дворъ вдовствующей Императрицы пользовался особенною репутаціею исключительно-счастливаго выбора лицъ его составлявшихъ, и, при переѣздѣ изъ Петербурга въ Павловскъ, всякій придворный этикетъ замѣнялся какимъ-то патріархальнымъ управленіемъ.

Обращаясь вновь къ моему повѣствованію о Лицейскомъ Пансіонѣ, я прибавлю по этому предмету только то, что въ концѣ того же 1828 года намъ было офиціально объявлено, что пансіонъ нашъ окончательно закрывается и дѣти младшихъ классовъ возвра-

щаются ихъ родителямъ, отъ насъ же старшинъ требовались заявленія, кто въ какое заведеніе желаетъ быть переведеннымъ? Я и въ числѣ многихъ другихъ графъ Б....., который, будучи ровно годомъ меня старше (мы оба родились 16-го Декабря, онъ 1811-го, а я 1812-го г.) состоялъ въ низшемъ классѣ, т.-е. 4-мъ, согласно нашему желанію, переведены въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ.

Глава вторая.

И такъ въ 1828-мъ г., не припомню въ какомъ мѣсяцѣ, я былъ переведенъ въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ и юнкеровъ и записанъ л.-г. въ Московскій полкъ, согласно заявленному мною желанію. Отчего въ Московскій, а не въ какой-либо другой? Въ особенности отчего не въ Преображенскій, командиромъ котораго состоялъ, какъ я выше сказалъ, мой родной дядя и даже любимый дядя Н. А. Исленьевъ?

На это я затруднюсь въ настоящее время дать положительный отвѣтъ; но, какъ кажется или какъ помнится, это произошло вопервыхъ по разсчету отдалить отъ меня неудовольствіе отца за поступленіе на службу къ его врагу, и вовторыхъ по какому-то соображенію, что въ Преображенскомъ полку, изобилующемъ офицерами, производство изъ чина въ чинъ должно быть несравненно медленнѣе, чѣмъ въ однобригадномъ съ нимъ Московскомъ. Такъ или иначе, но я нарядился въ унтеръ-офицерскій мундиръ Московскаго полка.

Въ теченіе времени пребыванія моего въ Лицейскомъ Пансіонѣ, три старшія сестры мои были выданы замужъ. Матушка, съ младшей незамужней дочерью, Софьей, съ помощію дяди Н. А. Исленьева, переѣхала на жительство въ Петербургъ, гдѣ и наняла скромную квартирку вмѣстѣ съ братомъ Александромъ, состоявшимъ на гражданской службѣ въ департаментѣ внѣшней торговли. Достойно замѣчанія, что въ продолженіе шести лѣтъ я ни разу не былъ дома и никого не видалъ изъ членовъ нашего семейства, кромѣ батюшки, который, какъ я сказалъ выше, первыя четыре или пять лѣтъ пріѣзжалъ въ Царское Село ежегодно на одинъ, много на два дня, и брата Александра; такъ что по пріѣздѣ матушки съ сестрою Софіею мнѣ пришлось совершенно снова знакомиться съ ними.

Поступя въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ 16-ти лѣтъ, я былъ не по годамъ малъ ростомъ и вообще маніатюренъ, но, какъ кажется, довольно благовидной наружности. Прежде всѣхъ нашихъ переведенцевъ изъ Лицейскаго Пансіона, которыхъ было въ школѣ до тридцати человѣкъ, я преуспѣлъ по фронтовой части, и меня, какъ на показъ, стали посылать на ординарцы къ Государю и Великому

Князю, которые всегда были ко мнѣ милостивы; въ особенности Великій Князь Михаилъ Павловичъ, довольно часто посѣщавшій нашу школу, забавлялся мною какъ игрушкой. Бывало, пріѣдетъ, вызоветъ меня впередъ, велитъ взять ружье и начинаетъ въ присутствіи огромной публики самъ командовать мнѣ всякія эволюціи и ружейные пріемы.

«Вотъ чего я хочу, вотъ чего я требую!» бывало, обратится онъ къ нашему начальству, по окончаніи моей экзерсиціи.

Ротнымъ командиромъ нашимъ былъ Преображенскаго полка капитанъ Звегинцовъ, человѣчикъ очень маленькаго роста и далеко некрасивой наружности, но отмѣнно умный, благонамѣренный и вмѣстѣ съ тѣмъ очень строгій. Въ одинъ прекрасный день, по прошествіи трехъ или четырехъ мѣсяцевъ моего юнкерства, Звегинцовъ, подозвавъ меня къ себѣ, говоритъ: «По окончаніи ученія приходите ко мнѣ на квартиру, я имѣю съ вами переговорить».—Что́ бы такое это значило? думаю я самъ въ себѣ. Или это огромная честь, которой рѣдко удостоивались и подпрапорщики старшіе, какъ фельдфебель и унтеръ-офицеры; или же мнѣ предстоитъ огромная распеканція; но за что? Перебралъ всѣ свои дѣйствія: нѣтъ; ничего, кажется, такого не было, за что бы мнѣ могло достаться! Не менѣе того, съ трепетомъ въ сердцѣ, отправляюсь. Дверь отворилась. Пожалуйте!

«Еще разъ здравствуйте, Самсоновъ; я вотъ объ чемъ хотѣлъ съ вами переговорить: скажите, пожалуста, не имѣли ли вы какой-нибудь непріятности съ бывшимъ директоромъ вашимъ полковникомъ Ваксмутомъ?»

— Никакъ нѣтъ, ваше высокоблагородіе, ничего подобнаго не припомню.

«Отложите въ сторону дисциплинарныя выраженія, вы здѣсь не на службѣ, и скажите мнѣ откровенно, не примѣчали ли вы какого-нибудь особаго къ вамъ нерасположенія полковника?»

— Нѣтъ, Александръ Ильичъ, откровенно признаюсь вамъ, что никогда подобнаго ничего не замѣчалъ.

«Странное дѣло! Надо вамъ сказать, что такъ какъ изъ пансіона вашего поступило къ намъ довольно значительное количество воспитанниковъ, то, для облегченія намъ наблюденія за ними, мы просили бывшее ваше начальство по секрету сообщить намъ отмѣтки о характерахъ и способностяхъ каждаго, и теперь посмотрите, противъ вашего имени поставлена помѣтка: *скрытнаго характера*. Ежели я рѣшился объясниться съ вами по этому предмету, то это потому что, отличая васъ отъ прочихъ вашихъ товарищей, я старался поближе наблюдать за вами и долженъ сознаться, что до сихъ поръ, по крайней мѣрѣ, ничего подобнаго не могъ замѣтить; по сіе время я вами

очень доволенъ, продолжайте вести себя также и впередъ и будьте увѣрены, что вамъ худо не будетъ».

— Благодарю васъ, Александръ Ильичъ, за ваше вниманіе, которое я глубоко чувствую и смѣло могу увѣрить васъ, что употреблю все свое стараніе, чтобы заслужить и оправдать ваше довѣріе.

За симъ мы разстались.

Каковъ же негодяй В., подумалъ я выходя отъ Звегинцова, и за что это онъ хотѣлъ замарать мою репутацію? По ужъ спасибо же и Звегинцову, вотъ истинно-добрый и умный человѣкъ! Сумѣлъ взяться съ шестнадцатилѣтнимъ неиспорченнымъ, самолюбивымъ мальчикомъ! Дѣйствительно это съ его стороны ко мнѣ исключительное, могу сказать, довѣріе, произвело такое сильное на меня впечатлѣніе, что во все остальное время пребыванія моего въ школѣ постоянно воздерживало меня отъ всякихъ неодобрительныхъ поступковъ, несравненно болѣе всевозможныхъ угрозъ и наказаній.

До 1828 г. на лагерный, лѣтній сборъ войскъ подпрапорщики изъ школы отправлялись по своимъ полкамъ въ Красное Село; съ этого же года приказано было всей школѣ, какъ пѣхотныхъ, такъ равно и кавалерійскихъ юнкеровъ, въ полномъ ея составѣ ,слѣдовать въ лагерь въ Петергофъ вмѣстѣ съ прочими военноучебными заведеніями, гдѣ и были намъ разбиты палатки на правомъ флангѣ.

Тутъ начались безпрестанныя посѣщенія лагеря Государемъ и вообще всѣми членами Императорской фамиліи, которая всегда проводила лѣто въ Петергофѣ: разводы, зори съ церемоніею, тревоги, ученія и проч. и проч. Въ одинъ изъ Іюльскихъ жаркихъ дней, Государь пріѣхалъ въ лагерь, вызвалъ къ себѣ исключительно насъ подпрапорщиковъ и юнкеровъ, приказалъ выстроить въ коллону, какъ мы были въ курткахъ, безъ ружей и амуниціи, и самъ повелъ насъ въ нижній садъ передъ дворцомъ. Наверху у эстрады въ экипажѣ сидѣла Императрица, окруженная многими придворными *обоего пола особами*; фонтаны были пущены, и какъ извѣстно, съ горы внизъ течетъ по ступенямъ довольно быстрая каскада воды; противъ этой-то каскады Государь приказалъ намъ выстроиться фронтомъ.

— Ну, молодцы, обратился онъ къ намъ, маршъ на штурмъ къ Императрицѣ. Поспѣвшіе первыми получатъ отъ нея награды!

Въ одно мгновеніе всѣ мы были по поясъ въ водѣ, постоянно окачиваемые сверху. Ежели не самымъ первымъ, то однимъ, изъ самыхъ первыхъ, былъ я у коляски Государыни и получилъ изъ ея рукъ золотое колечко (очень долго у меня хранившееся, а потомъ не знаю куда и какъ пропавшее).

— Comment vous nommez-vous? спросила меня Императрица.

— Samsonoff, Votre Majesté.

— Bravo! Vous êtes donc parent à cette fontaine?

— Je crois que oui, Madame, vu que je suis tout aussi mouillé qu'elle *).

Отвѣтъ мой очень понравился и долго потѣшалъ всю публику.

Вскорѣ послѣ этого получено было нашимъ начальствомъ приказаніе назначить по одному изъ самыхъ благонадежныхъ юнкеровъ и подпрапорщиковъ въ постоянные товарищи къ Наслѣднику, въ свободное отъ занятій время. Изъ кавалерійскихъ юнкеровъ былъ назначенъ Кавалергардскаго полка Мальцовъ, а изъ пѣхотныхъ подпрапорщиковъ—я.

Съ этого времени начинается мое близкое, такъ сказать, знакомство съ высочайшимъ дворомъ, о чемъ я и буду повѣствовать далѣе, въ слѣдующей главѣ.

Глава третья.

Начать съ того, что при первомъ же нашемъ посѣщеніи Его Высочества въ *котеджѣ* «Александрія», гдѣ имѣла свое лѣтнее пребываніе Императорская фамилія, намъ заявлено было приказаніе постоянно называть Наслѣдника Цесаревича не иначе, какъ Александръ Николаевичъ, отнюдь же не Императорскимъ Высочествомъ.

При Наслѣдникѣ тогда состоялъ наставникомъ генералъ-адъютантъ Карлъ Карловичъ Мердеръ, человѣкъ отличнаго ума и прекрасныхъ душевныхъ качествъ, всѣми любимый и уважаемый; онъ сразу поставилъ насъ въ желаемыя имъ отношенія къ Великому Князю, т.-е. въ отношенія совершеннаго равенства и товарищества, на что самъ Наслѣдникъ, какъ ребенокъ очень добраго сердца и чрезвычайно мягкаго характера, поддался безъ всякаго затрудненія, тѣмъ болѣе, что онъ имѣлъ къ тому уже привычку, воспитываясь съ самыхъ юныхъ лѣтъ съ двумя товарищами: Паткулемъ и Вельегорскимъ.

На основаніи этого принципа товарищества, нестѣсняемые придворнымъ этикетомъ, мы постоянно, всякое Воскресенье и всякій праздникъ, отправлялись въ Александрію и тамъ всѣ вмѣстѣ бѣгали, играли, катались, словомъ забавлялись всякимъ образомъ. Весьма часто Государь и Императрица, присутствуя при нашихъ забавахъ, сами принимали въ нихъ участіе, а иногда брали насъ съ собою кататься въ шарабанѣ или въ другомъ какомъ помѣстительномъ экипажѣ.

Иногда же, въ большіе праздники, компанія наша усиливалась избранными воспитанниками кадетскихъ корпусовъ, и тогда игры на-

*) Какъ ваше имя?—Самсоновъ, ваше величество.—Браво! И такъ вы родня этому фонтану?—Должно быть, Государыня, такъ какъ я тоже весь въ водѣ.

ши принимали большіе размѣры: заводились бары, лапта, пятнашки и прочія игры, требующія многочисленныхъ участниковъ. Чтобы яснѣе показать то равенство, которое по принципу желали ввести между нами, я разскажу маленькій эпизодъ оставшійся въ моей памяти.

Однажды мы играли въ бары въ присутствіи Императорской четы, собиравшейся ѣхать кататься. Нужно замѣтить, что игра въ бары состоитъ въ томъ, что всѣ играющіе, сговариваясь попарно, раздѣляются на двѣ партіи: одинъ идетъ въ одну, другой въ другую; потомъ для каждой партіи назначается городъ или предѣлъ ея владѣній; играющіе поочередно, покидая черту своихъ владѣній, выбѣгаютъ на середину и даже далѣе нейтральнаго поля, вызываютъ за собою преслѣдованіе противниковъ, которые въ свою очередь преслѣдуются товарищами вызывателя, и всякій пойманный внѣ предѣловъ своего города, считается плѣннымъ и тѣмъ лишается права принимать участіе въ игрѣ, до ея окончанія; конецъ же наступаетъ, когда одна изъ партій вся переловлена или же сдается. По сдачѣ города побѣдители садятся верхомъ на побѣжденныхъ, всякій на свою пару, и тѣ обязаны перевезти ихъ на своей спинѣ отъ одного города до другаго. Теперь возвращаюсь къ продолженію разсказа моего эпизода. И такъ Государь съ Императрицею, собиравшіеся ѣхать кататься, присутствовали при началѣ нашей игры, въ продолженіи коей они уѣхали и возвратились, когда все уже было конечно.

«Ну, что?» обратился ко мнѣ Императоръ,— «бѣготня кончена?»

— Кончена, Ваше Императорское Величество!

«Кто же выигралъ?»

— Мы выиграли.

— «И ѣзда была?»

— Была.

— «Ну-ка репетицію, я желаю видѣть эту операцію! Ты съ кѣмъ сговаривался?»

— Съ Александромъ Николаевичемъ.

— «Саша, давай спину!»

Наслѣдникъ подбѣжалъ, я сѣлъ ему на спину и, въ сопровожденіи подобной же кавалеріи, поѣхалъ отъ одного города до другаго.

По окончаніи лагеря, мы возвратились въ Петербургъ, въ нашу школу, которая была у Синяго моста, въ домѣ, нынѣ принадлежащемъ великой княгинѣ Маріи Николаевнѣ, и вновь принялись за науки. Я учился недурно; но счастіе мнѣ благопріятствовало болѣе, чѣмъ я того заслуживалъ: большая часть нашихъ учителей, а въ особенности инспекторъ классовъ, свиты его величества генералъ-майоръ князь Голицынъ, почитали меня за невѣсть какого прилежнаго ученика. На

второй годъ пребыванія моего въ школѣ, удостоенный за успѣхи въ наукахъ и хорошее поведеніе награды, я произведенъ былъ въ унтеръ-офицеры и получилъ серебрянный темлякъ. Очень хорошо помню, что въ это время батюшка пріѣхалъ какъ-то по своимъ дѣламъ въ Петербургъ и отправился повидаться съ мною въ школу; на лѣстницѣ встрѣтился онъ съ инспекторомъ княземъ Голицынымъ, который спросилъ его, что̀ ему надо? Батюшка сказалъ, что желаетъ повидаться съ сыномъ.

«Какъ фамилія вашего сына?»

— Самсоновъ.

«Ну, милостивый государь, поздравляю васъ: сынъ вашъ прекраснѣйшій молодой человѣкъ, онъ у насъ первый подпрапорщикъ во всей школѣ».

Батюшка, который самъ мнѣ передалъ этотъ разговоръ, настолько расчувствовался этимъ блестящимъ обо мнѣ отзывомъ, что заявилъ мнѣ, чтобы я просилъ у него, что̀ хочу себѣ въ награду. Непривычный къ такимъ любезностямъ, озадаченный, я положительно отказался высказать свое желаніе, предоставляя отцу избрать награду по его усмотрѣнію; но какъ припомню, внутренній голосъ шепталъ мнѣ: Ахъ, кабы часы! Какіе бы ни были, да часы, которыхъ у меня никогда и въ заводѣ не было. Въ тотъ же день батюшка купилъ и подарилъ мнѣ.... жестяную чернильницу!! Боже мой, какъ огорчила меня тогда эта награда! И по сію не могу вспомнить пору. Какъ мало ни былъ я избалованъ подарками, но я былъ уже юноша, мнѣ 17-й годъ, я наконецъ унтеръ-офицеръ, у меня серебряный темлякъ, и вдругъ жестяная черни.... тьфу! И выговаривать-то скверно!

Не менѣе того, я долженъ былъ принять подарокъ съ пріятной улыбкой и съ выраженіемъ полной благодарности поцѣловать ручку великодушнаго родителя. Сколько припомню, я со злости въ тотъ же день подарилъ эту несчастную чернильницу своему деньщику.—Выше я какъ-то сказалъ, что счастіе мнѣ покровительствовало болѣе, чѣмъ я заслуживалъ; теперь я вспомнилъ одинъ примѣръ, въ подтвержденіе этой истины. Мы сидѣли въ классѣ, не помню у какого учителя, но очень хорошо помню, что въ этотъ разъ я не только не зналъ урока, но даже не зналъ о чемъ идетъ дѣло и трепеталъ всѣмъ сердцемъ, чтобы меня не вызвали; каковъ же былъ мой ужасъ, когда я слышу голосъ учителя: Господинъ Самсоновъ, пожалуйте къ доскѣ! И въ тотъ самый моментъ отворяется дверь и входитъ инспекторъ. Ну! Конченое дѣло, пропала моя громкая репутація, погибъ человѣкъ! Не тутъ-то было!

«Самсоновъ, садитесь на свое мѣсто!» возглашаетъ князь Голицынъ и, обращаясь къ учителю: «Я знаю эти штуки! Какъ ни войду въ классъ, всегда вызываете лучшихъ учениковъ; спросите кого-нибудь другаго»...

Ну, какъ же не счастье!

Изъ школы я точно также продолжалъ по временамъ ходить въ гости къ Наслѣднику въ Зимній дворецъ, но, конечно, гораздо рѣже, чѣмъ въ Петергофѣ, и всегда меня удивляла и восхищала та простота, которая была поставлена въ основу его воспитанія. Очень помню, что разъ Наслѣдникъ Россійскаго престола обратился къ своему воспитателю со словами: «Что это, Карлъ Карловичъ, какой у насъ квасъ кислый?» — «Вамъ не нравится», отвѣчалъ Мердеръ; «пейте воду, вода прекрасная, Невская»; такъ тѣмъ дѣло и кончилось.

Послѣ обѣда, покатавши немного яйца (это было на Святой), Наслѣдникъ мнѣ говоритъ: «Пойдемъ къ папашѣ», и съ разрѣшенія Карла Карловича мы отправились чрезъ всѣ дворцовые апартаменты къ папашѣ, котораго застали вдвоемъ съ Императрицею, кушающихъ за обѣденномъ столомъ; намъ дали конфектъ и по бокалу шампанскаго, и мы отправились во свояси. Не есть ли это, дѣйствительно, дивная простота!

Я въ школѣ пробылъ два года и былъ уже, какъ сказано, произведенъ въ унтеръ-офицеры съ серебрянымъ темлякомъ, когда въ 1830 г. возгорѣлось Польское возстаніе и былъ объявленъ всей гвардіи походъ въ Польшу. Подпрапорщики перваго класса должны были слѣдовать въ этотъ походъ, каждый при своемъ полку. Мнѣ тогда былъ уже 18-й г., но я все еще былъ очень малаго роста и чрезвычайно худъ, такъ что я самъ, соображая трудности похода, въ особенности зимняго (мы выступили изъ Петербурга 31-го Января 1831 года) имѣлъ твердое убѣжденіе, что я его не вынесу; но тѣмъ не менѣе, я какъ сейчасъ помню, такое имѣлъ сильное желаніе идти на войну, что въ молитвахъ моихъ просилъ Бога послать мнѣ это счастіе, хотя бы мнѣ и суждено было не возвращаться изъ этого похода. Главное опасеніе мое состояло въ томъ, что Великій Князь Михаилъ Павловичъ, долженствовавшій самъ лично осмотрѣть избранныхъ для отправленія подпрапорщиковъ, пожалуй оставитъ меня въ школѣ, за малымъ моимъ ростомъ, вслѣдствіе чего, въ день назначенный для этого осмотра, я набилъ себѣ столько бумаги въ сапоги (чтобы казаться выше), сколько въ нихъ могло помѣститься, и внутренно далъ обѣтъ отслужить три молебна, ежели эта опасность минуетъ меня. Опасность была дѣйствительно близка!

Насъ всѣхъ первокласныхъ выстроили въ одну шеренгу, и Великій Князь сталъ вызывать по очередно каждаго впередъ; дошла очередь и до меня, я вышелъ. Повертѣвъ меня во всѣ стороны: «Я тебя не пущу», нахмуривъ брови, сказалъ Великій Князь, «ты слишкомъ молодъ и малъ, не вынесешь похода».

— Никакъ нѣтъ, Ваше Императорское Высочество, бойко и глотая слезы, отвѣчалъ я, — мнѣ восемнадцать лѣтъ, и я чувствую себя совершенно крѣпкимъ и здоровымъ!

«Ну смотри, послѣ на меня не пенять, ступай!»

Восторгъ мой былъ такъ великъ, что я земли подъ собой не чувствовалъ и, кажется, позабылъ про обѣщанные три молебна. Во время приготовленія къ походу, я, какъ и всегда передъ тѣмъ, очень часто видался съ дядею Исленьевымъ, который внушилъ мнѣ благую мысль просить Великаго Князя о переводѣ меня въ Преображенскій полкъ, обѣщаясь съ своей стороны ходатайствовать въ томъ же смыслѣ. При первомъ же посѣщеніи Великаго Князя, я, осмѣленный его постоянными ласками, выступилъ впередъ и заявилъ мою просьбу.

— Что? Къ дядюшкѣ на баловство! Вздоръ, я тебя изъ своего полка не выпущу» (онъ былъ шефомъ Московскаго полка). Я повѣсилъ носъ; но не надолго... черезъ два-три дня вышелъ приказъ о перечисленіи меня въ л.-гв. Преображенскій полкъ. Съ этого времени начались окончательные сборы къ походу; меня стали водить въ швальню Преображенскаго полка, для пригонки одежды и аммуниціи, сшили мнѣ овчинный полушубокъ, теплые сапоги, купили новую телѣгу для вещей съ кожаною покрышкою и тройкою лошадей простыхъ, но крѣпкихъ и надежныхъ, изъ коихъ пару въ упряжь, а третью подъ верхъ. Я былъ просто въ восхищеніи отъ моего экипажа, и немудрено! Это была первая моя собственность, послѣ жестяной чернильницы. Я поступилъ въ 3-ю роту, по избранію дяди, на руки къ аккуратному капитану Павлу Петровичу Шрейдеру, имѣя ротнымъ товарищемъ подпоручика Дм. Пет. Ѳедорова. И наконецъ, получивъ благословеніе матушки и по совершеніи напутственнаго полку молебна, 31 Января 1831 г., при 20%-мъ морозѣ, мы выступили изъ Петербурга.

Глава четвертая.

Не стану въ подробности описывать наше постепенное движеніе къ мѣсту первоначальнаго нашего назначенія, которымъ былъ гор. Вильна, какъ потому, что я этихъ подробностей теперь не припомню, такъ равно и въ виду нежеланія слишкомъ растягивать мой разсказъ, предоставляя себѣ нѣсколько останавливаться на тѣхъ этапахъ, ко-

торые оставили во мнѣ какое-либо впечатлѣніе. Скажу только, что все это путешествіе было для меня чрезвычайно пріятно: я былъ настолько тепло одѣтъ, что нимало не страдалъ отъ холода; очень уставать на переходахъ тоже не могъ, имѣя при себѣ верховую лошадь, а на дневкахъ, которыя бывали черезъ два и три дня, я просто наслаждался. Маршрутъ нашъ велъ насъ изъ Петербурга на Ямбургъ, Нарву и т. д. къ Остзейскимъ, а потомъ Польскимъ провинціямъ. Во всѣхъ городахъ, городкахъ и сколько-нибудь просвѣщенныхъ мѣстечкахъ, намъ готовились подобающія Императорской гвардіи, а въ особенности Преображенскому первому ея полку, встрѣчи и угощенія, обѣды, балы и проч. Я помню, что мы пришли въ маленькій городокъ Вилькомиръ, жители коего, не желая отстать отъ прочихъ своихъ собратій, разослали намъ приглашеніе на балъ слѣдующаго дня, а въ день нашего вступленія въ городъ было объявлено представленіе въ театрѣ. Разумѣется, мы всѣ, офицеры и подпрапорщики, не пропустили случая посѣтить и то и другое. Началось съ театра, въ которомъ мы вынуждены были сидѣть въ шубахъ, такъ какъ это было старое, ветхое, деревянное зданіе и, кажется, безъ печей; сидѣть намъ дѣйствительно было не очень покойно на деревянныхъ скамейкахъ, но за то актеры, закутанные по образу и подобію нашему, во все что́ у нихъ имѣлось теплаго, представляли собою рѣдкій примѣръ привычки къ сценѣ и необычайной развязности въ движеніяхъ: не смотря на таинственный полумракъ, царствовавшій на сценѣ отъ нѣсколькихъ зажженныхъ за кулисами свѣчей, нельзя было не замѣтить ихъ выразительныхъ гримасъ, относившихся къ публикѣ, а иногда угрожающихъ жестовъ, обращенныхъ къ несогласному и фальшивѣйшему оркестру.

Сначала мы сидѣли довольно смирно, но въ послѣдствіи нами овладѣлъ общій восторгъ, и офицеры наши начали выражать вслухъ тѣ впечатлѣнія (разумѣется, пріятныя), которыми они были преисполнены, къ немалому удовольствію, какъ самихъ актеровъ, такъ равно и прочей публики, наполнявшей театръ. Наконецъ, дошло до того, что въ одномъ изъ антрактовъ, кто-то намазалъ саломъ смычки вышедшихъ музыкантовъ, и, при всемъ ихъ усердіи и стараніи, ни увертюра слѣдующаго акта, ни акомпаниментъ пѣвуновъ состояться болѣе не могли. Счастливая выдумка была вознаграждена громкими рукоплесканіями и общею радостію, выраженною гомерическимъ смѣхомъ. Это театральное представленіе дало намъ ясное понятіе о веселомъ расположеніи духа Вилькомирскаго общества, такъ что на другой день, отправляясь на званый балъ, мы уже знали съ кѣмъ имѣемъ дѣло и такъ уже и приготовились. Дѣйствительно, балъ былъ совер-

шенно въ характерѣ театральнаго представленія, и мы, напрыгавшись и нахохотавшись до сыта, далеко за полночь возвратились по домамъ, многіе офицеры въ сюртукахъ на распашку по причинѣ неимѣнія всѣхъ своихъ пуговицъ, розданныхъ на память или въ *сувениръ*, какъ они выражались, Вилькомирскимъ дамамъ.

Мы трое, т.-е. Шрейдеръ, Ѳедоровъ и я, составляли одну артель и останавливались на одной квартирѣ, лучшей изъ всего ротнаго расположенія. Для отвода этихъ квартиръ всегда наканунѣ отправлялись впередъ ротные квартирьеры. Въ нашей ротѣ начальникомъ квартирьерской команды былъ унтеръ-офицеръ Казанцовъ, человѣкъ молодой, проворный, смѣтливый, и на немъ лежала исключительно обязанность приготовленія офицерской квартиры. Онъ, бывало, успѣетъ обѣжать всѣ окрестности, осмотрѣть всѣ мызы, фольварки и корчмы, освѣдомиться даже о числѣ и свойствахъ живущихъ въ нихъ и ихъ достаткахъ и имѣющейся провизіи и, въ самомъ, по его соображенію удобномъ помѣщеніи, назначаетъ нашу временную резиденцію. Такъ какъ мы шли по-ротно, то хотя мы и имѣли маршрутъ слѣдованія по числамъ; но отъ ротнаго командира зависѣло, и имъ всегда разрѣшалось, отводить квартиры, для болѣе удобнаго размѣщенія, въ особенности же на время дневки, не именно въ назначенномъ по маршруту пунктѣ, а и по окрестностямъ, въ недальнемъ разстояніи и даже въ сторону отъ большой дороги. Всякій день, бывало, идешь и думаешь: гдѣ-то я сегодня буду ночевать, а завтра проводить день дневки? И смотришь, бывало, при концѣ перехода, кто-то вдали стоитъ на дорогѣ, это вѣрно нашъ квартирьеръ? Подходишь ближе, такъ и есть это Казанцовъ

— Ну что, Казанцовъ, далеко-ли?—«Версты двѣ въ сторону, на мызѣ».—Хорошее помѣщеніе? — «Панъ уступаетъ свою гостиную и спальню».—А паненки есть? – «Есть и паненки». – Сколько? — «Три». —И хорошенькія?—«Ничего, хороши, при пукляхъ и подъ зонтиками». —Ну, поживемъ!

Потомъ, обыкновенно, начинаются разспросы квартирьера ротнымъ командиромъ по хозяйственной части: удобно-ли размѣщеніе людей (т.-е. солдатъ), хорошъ-ли у крестьянъ приварокъ, достаточно-ли для насъ фуража и провизіи? и т. д. и т. д.

Такъ, или почти такъ, продолжался весь нашъ походъ до Вильны. За одну станцію до этого города весь нашъ полкъ собрался вмѣстѣ, и мы съ церемоніею, подъ музыку, съ распущенными знаменами, яко какіе-то побѣдители, вступали въ Вильну, гдѣ насъ встрѣтилъ и осмотрѣлъ Великій Князь Михаилъ Павловичъ. Въ Вильнѣ мы пробыли, сколько мнѣ помнится, около недѣли; обѣдамъ, балямъ, спектаклямъ и всякимъ чествованіямъ конца не было.

Наконецъ, мы выступили далѣе, получивъ маршрутъ до границы Царства Польскаго, мѣстечка Тихоцынъ. Очень забавно, что одинъ изъ нашихъ офицеровъ, поручикъ Языковъ (Александръ Петровичъ), встрѣтивъ въ обществахъ Вильны какую-то барышню по имени Емма, такъ ею восхитился, что въ продолженіе всего дальнѣйшаго похода писалъ это имя на всѣхъ недвижимыхъ предметахъ, попадавшихся на дорогѣ, т.-е. на верстовыхъ и другихъ столбахъ, на корчмахъ и домахъ и проч., на темныхъ мѣломъ, а на бѣлыхъ углемъ, всегда имѣвшимися у него въ запасѣ, и это продолжалось до самыхъ стѣнъ Варшавскихъ укрѣпленій, которыя судьба предназначила ему брать штурмомъ съ вызванными отъ всѣхъ полковъ гвардіи охотниками; такъ что по частымъ надписямъ на дорогѣ «*Емма*» всегда легко можно было отыскивать мѣсто расположенія Преображенскаго полка.

Съ выступленіемъ изъ Вильны, удобства нашего похода много измѣнились; мы пошли уже не по-ротно, какъ до того времени, а цѣлымъ полкомъ совокупно; вслѣдствіе чего размѣщеніе наше по квартирамъ было несравненно тѣснѣе, но за то общество офицеровъ становилось многочисленнѣе и разнообразнѣе. Не доходя до Тихоцына, пункта нашего назначенія, за три, или четыре дня, получено было у насъ приказаніе, какъ можно ускорить наше движеніе, форсированнымъ маршемъ спѣшить въ Тихоцынъ, тамъ оставить всѣ наши повозки, переложить необходимыя для насъ вещи на вьюки и тотчасъ-же слѣдовать далѣе уже на военномъ положеніи, не полкомъ, а цѣлою дивизіею, въ полномъ ея составѣ и съ артиллеріею, и располагаться уже не по квартирамъ, а на бивуакахъ. Въ исполненіе этого приказанія, мы всѣ три остающіеся перехода сдѣлали въ одинъ и, измученные до невозможности, пришли въ Тихоцынъ ночью; тутъ нужно было неотложно хлопотать объ устройствѣ вьюковъ, которые у насъ вовсе не были заготовлены, о сдачѣ повозокъ и проч. и проч. и на другое утро выступать уже въ боевомъ порядкѣ. Правда, что участіе мое въ этихъ хлопотахъ было не очень отяготительно, вслѣдствіе состоявшей надо мною бдительной опеки капитана Шрейдера и приставленнаго ко мнѣ дядькою унтеръ-офицера Ивана Журавлева; но все-таки мнѣ немного удалось уснуть въ эту памятную ночь, а на другое утро я, вмѣстѣ со всѣмъ выступающимъ войскомъ, опустилъ въ мое цѣломудренное ружье первую, грозную, на врага отечества, пулю.

Не припомню, въ какомъ именно мѣсяцѣ это было; но весна чувствительно вступала уже въ свои права, грязь была невылазная, и дождь не переставалъ лить, кажется, цѣлую недѣлю. Промоченные до костей, мы продолжали подвигаться форсированнымъ маршемъ впередъ; поспѣшность такъ была велика, что для отдыха намъ давали не

болѣе 4—5 часовъ ночи на сырой землѣ, и нерѣдко случалось, что только солдаты лишь усядутся обѣдать, вдругъ раздается команда: «Вываливай кашу! Надѣвай ранцы!» И опять впередъ. Къ довершенію удовольствія этого труднаго путешествія, артиллерія наша безпрестанно увязаетъ въ грязи, и нашихъ людей заставляютъ, по поясъ въ водѣ, вытаскивать огромныя батарейныя орудія.

Однимъ словомъ, мы всѣ до того были изнурены и измучены, что въ одинъ прекрасный дождливый день, когда очередная рота, шедшая во главѣ колонны, занималась вытаскиваніемъ загрязшей артиллеріи и тѣмъ остановила наше шествіе, всѣ, отъ генерала до послѣдняго солдата, ринулись на размокшую землю, и въ одно мгновеніе всѣ заснули мертвымъ сномъ. Это было на разсвѣтѣ; артиллерію вытащили, и она отправилась на указанную для всей дивизіи позицію. Тутъ только хватились, что въ дивизіи одного полка не хватаетъ. Гдѣ Преображенскій полкъ? Не видалъ ли кто Преображенскаго полка? Адъютанты скачутъ во всѣ стороны, и одинъ изъ нихъ наталкивается, наконецъ, не на двѣнадцать спящихъ дѣвъ, а на двѣнадцать благополучно почивающихъ ротъ л.-гв. Преображенскаго полка.

Въ особенности дождь и сырость мучили насъ; рубашки наши не просыхали, и неоднократно намъ приходилось ихъ мѣнять на открытомъ дождѣ. Мы никакъ не могли разъяснить себѣ причину этого спѣшнаго бѣгства впередъ, продолжавшаго цѣлыхъ 7 или 8 дней; но разгадка эта скоро сама представилась глазамъ нашимъ въ видѣ свѣжаго, только что покинутаго поля сраженія. Оказывается, что, въ предвидѣніи генеральнаго сраженія съ Поляками подъ городомъ Остроленкою, насъ торопили на помощь сражавшихся армейскихъ войскъ; но къ несчастію, при всемъ нашемъ усердіи, мы все-таки опоздали и явились уже на оставленный театръ горячей и стойкой битвы.

Это было для меня первымъ въ моей жизни зрѣлищемъ поля сраженія и потому глубоко врѣзалось въ моей памяти. На 8-й день, или правильнѣе на разсвѣтѣ 8-й ночи, измученный, мокрый, дремалъ я сидя на своей верховой лошади, неправильное движеніе которой заставило меня открыть глаза: передо мною лежалъ тяжело раненый Русскій солдатъ, съ оторванными съ лѣвой стороны рукою и ногою; лицо его выражало невыносимое страданіе. «Ради Бога», обратился онъ ко мнѣ при моемъ приближеніи, «пристрѣлите меня, или прикажите вашимъ солдатамъ меня штыкомъ приколоть, мочи моей не хватаетъ».

Сердце облилось во мнѣ кровью, и безпомощный я отвернулся отъ несчастнаго. Немного далѣе такой же страдалецъ подползъ къ случайно попавшемуся камню и, ударяясь о него головою, старался лишить себя жизни. Тутъ и тамъ въ разныхъ положеніяхъ разбросаны

мертвыя тѣла убитыхъ людей и лошадей, обломки лафетовъ артиллерійскихъ орудій, кое-гдѣ еще дымятся скорострѣльныя трубки взорванныхъ гранатъ и проч. и проч. При этомъ мнѣ представился случай повидать и подивиться хладнокровію и философіи нашего солдата: почти ни одного мертваго тѣла не видно было въ полной одеждѣ, у инаго была снята шинель, у всѣхъ—сапоги, а иной лежалъ и совершенно нагой. Это товарищи, оставшіеся въ живыхъ, разсчитывая, что на томъ свѣтѣ не нужны ни сапоги, ни одежда, разоблачаютъ покойниковъ, теряя изъ виду, что завтра, можетъ-быть, и имъ эти вещи будутъ совершенно безполезны.

Хуже всего то, что иногда и живые еще, но безнадежные, оставляемые за недостаткомъ перевозочныхъ средствъ, на произволъ судьбы, подвергаются таковому же разоблаченію, и эти несчастные, въ добавленіе къ неистовымъ страданіямъ отъ тяжкихъ ранъ, принуждены еще мучиться отъ холода; я видѣлъ двухъ страдальцевъ въ этомъ положеніи, сползшихся рядкомъ и вмѣстѣ покрытыхъ одною шинелью, и то были: Полякъ и Русскій! Видно, смерть примиряетъ всѣхъ, подумалъ я, покидая это печальное зрѣлище, произведшее на меня такое сильное впечатлѣніе, что много лѣтъ послѣ, я, безъ лихорадочнаго чувства, не могъ видѣть разсвѣта, ежели мнѣ прежде не удалось уснуть.

Глава пятая.

Дѣла наши въ Польшѣ шли очень плохо. Выступая изъ Петербурга, мы имѣли твердое убѣжденіе, что, прежде даже, чѣмъ мы успѣемъ дойдти до перваго пункта нашего назначенія, т.-е. до Вильны, мятежъ будетъ усмиренъ, и намъ, къ общему сожалѣнію, не придется и пороху понюхать; а ежели, паче чаянія, Поляки удержатся до прибытія гвардіи, то мы ихъ просто-на-просто шапками закидаемъ. На повѣрку же вышло совсѣмъ не то: Поляки держались не только противъ нашихъ войскъ, но даже нерѣдко случалось имъ выигрывать сраженія. По крайней мѣрѣ, слухи изъ арміи, до насъ доходившіе, были крайне неутѣшительны. Мы всѣ, не только офицеры, но и солдаты горѣли нетерпѣніемъ сразиться съ непріятелемъ; но это все какъ-то не удавалось: насъ постоянно передвигали съ мѣста на мѣсто, и мы все приходили или слишкомъ поздно или рано и непріятельскіе выстрѣлы слышали только издали. Дошло, наконецъ, до того, что вся гвардія, подъ командою Великаго Князя Михаила Павловича, очутилась отрѣзанною отъ дѣйствующихъ войскъ, и всякое сообщеніе съ главнокомандующимъ было одно время прервано. Въ одинъ прекрасный день (при этомъ случаѣ, разъ навсегда считаю нужнымъ оговориться, что по предмету хронологіи я сильно прихрамываю, и память моя поло-

жительно отказывается именовать, какъ нѣкоторыя мѣстности, въ которыхъ совершились какія-либо происшествія, такъ равно и мѣсяцы и числа, въ которыя эти происшествія совершились; конечно, я легко могъ бы извлечь эти свѣдѣнія изъ моего послужнаго списка, но признаюсь откровенно, мнѣ этого крайне не хочется, потому что я не имѣю претензіи писать исторію, а просто разсказываю свою жизнь со всею ея обстановкою, такъ какъ она представляется моей памяти). За симъ продолжаю мой разсказъ. И такъ, въ одинъ прекрасный день весь гвардейскій корпусъ получаетъ приказаніе, какъ можно скорѣе ретироваться и, переправившись чрезъ рѣку Наревъ, построиться въ боевой порядокъ. Зачѣмъ, для чего?.. Неизвѣстно! Но менѣе того приказаніе исполняется въ точности: всѣ полки, почти бѣгомъ, наталкиваясь одинъ на другой, переходятъ чрезъ мостъ въ версту длиною и располагаются на другомъ берегу Нарева.

Прошло часовъ пять послѣ нашего постыднаго бѣгства отъ мнимаго непріятеля, всѣ успокоились, ружья были составлены въ козлы; солдаты, отобѣдавъ кто какъ могъ и какъ умѣлъ, отдыхали, растянувшись на землѣ. Дядя Ник. Алек. со своимъ полковымъ штабомъ, въ числѣ коего я всегда былъ непремѣннымъ членомъ, сѣли за столъ, и только что намъ подали супъ, вдругъ... пушечный выстрѣлъ, потомъ другой, третій! Всѣ вскочили, тревога! Что́ такое? Надѣвай ранцы, разбирай ружья! Раздается команда. Въ пять минутъ вся гвардія была въ строю.

Первымъ зрѣлищемъ представился намъ л.-гв. кирасирскій Его Величества полкъ, несшійся маршъ-маршемъ черезъ мостъ съ той стороны Нарева, съ полковымъ его командиромъ ген. маіоромъ Ж. .. впереди, грозно державшимъ въ правой рукѣ пистолетъ. Сзади ихъ, въ дальнемъ еще разстоянія, начинали показываться на возвышеніи вытягивающіяся непріятельскія войска, выставившія впередъ два орудія,—причину всей этой тревоги. Храбрый ген. Ж..., проходя мимо насъ съ своимъ полкомъ, былъ порядочно нами ошиканъ и осмѣянъ. Суть дѣла оказалась вотъ въ чемъ: мы были, какъ я выше сказалъ, лишены сообщенія съ дѣйствующею арміею, и нашъ корпусный командиръ поставленъ былъ въ необходимость дѣйствовать самостоятельно, а потому при штабѣ его состояли разные жиды-шпіоны и развѣдчики, посредствомъ которыхъ онъ получилъ свѣдѣніе, что значительный отрядъ Польскихъ войскъ направляется намъ въ тылъ съ цѣлью отрѣзать насъ отъ Нарева, т.-е. отъ нашей границы. Во избѣжаніе исполненія непріятелемъ этого плана и была совершена нами слишкомъ быстрая переправа; а кирасирскій полкъ, оставленный на томъ берегу въ видѣ аванпостовъ, преисполненный своихъ казарменныхъ при-

вычекъ, счелъ нужнымъ разсѣдлать и размунштучить своихъ лошадей, а самому расположиться на отдыхъ. Неожиданно потревоженные ядрами подошедшаго непріятеля, кирасиры, имѣя во главѣ своего командира, бросились спасаться, кто какъ можетъ. Когда Поляки показались изъ-за горы и развернули на возвышенности свои силы, выдвинувъ предварительно впередъ два орудія, безпокоившія насъ своими ядрами, то, предполагая въ нихъ намѣреніе атаковать насъ черезъ рѣку, насъ построили въ боевой порядокъ и вызвали впередъ застрѣльщиковъ, въ числѣ коихъ находились всѣ наши подпрапорщики добровольцами, а слѣдовательно и я. Радость, по истинѣ, была общая; наконецъ-то, мечтали мы, удастся намъ показать себя въ дѣйствительномъ дѣлѣ и заслужить или пулю въ лобъ, или крестъ на грудь. Но увы! Ни того ни другаго не случилось; да и не могло случиться, по соображенію обстоятельствъ: не успѣвъ отрѣзать насъ отъ Нарева и атаковать въ тылъ, непріятель не имѣлъ никакой возможности, да и надобности, вести атаку съ фронта на свѣжій, готовый къ бою и отборный гвардейскій корпусъ, переправляясь черезъ быструю, широкую и болотистую по берегамъ рѣку, безъ всякихъ другихъ средствъ, кромѣ узкаго и длиннаго моста. Мало того, для вящей еще нашей безопасности, по распоряженію нашего начальства, мостъ былъ взорванъ, причемъ совершенно напрасно были убиты ядромъ Семеновскаго полка поручикъ Криднеръ и нѣсколько нижнихъ чиновъ, и такимъ образомъ всякая переправа дѣлалась немыслимою. Не менѣе того, мы продолжали стоять въ ружьѣ, выстроенные въ боевой порядокъ на самомъ берегу рѣки и тѣмъ служить какъ бы мишенью для двухъ выставленныхъ противъ насъ Польскихъ орудій; наша артиллерія въ числѣ нѣсколькихъ батарей нещадно громила эти дерзкія орудія, которыя ей, дѣйствительно, удалось сбить и заставить молчать по истеченіи двухъ или трехъ часовъ ожесточенной пальбы. Мы же все это время оставались, ежели неравнодушными, то совершенно безучастными зрителями, имѣя удовольствіе отъ времени до времени получать непріятельскія ядра въ наши невинныя колонны, уносившія нашихъ людей. Наконецъ, кто-то изъ штабныхъ подалъ благой совѣтъ корпусному командиру: отложивъ излишнюю и безполезную храбрость, отодвинуть корпусъ на нѣсколько саженъ далѣе; и, дѣйствительно, при совершеніи этого маневра, непріятельскія ядра, рикошируя по шоссе и не долетая до строя, завязали въ находившемся передъ нами болотѣ, такъ что деньщики наши, лишенные всякаго болѣе полезнаго занятія, бѣгали вырывать ихъ руками.

Тѣмъ и кончилось это пресловутое дѣло гвардейскаго корпуса подъ мѣстечкомъ «*Жолтки*», о которомъ всякій можетъ прочитать въ

любомъ изъ нашихъ послужныхъ списковъ съ повѣствованіемъ о нашемъ *мужествѣ* и *храбрости*, оказанныхъ при этомъ случаѣ. Въ послѣдствіи времени, мы крайне были удивлены, узнавъ, что многіе изъ состоявшихъ при штабѣ гвардейскаго корпуса, да чуть ли и не самъ корпусный командиръ, получили значительныя награды за это «*побѣдоносное*» дѣло.

Вотъ какъ часто, пишутся боевыя реляціи! Вотъ какъ часто жизнь и судьба многихъ людей зависятъ отъ большей или меньшей распорядительности начальника! Вся гвардія была преисполнена великолѣпнымъ духомъ; мы всѣ, до послѣдняго солдата, жаждали подраться, и насъ не пускали! Мы бы, кажется, проглотили этотъ дрянной Польской отрядишко съ его двумя пушками... а насъ заставили ретироваться передъ нимъ; да еще послѣ, какъ бы въ насмѣшку, награждаютъ и восхваляютъ за храбрость!

Сколько могу припомнить, послѣ этого *сраженія*, послѣ неоднократныхъ съ мѣста на мѣсто безпослѣдственныхъ передвиженій, въ продолженіе коихъ въ войскахъ нашихъ сталъ осязательно чувствоваться недостатокъ въ провіантѣ и фуражѣ (такъ что солдаты наши преимущественно питались собираемыми ими по дорогѣ грибами), насъ вмѣстѣ со всѣмъ корпусомъ стянули къ Польскому уже городу *Ломжѣ*, гдѣ находилась главная квартира дѣйствующей арміи и самъ главнокомандующій, фельдмаршалъ графъ Дибичъ Забалканскій. Не знаю, что́ творилось въ высшихъ сферахъ въ это время; но очень хорошо помню, что мы съ полкомъ цѣлый мѣсяцъ простояли по квартирамъ въ окрестностяхъ *Ломжи*, въ большой деревнѣ *Купишки*.

Глава шестая.

Стоянка эта была для насъ довольно пріятна: всѣ офицеры полка были вмѣстѣ, придумывали всякія забавы и развлеченія, гулянія, посѣщенія г. Ломжи, гдѣ между прочимъ находился и нашъ полковой штабъ; вечеромъ собирались играть въ карты, пѣть хоровыя пѣсни и проч. Меня, какъ помню, въ особенности занимали воспитаніе и выѣздка моихъ лошадей; преимущественно моя верховая была отлично приручена и бѣгала за мною, какъ собака, что́ не мало доставляло мнѣ удовольствія. Однажды вечеромъ, когда уже стемнѣло, нѣкоторые изъ нашихъ солдатиковъ, провѣдавъ, что недовѣрчивые крестьяне скрываютъ отъ насъ свое имущество, зарывая его въ землю въ лѣсахъ и отдаленныхъ мѣстностяхъ, вздумали воспользоваться дешевой наживой и въ числѣ нѣсколькихъ человѣкъ отправились съ лопатами въ лѣсъ. Подкараулившіе ихъ мѣстные жители затѣяли съ ними драку, поднялся крикъ, гвалтъ; многіе другіе солдаты, случайно

находившіеся внѣ селенія, услыхавъ въ непроницаемомъ мракѣ, крики на Польскомъ нарѣчіи, вообразили себѣ внезапное нападеніе непріятеля и начали кричать: Поляки! Поляки! Кракусы! Разбирай ружья! Командиръ нашего третьяго баталіона, полковникъ Бѣлявцовъ, проходилъ въ это время по улицѣ селенія; крики эти, постепенно усиливавшіеся, его озадачили и, опасаясь потерять время на разбирательство ихъ причины, онъ приказалъ близъ находившемуся барабанщику ударить тревогу. Надо было видѣть, какая тутъ началась суматоха. Офицеры и солдаты спѣшили наскоро одѣваться и, выбѣгая на улицу, натыкались другъ на друга, перекликались, не зная въ темнотѣ куда бѣжать для занятія своего мѣста и т. д. Наконецъ, весь полкъ былъ подъ ружьемъ, все успокоилось, разобрали причину этой катавасіи, виновника приказано было наказать, и всѣхъ распустили на сонъ грядущій; но этимъ дѣло не кончилось. Мы, кажется, не сообразили, что находимся на военномъ положеніи, что вокругъ насъ росположены по деревнямъ всѣ другіе полки гвардейскако корпуса, которые, услыхавъ, что у насъ бьютъ тревогу и не вѣдая тому причины, сочли своею обязанностію, и совершенно справедливо, послѣдовать нашему примѣру. Однимъ словомъ: отъ одного къ другому, отъ другаго къ третьему, и не болѣе, какъ черезъ часъ весь корпусъ былъ въ ружьѣ и въ ожиданіи дальнѣйшихъ приказаній. Между тѣмъ корпусный штабъ, точно также поднятый на ноги, разсылалъ во всѣ стороны адъютантовъ и ординарцевъ для узнанія причины общей тревоги. Ночь была такъ темна, что многіе изъ посланныхъ вовсе не могли попасть къ мѣсту своего назначенія, иные же попадали въ ямы и канавы, и обстоятельство это разъяснилось не ранѣе, какъ съ наступленіемъ дня. Многіе полки, ожидая и не получая никакихъ дальнѣйшихъ приказаній, провели эту ночь въ строю, безъ сна. Вотъ что-называется гора родила мышь!

Войска наши продолжали бездѣйствовать, когда разнесся слухъ, что изъ Петербурга къ фельдмаршалу Дибичу пріѣзжалъ генералъ-адъютантъ графъ О. На второй или третій день по его пріѣздѣ, новый слухъ, что Дибичъ заболѣлъ холерою (которой въ войскахъ еще вовсе не было), а тамъ, черезъ день, мы получили свѣдѣніе о кончинѣ Дибича. Солдаты говорили, что О. пріѣзжалъ къ Дибичу съ приказаніемъ ему умереть, и онъ взялъ, да и умеръ! Такъ ли это, или иначе? Господь ихъ знаетъ; но оно дѣйствительно было на то похоже.

Вскорѣ послѣ кончины Дибича вновь возобновились военныя дѣйствія подъ главнымъ начальствомъ начальника штаба дѣйствующей арміи, генералъ-адъютанта графа Толя, а тамъ въ непродолжи-

тельномъ времени пріѣхалъ графъ Паскевичъ Эриванскій и принялъ должность главнокомандующаго. Нельзя не сознаться, что со вступленіемъ Паскевича дѣла наши пошли гораздо успѣшнѣе; о выигранныхъ Поляками сраженіяхъ уже и слуховъ не было: ихъ вездѣ разбивали и тѣснили къ Варшавѣ. Нашъ полкъ имѣлъ случай участвовать въ нѣсколькихъ не особой важности перестрѣлкахъ съ непріятелемъ, которыя всѣ прописаны въ нашихъ формулярныхъ спискахъ, но о которыхъ я положительно особого ничего припомнить не могу; знаю только, что за одно изъ этихъ *сраженій* мы всѣ подпрапорщики (насъ было семь человѣкъ въ Преображенскомъ полку), *въ воздаяніе отличнаго мужества и храбрости, оказанныхъ въ сраженіи противъ Польскихъ мятежниковъ*, произведены были въ офицеры. Всегда говорятъ, что первый офицерскій чинъ бываетъ несравненно пріятнѣе всѣхъ послѣдующихъ; но этого я не испыталъ и весьма мало порадовался моему благородію. Мнѣ такъ было хорошо въ моей солдатской шинели; я находился подъ крылышкомъ у добраго дяди, который меня любилъ и берегъ, сколько могъ; никакая отвѣтственность меня не тревожила, никакая особая обязанность по службѣ на мнѣ не лежала; я былъ почти, что называется, вольный казакъ. Съ офицерствомъ же начинались для меня караулы, дежурства, и прочія обязанности гарнизонной службы на ряду съ остальными офицерами; къ тому же и новая обмундировка моя немало меня затрудняла: мы постоянно стояли на бивуакахъ вдали отъ городовъ, и много потребовалось времени и хлопотъ, чтобы мнѣ обмундироваться въ офицерскую форму.

Продолжая наше передвиженіе изъ стороны въ сторону, съ мѣста на мѣсто, мы наконецъ, въ общемъ составѣ дѣйствующихъ войскъ, придвинулись къ стѣнамъ Варшавы, и во второй половинѣ Августа началось бомбардированіе этого города, весьма сильно укрѣпленнаго Поляками. Съ перваго же дня начала бомбардированія Варшавы, я былъ назначенъ безсмѣннымъ ординарцемъ (въ родѣ временнаго адъютанта) къ командующему всею пѣхотою гвардейскаго корпуса, почтенному и храброму генералъ-адъютанту Бистрому. За нѣсколько времени передъ тѣмъ я случайно купилъ у одного казака прекрасную, молодую, рыженькую кобылку, самъ ее отлично выѣздилъ подъ верхъ, и она мнѣ какъ нельзя лучше послужила при этомъ случаѣ. Польскія войска весьма часто дѣлали вылазки изъ города, и передовые полки гвардейскаго корпуса, при которыхъ безотлучно находился генералъ Бистромъ, а слѣдовательно и я, постоянно принимали участіе въ горячей перестрѣлкѣ съ непріятелемъ и въ атакахъ.

На второй или третій день сраженія подъ стѣнами Варшавы, я былъ очевидцемъ великолѣпнаго дѣла л.-гв. Гусарскаго полка. Изъ одной изъ заставъ города выступилъ значительный отрядъ Польской кавалеріи, направлявшейся на лѣвый флангъ нашей линіи. Л.-гв. Гусарскій полкъ, получивъ приказаніе атаковать этотъ отрядъ, бросился съ мѣста маршъ маршемъ впередъ, въ одно мгновеніе смялъ Польскую кавалерію, обратилъ ее въ бѣгство и пустился ее преслѣдовать. Увлеченіе было такъ велико, что гусары не замѣтили, какъ на плечахъ у непріятеля они вскочили въ предмѣстье города, за ними опустили шлагбаумъ, и они очутились, какъ въ мышеловкѣ, окруженные свѣжими войсками Поляковъ. Раздумывать было некогда, ретироваться невозможно; мы, сочувственные свидѣтели этого эпизода, почитали уже лейбъ-гусаровъ окончательно погибшими, и какова же была наша радость и удивленіе, когда, черезъ нѣсколько минутъ, мы увидали нашихъ храбрецовъ, выскакивающихъ изъ города чрезъ другую заставу!

Молодцы лейбъ-гусары, прорубившись сквозь окружившія ихъ войска и проскакавъ по улицамъ невзятаго непріятельскаго города, вылетѣли изъ близъ лежащей заставы въ глазахъ оторопѣвшихъ Поляковъ, не подумавшихъ остановить ихъ стремленіе; правда, что гусары оставили убитыми и ранеными въ стѣнахъ города почти четверть всего полка. Когда, по взятіи Варшавы, мы посѣтили военный госпиталь, то въ числѣ раненыхъ я самъ видѣлъ лейбъ-гусарскаго офицера Слѣпцова, получившаго въ этомъ дѣлѣ 17 ранъ холоднымъ оружіемъ, и я видѣлъ его совершенно уже выздоравливающимъ; но къ несчастію онъ скоро послѣ того умеръ жертвой своей невоздержности.

Послѣ нѣсколькихъ дней бомбардированія города, рѣшено было идти на приступъ передовыхъ его укрѣпленій, и на этотъ предметъ вызывались охотники изо всѣхъ пѣхотныхъ полковъ гвардіи; всего требовалось съ каждаго полка по четыре оберъ-офицера и не помню сколько нижнихъ чиновъ. Что всѣ, до единаго, офицеры Преображенскаго полка заявили желаніе идти въ охотники, въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго; но что весь полкъ солдатъ пожелалъ принять участіе въ приступѣ, это доказываетъ великолѣпный духъ нашего войска.

Для соглашенія числа предложеній съ числомъ потребности, начальство наше нашлось въ необходимости принять жеребьевой способъ, какъ между офицерами, такъ равно и между нижними чинами. Изъ числа офицеровъ вытянули желанные билеты: поручикъ Языковъ (Александръ Петровичъ), подпоручикъ Хозиковъ (Ѳедоръ Николаевичъ) и прапорщики баронъ Розенъ (Александръ Григорьевичъ) и Челищевъ (Алексѣй Егоровичъ).

Наконецъ, 25-го Августа, въ день, назначенный для штурма Варшавскихъ укрѣпленій, избранные охотники наши, сопровождаемые искренними пожеланіями всѣхъ насъ, завидующихъ ихъ участи, отправились на свой блистательный подвигъ. Нечего говорить, что всѣ они во время приступа были въ головѣ штурмующей колоны и какъ офицеры, такъ и солдаты дѣйствительно показали собою примѣръ отличной храбрости.

Изъ всѣхъ офицеровъ, бывшихъ въ охотникахъ, оказался раненымъ одинъ Языковъ, и то очень легко въ ногу, прочіе-же вышли изъ дѣла совершенно невредимыми; но любопытно было видѣть, какъ близка была отъ нихъ смерть и какъ Провидѣніе хранило ихъ. Напримѣръ, прапорщикъ Розенъ, въ пылу общаго увлеченія, ворвался въ костелъ *Воли*, гдѣ были сосредоточены непріятельскіе резервы. Солдаты наши, занятые рукопашнымъ боемъ на валахъ укрѣпленій, какъ-то не вдругъ поспѣли за своимъ офицеромъ, и Розенъ очутился одинъ между сотнями Поляковъ. Одинъ ударъ штыкомъ, и дѣло его было порѣшеное! Нужно же было, чтобы Поляки до того потеряли головы, что вмѣсто того, чтобы колоть, повернули ружья прикладами, которыми и сбили Розена съ ногъ; въ этотъ самый моментъ подоспѣли солдаты и выручили его изъ весьма критическаго положенія. По окончаніи сраженія, когда поосмотрѣлись, на томъ же прапорщикѣ Розенѣ оказалось нѣсколько нанесенныхъ ему ударовъ, не причинившихъ ему ни малѣйшаго вреда; а именно: 1-е) лаковой кожи киверъ его былъ сверху разрубленъ, и ударъ оружія остановился на полвершка отъ головы, 2-е) одна пуля попала ему вскользь груди и остановилась въ ватѣ сюртука; 3-е) другая пуля попала въ металлическій знакъ, имѣвшійся у него на самомъ горлѣ, продавила этотъ знакъ, но до тѣла не дошла, 4-е) третья пуля попала въ кожаныя ножны отъ сабли, висѣвшія у самой ноги; ножны прострѣлены на сквозь, нога не тронута, и наконецъ 5-е) штыкомъ оказался у него проколотымъ сюртукъ, панталоны и все исподнее бѣлье насквозь, на тѣлѣ же ни царапины! Случай этотъ я разсказалъ въ подробности, какъ дѣйствительно рѣдкій примѣръ особеннаго покровительства Провидѣнія, и за то прапорщикъ Розенъ былъ исключительно награжденъ офицерскимъ Георгіевскимъ крестомъ.

На другой день приступа, т.-е. 26-го Августа 1831 года, Поляки сдали Варшаву съ тѣмъ, чтобы войску ихъ было безпрепятственно дозволено выступить изъ города, по направленію къ крѣпости Люблину. Эта уже была послѣдняя, такъ сказать, вспышка умирающей революціи, которой, во избѣжаніе напраснаго кровопролитія, не сочли нужнымъ препятствовать, вслѣдствіе чего наши войска съ распущен-

ными знаменами и музыкой входили побѣдителями въ Варшаву съ одной стороны, въ то самое время, какъ Польская армія переходила мостъ черезъ Вислу, направляясь къ Люблину.

Гвардія наша осталась въ столицѣ Польши, расположившись бивуаками на ея площадяхъ; армія же отправилась въ преслѣдованіе за непріятелемъ. Но этотъ походъ уже продолжался недолго; недѣли черезъ двѣ или три Поляки безусловно сдались, повергая участь свою милосердію Русскаго Императора.

Глава седьмая.

Оканчивая предыдущую главу, а съ нею и описаніе Польской кампаніи, я позабылъ помянуть объ одномъ эпизодѣ этого времени, собственно ничего важнаго въ себѣ не заключающемъ, но интереснымъ для меня какъ одинъ изъ тѣхъ случаевъ, въ которомъ я имѣлъ возможность видѣть и любоваться хладнокровіемъ Русскаго солдата. Это было, кажется, на второй день осады и бомбардированія передовыхъ укрѣпленій г. Варшавы. Я стоялъ верхомъ позади своего генерала, который безпрестанно разсылалъ насъ, своихъ адъютантовъ и ординарцевъ, съ приказаніями въ дѣйствующіе полки нашей пѣхоты; въ это время вдругъ подъѣзжаетъ къ Бистрому солдатъ армейской пѣшей артиллеріи, на упряжной артиллерійской лошади, и доноситъ ему, что онъ присланъ отъ командира 5-й пѣхотной артиллерійской батареи полковника Павлова доложить, что батарея его стоитъ подъ картечнымъ огнемъ непріятеля и, разстрѣлявъ всѣ свои заряды, не можетъ даже отвѣчать на выстрѣлы Поляковъ, а потому и проситъ генерала сдѣлать распоряженіе о немедленномъ доставленіи зарядовъ въ 5-ю батарею. Генер. Бистромъ, подозвавъ меня, приказалъ мнѣ ѣхать къ полковнику Павлову и передать ему, что ему (Бистрому) вовсе неизвѣстно, гдѣ находится складъ артиллерійскихъ снарядовъ и такъ какъ онъ командуетъ пѣхотой гвардейскаго корпуса, то и распоряженія по означенному предмету до него совершенно не касаются, и чтобы онъ со своимъ требованіемъ обратился къ начальнику артиллеріи генералу Гербелю. Выслушавъ приказаніе Бистрома, я вмѣстѣ съ пріѣхавшимъ артиллерійскимъ солдатомъ поскакалъ по указанному имъ направленію. По мѣрѣ приближенія нашего къ предмѣстьямъ города, все чаще и гуще стали летать намъ на встрѣчу непріятельскіе снаряды. Смотрю, мой солдатикъ остановилъ свою лошадь.—«Что жъ ты?» спрашиваю я его.—А вотъ, в. б—іе, поѣзжайте такъ прямо, вонъ на горкѣ-то прямо, такъ и наткнетесь на нашу батарею.—«А ты-то куда?»—Да мнѣ надобно еще въ другое мѣсто.—«Вздоръ, любезный! Тебя послали, такъ ты и долженъ пріѣхать съ отвѣтомъ», и съ этимъ словомъ

я схватилъ его лошадь подъ устцы и потащилъ съ собою. Подъѣзжаю къ мѣсту, и что́ жъ я вижу? Батарея въ 6 или 8 орудій стоитъ въ бездѣйствіи на какомъ-то огородѣ, буквально осыпаемая непріятельскою картечью, а прислуга, за неимѣніемъ болѣе полезныхъ занятій, упражняется прехладнокровно выкапываніемъ картофеля на ужинъ; нѣсколько человѣкъ были перебиты въ моихъ глазахъ, не успѣвъ окончить свою работу, что́ впрочемъ не помѣшало другимъ продолжать ее. Чего не сдѣлаешь съ такимъ войскомъ! Отыскавъ полковника, я передалъ ему приказаніе моего генарала и, что́ жъ оказалось? Дѣйствительно заряды были всѣ разстрѣляны, но за ними былъ посланъ офицеръ, который сейчасъ же ихъ и привезъ; а солдатъ мой самъ придумалъ себѣ эту командировку вслѣдствіе ненормальнаго расположенія духа. Его приказано было поставить на самое *видное* мѣсто!

Я выше сказалъ, что въ то время когда наши полки вступали побѣдоносно въ одну заставу Варшавы, Польскія войска выступали въ другую по направленію къ крѣпости Люблину и что за ними послѣдовала наша армія; а такъ какъ въ томъ числѣ было и нѣсколько гвардейскихъ полковъ, то Великій Князь Михаилъ Павловичъ тоже отправился съ ними, оставивъ въ Варшавѣ главноначальствующимъ моего генерала Бистрома.

Съ этого времени началась для меня и всѣхъ моихъ товарищей, адъютантовъ и ординарцевъ (въ числѣ первыхъ былъ Измайловскаго полка подпоручикъ Моллеръ, нашъ знаменитый живописецъ) довольно трудная служба. Мы обязаны были поочередно, и днемъ, и ночью, съ конвоемъ объѣзжать весь городъ для наблюденія за тишиной и порядкомъ; при наступленіи сумерокъ, ни одинъ обыватель не долженъ былъ выходить изъ дому безъ зажженаго фонаря; ни въ одномъ домѣ освѣщеніе не должно было продолжаться долѣе одинадцати часовъ, и приведеніе въ исполненіе этого приказанія лежало на нашей обязанности, такъ что неоднократно мнѣ случалось, слѣзая съ лошади у подъѣзда, въ походной, а иногда и загрязненной формѣ, входить во второй этажъ и при самомъ разгарѣ какого-либо вечера просить гостей разъѣзжаться по домамъ, а хозяевъ гасить освѣщеніе.

По истеченіи нѣсколькихъ дней пребыванія нашего въ Варшавѣ, генералъ Бистромъ, имѣя надобность доставить Великому Князю нѣкоторыя донесенія и сообщенія, возложилъ на меня эту обязанность. Мнѣ предписано было ѣхать курьеромъ, для отысканія Его Высочества (положительное мѣстопребываніе коего еще не было извѣстно) и врученія ему даннаго мнѣ конверта. До первой отъ Варшавы почтовой станціи я долженъ былъ ѣхать верхомъ со своимъ деньщикомъ, далѣе же по выданной мнѣ курьерской подорожной—на почтовыхъ лоша-

дяхъ. Очень помню, что, пріѣхавъ на означенную станцію (кажется Яблонка), я сошелъ съ лошади и отправился въ почтовый домъ, чтобы предъявить мою подорожную, и каково же было мое изумленіе и моя эмоція, когда я очутился въ комнатѣ наполненной пирующими офицерами Польской арміи? Первая мысль, что это летучій непріятельскій отрядъ, которые весьма часто являлись изъ лѣсу въ тылу нашихъ войскъ, крайне меня сконфузила; не менѣе того, не желая показать моей конфузіи, я самымъ какимъ только могъ грубымъ голосомъ потребовалъ отъ смотрителя лошадей и, вызвавъ его изъ дому, попросилъ объясненія этого неожиданнаго мною собранія. Выяснилось, что это Польскіе офицеры ѣдущіе въ Варшаву «зложить бронь», какъ они выражались, т.-е. сдаваться.

Такъ какъ на станціи не оказалось въ наличности лошадей, то, несмотря на мою досаду и угрозы, я нашелся въ необходимости продолжать мой путь, какъ его началъ, т.-е. верхомъ.

Слѣдующая станція была Люблинъ, которая только наканунѣ была сдана Поляками безъ боя, а потому, за неимѣніемъ времени устанавливать надлежащее управленіе, въ городѣ царствовала страшная неурядица; только-что назначенный комендантъ, хотя и принялъ меня съ подобающею военному курьеру заботливостію, но наотрѣзъ объявилъ, что ничѣмъ дальнѣйшему моему путешествію содѣйствовать не можетъ, такъ какъ ни почтъ, ни почтовыхъ лошадей не имѣется; что же касается до мѣста пребыванія Великаго Князя, то, согласно послѣднимъ свѣдѣніямъ, полученнымъ въ Люблинѣ, Его Высочество долженъ въ настоящее время находиться въ окрестностяхъ мѣстечка Щепёры, на двадцативерстномъ разстояніи отъ крѣпости. Что мнѣ оставалось дѣлать? Пообдумавъ хорошенько, я рѣшился, давъ отдохнуть моимъ лошадямъ и, выкормивъ ихъ, ѣхать далѣе опять-таки верхомъ. Этотъ планъ и былъ мною приведенъ въ исполненіе; но чтобы пуститься въ дальнѣйшій путь, по незнанію мѣстности, мнѣ необходимо было добыть себѣ проводника, тѣмъ болѣе, что уже начинало смеркаться. Не думая долго, я отправился въ первую попавшуюся мнѣ на дорогѣ корчму, наполненную Жидами, и по достиженіи, послѣ большихъ усилій, тишины и молчанія, я заявилъ во всеуслышаніе, что по казенной и самонужнѣйшей надобности мнѣ требуется проводникъ до мѣстечка Щепёры, что ежели найдется желающій принять на себя эту обязанность, то я заплачу ему что онъ пожелаетъ, въ противномъ же случаѣ я буду вынужденъ, на основаніи военнаго положенія, взять въ проводники силкомъ самаго корчмаря. Послѣ долгихъ криковъ, шума и гвалта, выискался наконецъ Еврей-охотникъ. Убѣдившись предварительно, что онъ твердо знаетъ

дорогу, я съ деньщикомъ своимъ пустился верхомъ въ путь въ сопровожденіи пѣшаго Жида. Опасаясь со стороны моего провожатаго Сусанинской измѣны, я предварительно далъ ему осмотрѣть мои два кобурные заряженные пистолета, а потомъ привязалъ его за руку къ моему стремени, и мы тронулись въ походъ. Сумерки скоро превратились въ темноту, и черезъ нѣсколько времени наступила такая черная ночь, какой до той поры я никогда не видывалъ; въ особенности же, такъ какъ путь нашъ лежалъ почти постоянно дремучимъ лѣсомъ, мракъ былъ такъ великъ, что я навѣсилъ себѣ на затылокъ бѣлый платокъ, чтобы деньщикъ мой могъ слѣдовать за мною. Путешествіе наше показалось мнѣ чрезмѣрно продолжительно; но наконецъ, не могу сказать чрезъ сколько времени, мы вышли на опушку и издали увидали бивуачные огни. Не имѣя положительныхъ свѣдѣній, какія это были войска, свои или непріятельскія, я передалъ своего Жида наблюденію деньщика, а самъ сторонкой, тѣнью отъ огня, осторожно приблизился къ кострамъ и, наконецъ, разсмотрѣвъ нашихъ артиллеристовъ, подъѣхалъ къ нимъ. Оказалось, что мѣстечко Щепёры тутъ и есть по близости, что въ немъ стоятъ пѣхота и артиллерія, но Великаго Князя нѣтъ, и гдѣ онъ, неизвѣстно. Былъ второй или третій часъ ночи; измученный, голодный, я не могъ ѣхать далѣе. Одинъ изъ солдатовъ взялся меня проводить въ домъ, гдѣ стояли ихъ офицеры; разбуженные моимъ стукомъ, они тотчасъ вскочили, зажгли огонь и, узнавъ въ чемъ дѣло, со свойственнымъ Русскимъ офицерамъ радушіемъ, принялись угощать меня чѣмъ могли: накормили, напоили и спать уложили меня, моего слугу, и даже Жидъ и мои лошади не были забыты. Тутъ я узналъ, что Польскія войска окончательно сдались безусловно, и наши полки возвращаются въ Варшаву. На другой день я легко отыскалъ штабъ Великаго Князя, передалъ порученный мнѣ конвертъ и отправился въ обратный путь вмѣстѣ съ нашими полками.

По возвращеніи въ Варшаву, мы вскорѣ получили приказаніе слѣдовать обратно въ Петербургъ. Распрощавшись съ добрымъ моимъ генераломъ Бистромомъ, который успѣлъ выхлопотать мнѣ за взятіе Варшавы орденъ Св. Анны 4-й степени на саблю съ надписью «за храбрость», я возвратился къ своему полку. Въ это время дядя Исленьевъ получилъ, какъ генералъ-адъютантъ, какое-то отъ Государя порученіе, вынуждавшее его, сдавъ командованіе Преображенскимъ полкомъ, на время обратнаго его слѣдованія, старшему по себѣ полковнику,—ѣхать впередъ отдѣльно. По отъѣздѣ дяди, мнѣ не захотѣлось слѣдовать съ полкомъ въ офицерской артели; я привыкъ болѣе или менѣе къ самостоятельной жизни, и мнѣ пожелалось воспользоваться большей свободой, вслѣдствіе чего я просилъ и получилъ

назначеніе слѣдовать впередъ съ командою хлѣбопековъ. Команда эта, не припомню въ какомъ числѣ рядовыхъ, при фельдфебелѣ и нѣсколькихъ унтеръ-офицерахъ, обязана была слѣдовать нѣсколькими днями впередъ полка и въ назначенныхъ пунктахъ останавливаться для печенія хлѣбовъ, которые и сдавались полку по его прибытіи на опредѣленныхъ этапахъ. У меня были въ полномъ моемъ распоряженіи дядина коляска, четверня лошадей съ кучеромъ и великолѣпный дядинъ поваръ, такъ что я путешествовалъ совершеннымъ бариномъ; но имѣя необходимости идти шагъ за шагомъ съ своей командой, я обыкновенно отъ этапа до этапа отправлялъ ее впередъ при фельдфебелѣ, а самъ не торопясь обгонялъ ее въ колескѣ, по дорогѣ между станціями останавливаясь на мызахъ у Польскихъ пановъ, которые на перерывъ угощали побѣдоноснаго гвардейскаго офицера. Положеніе мое крайне мнѣ тогда нравилось, тѣмъ болѣе, что во мнѣ начиналъ развиваться сильный вкусъ къ охотѣ, и мои паны всѣми силами старались угождать ему, такъ что одинъ изъ нихъ подарилъ мнѣ лягавую собаку; ружье у меня уже было, свобода полная; ну какъ же не поохотиться! Пороху всегда достать можно, дроби тоже; одного у меня недоставало—это необходимыхъ охотничьихъ принадлежностей, какъ-то пороховницы, дробницы и проч. Въ мѣстечкѣ Маріамполѣ возъимѣлъ я желаніе попробовать достоинства моей лягавой собаки въ полѣ; за неимѣніемъ по близости мызы мнѣ была отведена квартира въ корчмѣ, большомъ одноэтажномъ каменномъ строеніи, въ которомъ на одной сторонѣ была изрядная чистенькая комнатка, гдѣ я и помѣстился, а въ другой—огромная комната для простаго народа, а за этой комнатой небольшая кухня, гдѣ расположился мой поваръ. Устроившись въ моей комнатѣ и пообѣдавъ довольно поздно, я началъ дѣлать нужныя приготовленія къ завтрешней охотѣ.

Теперь мнѣ предстоитъ разсказъ самаго непростительнѣйшаго и глупѣйшаго поступка изъ всей моей жизни, въ которомъ и въ настоящее даже время, по прошествіи 45 лѣтъ, мнѣ совѣстно сознаться и который могъ бы имѣть неисчислимыя для меня послѣдствія. Дѣло было подъ вечеръ; у меня передъ диваномъ на столѣ стояли двѣ зажженныя свѣчи; добытый мною порохъ въ количествѣ трехъ фунтовъ, за недостаткомъ другаго болѣе соотвѣтствующаго вмѣстилища, находился на томъ же столѣ въ простомъ холщевомъ мѣшкѣ; ужъ это одно близкое сосѣдство пороха съ огнемъ было величайшею неосторожностью, но я и на этомъ не остановился: нельзя же было таскать съ собою на охотѣ весь мѣшокъ и тамъ изъ него вымѣрять заряды? Необходимы были заготовленные патроны, а ихъ-то у меня и не оказывалось! Не думая долго, я разсыпалъ часть пороха на листѣ бу-

маги, изъ другаго листа сталъ дѣлать маленькіе пакеты; насыпать въ нихъ зарядъ по мѣркѣ и потомъ печатать ихъ сургучомъ,—вторая неосторожность! Но и этого мало. Усмотрѣвъ частицу смокшагося пороха въ кускѣ и зная, что посредствомъ смоченнаго пороха производятся фейерверочные фонтаны, я не придумалъ ничего умнѣе какъ взять этотъ кусокъ въ руку и зажечь его на свѣчкѣ; фонтанъ произошелъ дѣйствительно великолѣпный, но только недолго я наслаждался имъ: часть искръ, какъ и слѣдовало ожидать всякому немного разсудительному человѣку, попала въ разсыпанный на столѣ порохъ, отъ него огонь сообщился мѣшку, и въ одно мгновеніе произошелъ общій взрывъ, и взрывъ настолько сильный, что меня отбросило на диванъ, три двойныя оконныя рамы вышвырнуло на улицу, и оба подсвѣчника съ загашенными свѣчами разметало по полу. Довольно скоро очнувшись, я вскочилъ на ноги и съ первою мыслію не произвести пожара, бросился въ темнотѣ тушить ногами тлѣвшійся на полу порожній мѣшокъ; потомъ, съ трудомъ отыскавъ дверь, выбѣжалъ въ сѣни, тутъ на силу могъ пробиться сквозь толпу хлынувшихъ изъ корчемной комнаты мужиковъ, испуганныхъ громомъ взрыва, которые, видя на мнѣ еще тлѣющій архалукъ, бросились меня спасать, полагая, что я застрѣлился. Освободившись, наконецъ, отъ моихъ непрошенныхъ спасителей, я отправился на кухню. Долго смотрѣлъ на меня Сергѣй (мой поваръ), не узнавая моего лица; наконецъ, бросился мнѣ на шею съ истерическимъ возгласомъ: «батюшка Евгеній Петровичъ, что̀ это съ вами случилось!» Изъ этого возгласа я легко могъ заключить, что лицо мое должно было быть достаточно обезображено, и дѣйствительно, взглянувшись въ зеркало, я увидалъ, что на большей части лица кожа висѣла бахрамой, а тамъ гдѣ она не сошла, была черная какъ сапогъ. Въ надеждѣ съ горяча смыть эту черноту, я потребовалъ умыться съ мыломъ, и точно чернота пропала; но за то не возможно описать тѣ страданія, которымъ я подвергся отъ прикосновенія мыла къ обожженному и обнаженному тѣлу. Вскорѣ послѣ этой операціи лицо мое стало пухнуть, такъ что къ ночи лѣвый глазъ мой совершенно закрыло, правый же смотрѣлъ только въ щелочку и то очень мутно. Не имѣя никакихъ медицинскихъ пособій въ ничтожномъ мѣстечкѣ Маріамполѣ, я тотчасъ отправилъ гонца въ нашъ полкъ, находившійся въ двухъ или трехъ отъ меня переходахъ, съ рапортомъ о болѣзни и съ просьбою выслать мнѣ доктора. На другой день пріѣхалъ нашъ полковой штабъ-лекарь Дьяконенко, грубый, но отлично-добрый Малоросъ. Пожуривъ меня какъ слѣдуетъ, онъ сдѣлалъ на лицо полотняную маску съ прорѣзаннымъ однимъ правымъ глазомъ (лѣваго и мѣста не видно было: такъ онъ запухъ), намазалъ какою-то

мазью и велѣлъ носить не снимаючи, заявивъ при томъ, что на правый глазъ онъ надѣется, за лѣвый же крѣпко сомнѣвается. Я былъ тогда въ такомъ отчаянномъ положеніи, что надежда на сохраненіе хотя одного только глаза была уже утѣшеніемъ. Не велика ли милость Божія, сохранившая меня невредимо, послѣ такого происшествія? И не велика ли была моя глупость добровольно подвергнуться такому происшествію?

Глава восьмая.

По прибытіи нашего полка въ Маріамполь, моя обязанность была возложена на другаго офицера, а мнѣ дали разрѣшеніе ѣхать впередъ въ г. Ригу, чтобы тамъ придпринять правильное леченіе. Лѣченіе это было такъ успѣшно, что превзошло всѣ мои надежды и ожиданія; мало-по-малу начали изглаживаться всѣ послѣдствія бывшей со мною страшной катастрофы: сначала опала вся опухоль съ лица, открылись оба глаза, и я получилъ убѣжденіе, что зрѣніе не повреждено; потомъ обнаженныя мѣста на лицѣ начали затягиваться новой кожей, что́ придавало моей физіономіи довольно пестрый видъ, какъ это бываетъ послѣ кори или оспы и, наконецъ, новая на столько окрѣпла, что я могъ, прекративъ дальнѣйшее леченіе, ѣхать домой въ Петербургъ. Не менѣе того однако, пользованіе мое задержало меня въ Ригѣ около двухъ мѣсяцевъ, изъ коихъ одинъ я принужденъ былъ безвыходно просидѣть дома, второй же, съ принятіемъ нѣкоторыхъ предосторожностей, мнѣ дозволено было выходить на воздухъ. Пользуясь этимъ дозволеніемъ, я пустился посѣщать клубы, театры и, наконецъ, общества, въ которыхъ не безъ эфекта фигурировалъ на всѣхъ балахъ и танцовальныхъ вечерахъ; даже, сколько припомню, успѣлъ влюбиться въ дѣвицу баронессу Б., которая тоже казалась ко мнѣ не совсѣмъ равнодушною. Родители ея всѣми средствами ласкали меня и довольно ясно давали мнѣ почувствовать, что ежели бы я вздумалъ посвататься, то препятствія бы не встрѣтилось къ увѣнчанію моего благополучія; но къ моему счастію мысль о возможности жениться въ восемнадцать лѣтъ на дѣвушкѣ гораздо старше меня, мнѣ и въ голову не приходила; да къ тому же, еще одно обстоятельство, какъ помню, много охладило мой восторженный пылъ, это замѣчаніе, что моя возлюбленная... какъ бы поаккуратнѣе и приличнѣе выразиться... очень легко и скоро согрѣвается, т.-е. протанцовавъ немного, лицо ея ужасно краснѣетъ, и перчатки дѣлаются въ пятнахъ отъ сырости. Это мнѣ очень не понравилось, и, въ совокупности съ навязчивостію родителей, воздержало отъ дальнѣйшихъ глупостей. Я распрощался съ Ригою и покатилъ въ Петербургъ.

Въ Петербургѣ я поселился на житье у матушки, которая, имѣя весьма ограниченныя средства, занимала небольшую квартирку вмѣстѣ съ сестрою моею Софьею и братомъ Александромъ, за Литейной, въ Графскомъ переулкѣ въ низенькомъ деревянномъ одноэтажномъ домѣ Фрязина. Не смотря ни на скудность нашихъ средствъ, ни на тѣсноту нашего помѣщенія, я всегда съ особымъ удовольствіемъ воспоминаю эту эпоху моей жизни. Насъ было много родственной молодежи: насъ братьевъ трое, сестра Софья четвертая, двое Л., Х., Л. и кромѣ того нѣсколько нашихъ общихъ пріятелей; всѣ мы постоянно собирались вмѣстѣ въ домѣ Фрязина и чего, чего, Боже мой, тутъ у насъ не происходило и не придумывалось! Хохотъ, шумъ, радость, веселіе постоянныя. Покойная матушка, будучи всегда доброю, снисходительною и щедраго характера, не только не тяготилась нашими шумными собраніями, но всегда поощряла ихъ, угощая ненасытную молодежъ безъ церемоніи, чѣмъ Богъ послалъ.

По истеченіи нѣкотораго времени послѣ возвращенія изъ Польскаго похода, дядя Николай Александровичъ, собираясь ѣхать осматривать свои имѣнія, которыхъ у него было немало въ разныхъ губерніяхъ, предложилъ мнѣ отправиться вмѣстѣ съ нимъ въ это путешествіе; я, разумѣется, съ радостію принялъ это предложеніе, и мы съ нимъ, въ прекрасномъ дормезѣ, въ сопровожденіи другаго экипажа съ прислугой, пустились въ путь. Это было въ 1832 году. Тогда наши Русскіе провинціальные города были далеко не то, что́ они въ настоящее время; свѣтское образованіе и просвѣщеніе едва, едва начинали проникать въ нихъ, а потому пріѣздъ знатнаго и богатаго, да притомъ же еще вдоваго и нестараго генералъ-адъютанта въ уѣздный и даже губернскій городъ, могъ быть почитаемъ за совершенно-необыкновенное событіе, и дѣйствительно насъ вездѣ принимали почти съ царскими почестями. Изъ этихъ почестей и на мою долю попадало малое толико, тѣмъ болѣе что молодой, хорошо воспитанный и несовсѣмъ дурной наружности гвардейскій офицеръ, въ красивомъ Преображенскомъ мундирѣ, не часто встрѣчался въ провинціальныхъ обществахъ, вслѣдствіе чего меня на расхватъ приглашали во всѣ порядочные дома, и губернскія маменьки и дочки меня угощали и ласкали à qui mieux, mieux. По пріѣздѣ въ Симбирскъ, мы помѣстились въ домѣ у губернатора Александра Михайловича Загряжскаго, стараго сослуживца дяди въ Преображенскомъ полку.

Въ Симбирскѣ мы пробыли около мѣсяца, въ теченіи коего не проходило ни одного дня безъ бала, танцовальнаго вечера, обѣда или другаго какого либо увеселенія и я, что́ называется, какъ сыръ въ маслѣ катался на всѣхъ вечерахъ, распоряжался танцами и обяза-

тельно всегда былъ въ первой парѣ въ мазуркахъ и котильонахъ. Тогда была въ Симбирскѣ одна барышня М. Д., которая болѣе прочихъ мнѣ нравилась и дѣйствительно была прехорошенькая и премилая особа; вслѣдствіе чего, начиная съ перваго вечера и до послѣдняго, всѣ котильоны и мазурки мы съ ней неразлучно танцовали; это такъ уже вошло въ обыкновеніе, что на эти танцы ея никто уже не ангажировалъ. Въ столицѣ это было бы немыслимо; но въ провинціи тогда нравы еще были настолько патріархальны и наивны, что оно никому не казалось страннымъ и неприличнымъ.

Въ доказательство наивности нравовъ того времени я разскажу забавный эпизодъ, происшедшій съ дядей Исленьевымъ. Николай Александровичъ на всѣхъ вечерахъ постоянно садился играть въ карты; нужно замѣтить, что онъ хотя игралъ и довольно крупно въ коммерческія игры, но какъ богатый человѣкъ игралъ для препровожденія времени, не очень вникая въ игру, слѣдовательно довольно невнимательно и разсѣянно. Хозяинъ дома обыкновенно подбиралъ ему въ партію людей самыхъ чиновныхъ и почтенныхъ. На одномъ вечерѣ его посадили играть въ вистъ, и въ числѣ его партнеровъ ему былъ представленъ отставной генералъ К., котораго хозяинъ дома рекомендовалъ какъ отличнаго человѣка, но немножко въ игрѣ взыскательнаго и нетерпѣливаго; но дядя, будучи самъ весьма добрымъ и снисходительнымъ, не обратилъ никакого вниманія на это замѣчаніе, и сѣли играть. Пока Николаю Александровичу доставалось играть съ другими, все шло благополучно; но, наконецъ, дошла очередь и до г. К. Тутъ начались ему непрестанныя замѣчанія: зачѣмъ онъ пошелъ съ дамы бубенъ, а не съ маленькой и т. д. Видя, что его наставленія не дѣйствуютъ, г. К. попробовалъ обратиться къ Николаю Александровичу съ насмѣшливымъ вопросомъ: «Позвольте спросить, ваше превосходительство, вы въ деньги или орѣховую скорлупу изволите играть?» Но и это не помогло и, какъ нарочно, вслѣдъ затѣмъ дядя дѣлаетъ ренонсъ, и они проигрываютъ роберъ. Тутъ уже генералъ К., не будучи въ состояніи владѣть собою, вскакиваетъ съ своего мѣста, съ шумомъ отталкиваетъ свой стулъ, отправляется въ уголъ комнаты, бросается на колѣни передъ образомъ и во всеуслышаніе творитъ молитву: «Господи, разведи меня съ такимъ игрокомъ и не приведи болѣе никогда играть съ нимъ!» Разумѣется, эта выходка разсмѣшила всѣхъ присутствующихъ, а дядю болѣе другихъ, и самъ генералъ К., тотчасъ же опомнившись, пришелъ съ чистосердечнымъ и глубочайшимъ раскаяніемъ извиняться передъ Николаемъ Александровичемъ, который отъ всей души протянулъ ему руку, и все дѣло обращено было въ шутку.

Въ теченіи времени нашего пребыванія въ Симбирскѣ, встрѣчаясь ежедневно съ однимъ изъ моихъ товарищей, отставнымъ гвардейскимъ офицеромъ А..., я однажды получилъ приглашеніе побывать у него въ деревнѣ, недалеко отъ города находящейся, и мы вмѣстѣ съ нимъ туда отправились. Все семейство А . . ва состояло изъ старушки-тетки, весьма милой, радушной и очень богатой женщины, окруженной, какъ и слѣдовало по тогдашнему обычаю, нѣсколькими приживалками и несмѣтнымъ количествомъ прислуги. Она приняла меня какъ нельзя болѣе ласково, разсыпалась въ похвалахъ о своемъ миломъ племянничкѣ, котораго она безъ ума любила, распрашивала о Петербургѣ, въ которомъ она никогда не бывала и проч., и проч.; наконецъ, насъ позвали обѣдать. Старушка посадила меня возлѣ себя и усиленно заставляла кушать со всѣхъ подаваемыхъ блюдъ; но мнѣ было не до того; я невольно безпрестанно оборачивалъ голову назадъ и не безъ причины: за стуломъ у хозяйки стояла пожилая женщина въ сарафанѣ съ длинными сергами и бусами на груди, да къ тому же съ огромными усами и бакенбардами. Что́ такое? Я не могъ разъяснить себѣ этого чуднаго явленія. Наконецъ, хозяйка, замѣтивъ мое недоумѣніе, поспѣшила разсѣять его. «Ты, батюшка, я вижу дивишься на мою прислугу? Рекомендую тебѣ, батюшка: это у меня дуракъ, да презабавный, право! Знаешь, вѣдь наше дѣло деревенское, частенько бываетъ, что и соскучишься, что́ дѣлать? Ну и велишь позвать дурака, а онъ и почнетъ городить всякую чепуху, а не то какъ нибудь кривляться, прыгать станетъ; ну подъ часъ и разсмѣшитъ, и слава тебѣ, Господи!» Это былъ послѣдній офиціальный дуракъ, котораго мнѣ пришлось видѣть и которыхъ такъ много было въ старину; въ большей части старинныхъ богатыхъ барскихъ домахъ считали необходимостію имѣть этихъ дураковъ въ разныхъ оригинальныхъ костюмахъ; нерѣдко случались между ними и такіе, которые вовсѣ были не дураки, а, какъ тогда выражались, «отъ ума шутили». На моей памяти былъ еще въ Москвѣ всѣмъ извѣстный и всѣми ласкаемый дуракъ или шутъ Иванъ Савельевичъ, далеко въ сущности неглупый человѣкъ, составившій себѣ преизрядное состояніе своими шутками; про него между прочимъ разсказывали, что однажды онъ встрѣтился на улицѣ съ г. Р . . . . вымъ, недавно переведеннымъ сенаторомъ въ Москву изъ Петербурга; этотъ послѣдній, разговорившись съ Иваномъ Савельевичемъ, между прочимъ насмѣшливо спросилъ его: отчего въ Петербургѣ уже давнымъ давно не слыхать и не видать дураковъ, а въ Москвѣ они все еще не переводятся?—«Изволь, монъ шеръ, монъ фреръ, я тебѣ это какъ дважды два растолкую», отвѣчалъ Савельевичъ. «Отъ того, что

какъ только заведется дуракъ въ Петербургѣ, его тотчасъ переведутъ въ Москву въ сенаторы».

Выѣхавъ изъ Симбирска, мы отправилить съ дядей въ Курское его имѣніе. Въ самомъ близкомъ отъ его усадьбы разстояніи, жила въ своемъ помѣстьѣ всѣми уважаемая, богатая генеральша Л...ръ, съ которою дядя счелъ нужнымъ познакомиться, и мы на другой же день пустились къ ней съ визитомъ. Никогда не забуду впечатлѣнія, произведеннаго на меня этой милой старушкой. Г-жа Л...ръ, дочь давно умершаго заслуженнаго г. Л., дѣвица 80-ти лѣтъ, очень богатая, не имѣющая ни одной души родныхъ, живущая безвыѣздно въ своей деревнѣ и къ этому самаго милаго, веселаго характера, приняла насъ съ сердечнымъ радушіемъ и, какъ очень умная и, не смотря на свои преклонныя лѣта, твердая женщина, потѣшала насъ своимъ разговоромъ. Между прочимъ она разсказала намъ смѣючись довольно оригинальную исторію съ своими крестьянами. «Переваливъ на восьмой десятокъ моей жизни», повѣствовала г-жа Л....ръ, «и бывъ всегда довольна своими крестьянами, я вздумала упрочить еще при жизни моей ихъ благосостояніе. Думаю себѣ: я скоро умру, наслѣдниковъ по себѣ не знаю, кому еще достанутся? Дай, теперь же отпущу ихъ на волю! Собрала крестьянъ, ихъ здѣсь у меня считается болѣе тысячи душъ, и запашка у меня большая, такъ что дохода я получала отъ 15 до18 тысячъ. «Ну, говорю, православные, въ награду за вашу вѣрную и усердную мнѣ службу, я хочу отпустить васъ всѣхъ на волю на слѣдующихъ условіяхъ: отдаю вамъ всѣ мои земли и угодья въ вѣчное и потомственное владѣніе, кромѣ моей усадьбы съ тѣмъ, чтобы до конца моей жизни вы выплачивали мнѣ на мое содержаніе по двѣ тысячи рублей въ годъ, да сверхъ того, тоже до конца моей жизни, вы бы давали мнѣ, для уборки и очистки моего сада, по два работника въ день».—«Матушка ты наша!» воскликнули крестьяне, бросаясь на колѣни, «вѣкъ будемъ за тебя Бога молить, ангелъ ты нашъ хранитель!» и проч. и проч. Однимъ словомъ, благодарности ихъ и конца не было. Не могу не сознаться, что съ тѣхъ поръ крестьяне мои аккуратно исполняютъ свои обязательства, и деньги и работники доставляются исправно; только съ нѣкоторыхъ поръ видно имъ надоѣло работать у меня въ саду, вотъ они и ропщутъ, а иногда подойдетъ работникъ къ окошку, гдѣ я люблю сидѣть, да начнетъ меня усовѣщевать: «Матушка, грѣхъ тебѣ! Чужой вѣкъ зажила! Смерти на тебя нѣтъ! Долго ли намъ еще тутъ маяться?» Такіе озорники, право! А чтожъ мнѣ дѣлать? Видно такъ Богу угодно, вѣдь не руку же на себя въ ихъ угоду накладывать!» Вотъ интересный примѣръ чувства

благодарности Русскаго крестьянина, который, къ сожалѣнію, не составляетъ собою исключенія изъ общаго правила.

Пропутешествовавъ четыре мѣсяца по значительной части Великорусскихъ губерній, для осмотра всѣхъ имѣній, принадлежавшихъ Ник. Ал., мы съ нимъ возвратились въ Петербургъ, и по желанію дяди я помѣстился на жительство въ его прекрасномъ домѣ на Большой Морской, гдѣ мнѣ была отдѣлана очень роскошная и удобная квартирка, изъ трехъ комнатъ состоящая, и съ тѣхъ поръ, я, что́ называется, пустился въ свѣтъ, т. е. началъ посѣщать высшій кругъ Петербургскаго общества подъ покровительствомъ дяди и многихъ другихъ моихъ родныхъ, имѣвшихъ обширныя связи во всемъ городѣ. Кавалеры Аничковскихъ баловъ на расхватъ приглашались всюду, и потому въ теченіи зимы у меня почти ни одного не было свободнаго вечера, а иногда случалось ихъ два въ одинъ день. Лучшіе балы и вечера того времени бывали: у Австрійскаго посла графа Фикельмонъ, гр. Разумовской, гр. Воронцова-Дашкова, кн. Юсупова и проч., на которыхъ я всегда бывалъ непремѣннымъ членомъ. Эти дома были исключительно-аристократическіе и принимали только отборное общество; но были и такіе, которые давали великолѣпные балы, блескомъ и богатствомъ не только не уступавшіе первымъ, но превышавшіе ихъ, на которыхъ соединялись, какъ говорится, la ville et le faubourg. Я помню, что на одномъ изъ такихъ баловъ, я былъ свидѣтелемъ довольно смѣшной маленькой исторіи. Хозяйка дома, молодая, преумная и прелюбезная г-жа Л... ва, озабочиваясь, чтобы всѣмъ у нея было весело, подходитъ ко мнѣ съ вопросомъ, имѣю ли я даму на слѣдующую кадриль и, получивъ утвердительный отвѣтъ, обращается съ тѣмъ же вопросомъ къ стоящему возлѣ меня молодому, очень красивому, но извѣстному фату флигель-адъютанту Д... ну и, узнавъ, что онъ никого еще не ангажировалъ, проситъ его пригласить танцовать не имѣющую кавалера фрейлину гр. М... нъ, довольно пожилую и некрасивую дѣву. «Mercі, madame», отвѣчаетъ ей Д.. нъ: «je n'ai pas l'habitude de danser avec de la charogne comme ça!» — «Monsieur», возражаетъ бойкая хозяйка, «je vous prie de croire que je ne reçois pas de charogne chez moi et pour preuve, j'espère, que vous me priverez à l'avenir du plaisir de vous voir!» *) Сгорѣлъ мой бѣдный фатъ отъ стыда. Не зналъ что́ ему дѣлать. Онъ думалъ сказать что нибудь пикантное и умное и вдругъ не вышло!... Съ дамой

*) Благодарю васъ, милостивая государыня; не привыкъ я танцовать съ такою падалью.—Милостивый государь, прошу васъ вѣрить, что падали я къ себѣ не принимаю, и въ доказательство тому надѣюсь, что впередъ вы меня лишите удовольствія васъ видѣть.

что подѣлаешь?... Ужъ онъ вертѣлся, извинялся и бросился стремглавъ аганжировать предлагаемую особу. А я подумалъ: ай баба молодецъ!

Глава девятая.

Такимъ образомъ провелъ я двѣ зимы, разъѣзжая по Петербургскимъ салонамъ и танцуя на пропалую. Въ концѣ концовъ эта жизнь, пустая и безпокойная, такъ мнѣ надоѣла и опротивила, что я рѣшился перемѣнить ее и заняться чѣмъ-нибудь полезнѣйшимъ, вслѣдствіе чего на третью зиму я прекратилъ всѣ мои великосвѣтскіе выѣзды, ограничиваясь исключительно семейными и самыми интимными кружками. Всякое лѣто я проводилъ съ дядей на великолѣпной его дачѣ, на Каменномъ острову, и проводилъ весьма пріятно, занимаясь своими обязанностями службы (я исправлялъ тогда должность бригаднаго адъютанта), чтеніемъ хорошихъ книгъ, писаніемъ моего дневника, который ужасно увлекалъ меня и, смѣю сказать, сдѣлалъ мнѣ огромную пользу, потому что, занимаясь этимъ писаніемъ и, такъ сказать, бесѣдуя совершенно откровенно самъ съ собою, я разбиралъ себя до малѣйшихъ подробностей, вписывалъ всѣ замѣчаемые за собою недостатки, словомъ, вдумывался въ жизнь съ моральной точки зрѣнія, и вмѣстѣ съ тѣмъ самъ собою вырабатывался слогъ моего изложенія и укрѣплялся почеркъ далеко неудовлетворительный. Какъ мнѣ досадно, что этотъ дневникъ мой не сохранился у меня по настоящее время; и какъ и гдѣ онъ былъ мною утраченъ, положительно не знаю! Главнымъ же для меня удовольствіемъ и препровожденіемъ времени всегда была охота. Съ самаго начала Польскаго похода, эта наклонность начала развиваться во мнѣ въ значительныхъ размѣрахъ и въ особенности усилилась послѣ первой моей удачи, когда мнѣ довелось убить перваго медвѣдя. Это было въ окрестностяхъ Польскаго городка Вилькомира: медвѣдь былъ обойденъ, и охота устроилась нашими полковыми охотниками; дядя Н. А. не иначе согласился дозволить мнѣ принять участіе, какъ съ условіемъ чтобы со мною вмѣстѣ стоялъ унтеръ-офицеръ нашего полка, надежный стрѣлокъ и охотникъ. Въ послѣдствіи предосторожность эта оказалась нелишнею: поднятый медвѣдь пошелъ прямо на меня, я выстрѣлилъ, онъ повернулъ назадъ и, отошедъ нѣсколько саженъ, въ виду нашемъ, повалился; я пришелъ въ такой восторгъ, что, не думая ничего, бросился бѣжать къ нему съ разряженнымъ ружьемъ и, не будь при мнѣ унтеръ-офицера, ухватившаго меня за фалды, я бы, кажется, такъ бы и вляпался въ лапы разъяреннаго звѣря, который, будучи смертельно раненъ, а не убитъ, рвалъ и ломалъ все попадавшееся ему въ когти. Не добѣжавъ нѣсколько

шаговъ, унтеръ-офицеръ, такъ удачно прервавшій мой восторгъ, выстрѣломъ въ голову прекратилъ страданія умирающаго звѣря. Съ тѣхъ поръ мое призваніе къ охотѣ получило патентъ, который по силѣ и мочи я въ теченіе всей моей жизни старался поддержать по мѣрѣ возможности. Въ описываемое мною время, я былъ уже опытнымъ и хорошо снабженнымъ всѣми принадлежностями охотникомъ, и потому, проводя лѣто на Каменномъ острову по близости Новой деревни, Калымяги, Лахты и прочихъ мѣстъ, славившихся тогда множествомъ дичи, я не пропускалъ случая пользоваться столь пріятнымъ сосѣдствомъ, и это занятіе удовлетворяло меня несравненно болѣе чѣмъ всѣ эти балы и выѣзды на зимніе вечера.

Въ одно изъ лѣтъ проведенныхъ мною на дачѣ Ник. Алек—ча случилось обстоятельство, которое такъ врѣзалось въ мою память, что я не могу лишить себя удовольствія разсказать его въ подробности. Нужно сказать, что покойный дядя, пользуясь весьма значительнымъ состояніемъ, имѣлъ, какъ я выше сказалъ, прекрасный собственный домъ на Большой Морской улицѣ и нѣсколько крѣпостныхъ людей въ своемъ услуженіи. Люди эти, хотя я по совѣсти долженъ сказать, весьма порядочные, никогда не удовлетворяли желаніямъ своего барина, и ему всегда хотѣлось найти хорошаго и въ особенности строгаго дворецкаго, который бы ближе присматривалъ за прислугой. Послѣ долгихъ поисковъ ему пришла мысль взять на означенную должность выходившаго въ отставку старшаго унтеръ-офицера Преображенскаго полка Батурина, завѣдывавшаго всею командой служителей полковаго госпиталя, извѣстнаго дядѣ, какъ полковому командиру, за отличнаго человѣка и строгаго служаку. Какъ сейчасъ смотрю я на этого Батурина: высокаго роста, очень моложавый, брюнетъ весьма пріятной и благородной наружности, всегда серьезный, рѣдко улыбающійся. Вздумано, сдѣлано! Ник. Алек. предложилъ ему 100 р. въ мѣсяцъ жалованья, одѣлъ его франтомъ, и Михаило Ивановичъ Батуринъ, съ солдатскимъ Георгіевскомъ крестомъ въ петличкѣ, вступилъ въ исправленіе должности дворецкаго и тотчасъ же началъ заводить надлежащій порядокъ въ домѣ, что разумѣется пришлось не по вкусу прислугѣ, которая немедленно же его возненавидѣла; но на это не обращено было никакого вниманія. Весною этого года Ник. Алек. вздумалъ сдѣлать кой-какія передѣлки въ домѣ, и потому, при переѣздѣ на дачу со всѣми чадами и домочадцами, Батуринъ былъ оставленъ въ городѣ, для присмотра за работами. По истеченіи нѣкотораго времени Ник. Алек. долженъ былъ отправиться на нѣсколько дней въ Царское Село и Графскую Славянку для осмотра расположеннаго тамъ баталіона, и я оставался одинъ на дачѣ. На другой

день по отъѣздѣ дяди, часовъ въ 7 утра, съ растеряннымъ лицомъ вбѣгаетъ въ мою комнату и будитъ меня мой камердинеръ: «Е. П., извольте вставать, у насъ несчастіе случилось!» Что такое?—«Сегодня ночью весь домъ обокрали; пожалуйте внизъ, сами увидите». Одѣвшись на скоро, я сошелъ и дѣйствительно нахожу слѣды пребыванія непрошеныхъ гостей. Домъ былъ низенькій, одноэтажный съ мезониномъ, окруженный стеклянной галлереею; нѣкоторыя двери изъ галлереи въ садъ были обыкновенно заперты и заставлены горкой цвѣтовъ; тутъ я нахожу горшки съ цвѣтами снятыми на полъ, скамейки, на которыхъ они стояли отставлены и двери настежъ отворены; у одной изъ дверей оставлены шерстяные носки, служившіе очевидно вору для смягченія шума походки; въ гостинной стоялъ у стѣны столъ, весь установленный разными болѣе или менѣе цѣнными бездѣлушками, какъ-то бронзовыми и фарфоровыми куколками, ящичками разныхъ величинъ, въ томъ числѣ нѣкоторые серебряные, а также два серебряные подсвѣчника и большая подзорная труба на высокой мѣдной ножкѣ. Всѣ вещи оказались разбросанными и многія покраденными, подзорная труба была тоже похищена; въ кабинетѣ съ письменнаго стола, въ числѣ нѣсколькихъ вещей, украдена была деревянная копилка для мелкаго серебра, и въ ящикѣ стола, въ которомъ находились деньги, оставлено было долото, которымъ, какъ видно, воръ старался, но не успѣлъ сломать замка. Болѣе всего меня поразило то, что въ нѣкоторыхъ комнатахъ были оставлены наклеенными на мебели огарки свѣчъ, очевидно освѣщавшіе ночную работу. Какая смѣлость, какая дерзость! Тѣмъ болѣе, что у насъ были спеціальный сторожъ, обязанный всю ночь обходить кругомъ весь домъ и прославившаяся во всемъ околоткѣ своею злобою дворная собака. Никакого сомнѣнія допустить было невозможно въ томъ, что преступленіе совершено ежели не самимъ сторожемъ, то кѣмъ-либо изъ своихъ. Заарестовавъ немедленно сторожа, я тотчасъ послалъ за полиціею, и самъ принялся за производство слѣдствія по горячимъ слѣдамъ. Всѣ люди, раздѣляя мое убѣжденіе въ невозможности чужому, постороннему человѣку совершить такое смѣлое воровство, настойчиво требовали общаго обыска въ домѣ. Допрошенный сторожъ съ клятвою и божбой утверждалъ: «виноватъ, уснулъ маленько и ничего не видалъ и не слыхалъ; середъ ночи, правда, разбудилъ меня лай Сѣрки, но такъ какъ онъ скоро замолкъ, то я и не вставалъ и скоро опять уснулъ». Новое доказательство, что воръ былъ свой: пока онъ приближался, собака залаяла, когда же подошелъ ближе, Сѣрко призналъ его и замолкъ. По болѣе тщательномъ осмотрѣ мѣстности оказалось, что воръ, совершивъ покражу, вышелъ съ своею до-

бычей отворенною имъ дверью изъ галлереи въ садъ, гдѣ по дорожкамъ по росѣ еще видны были его слѣды, продолжавшіеся въ длину всего сада, вплоть до задняго забора, и тутъ прекращались.

Очевидно, что покраденныя вещи вмѣстѣ съ ихъ похитителемъ отправились черезъ заборъ, слѣдовательно искать ихъ въ предѣлахъ самой дачи было совершенно безполезно, что̀ и подтвердилось съ прибытіемъ полицейскаго офицера, сдѣлавшаго повсемѣстный обыскъ.

Обстоятельство это крайне меня заинтересовало; мнѣ захотѣлось во что бы то ни стало отыскать вора, и люди тоже, что̀ называется изъ кожи лѣзли, чувствуя, что невольно подозрѣніе падаетъ на домашняго. Въ числѣ способовъ для открытія истины, я придумалъ немедленно командировать троихъ изъ прислуги въ городъ на толкучій рынокъ, въ томъ предположеніи, что весьма часто воры стараются какъ можно скорѣе сбыть съ рукъ покраденныя вещи.

Отправивъ людей, я и самъ поѣхалъ въ городъ, въ домѣ засталъ работающихъ мастеровыхъ и дворника, но Батурина не было дома. Въ ожиданіи результата поисковъ на толкучкѣ, я объявилъ людямъ, что буду ждать увѣдомленія на квартирѣ Н. В. Бутурлиной. Черезъ часъ или болѣе, запыхавшись въ сильномъ волненіи, прибѣгаетъ ко мнѣ одинъ изъ моихъ сыщиковъ. «Ну что, Владимиръ, ничего не нашли?» — Ничего-съ, но мы имѣемъ сильное подозрѣніе.— «На кого?» — На Михаила Ивановича.— «Никакъ вы съ ума сошли: изъ ненависти къ Батурину, вы готовы Богъ знаетъ что на него придумать, и на чемъ же основано ваше подозрѣніе?» — Вотъ извольте видѣть: пріѣхавши въ городъ, мы прямо отправились въ домъ, Мих. Иван. не было, а дворникъ намъ сказалъ, что онъ и не ночевалъ дома; тогда мы пошли въ его комнату и всюду тамъ вышарили; хотя краденыхъ вещей у него и не нашли, но вотъ ваша старая фуражка оказалась въ его комнатѣ.— «Это ничего не доказываетъ, старую фуражку я могъ выкинуть, и онъ взялъ ее какъ ненужную вещь; а вотъ интересно было бы знать, отъ чего онъ не ночевалъ дома и гдѣ находился?» Дворникъ говоритъ, что М. И. вѣроятно провелъ ночь у своей любовницы; мы знаемъ гдѣ она живетъ, позвольте намъ сбѣгать обыскать ея квартиру. Насъ тѣмъ болѣе разбираетъ подозрѣніе, что на толкучемъ рынкѣ намъ повстрѣчался самъ М. И. и на спросъ, что̀ мы тутъ дѣлаемъ, мы, не желая сообщать о нашемъ несчастіи, отвѣчали, что такъ, молъ, прогуливаемся, да кстати пришли посмотрѣть, не попадутся ли посходнѣе манишки, вотъ Алексѣю нужны.— «Врете вы, отвѣчалъ намъ М. И., не манишки вы пришли сюда искать, а у васъ ночью была покража. Вы думаете, не знаю? Сколько разъ я васъ бранилъ за вашу безпечность; были бы осторожнѣе, и воровства бы не случи-

лось; ну да ладно, походите, поищите, да послѣ приходите ко мнѣ чай пить».—«Откуда бы ему», продолжалъ Владимиръ, «знать, что́ у насъ на дачѣ случилось: мы никому не сказывали; да и откуда такая великая милость, что зоветъ къ себѣ чай пить, когда допрежъ сего никогда этого не бывало?»

Умозаключенія Владимира мнѣ показались не совсѣмъ лишенными основанія.—«Ну, хорошо», отвѣчалъ я Владимиру, «я не только позволяю вамъ обыскать квартиру любовницы М. И—ча, но дамъ вамъ въ помощь полицейскаго офицера, котораго сейчасъ вытребую; но только знайте, что ежели ваше подозрѣніе не оправдается, то Батуринъ по́ѣдомъ съѣстъ васъ за оскорбленіе, и мнѣ трудно будетъ защитить васъ».—Ну что дѣлать, видно наша судьба ужъ такая! Только позвольте».—«Съ Богомъ!» Мнѣ прислали изъ полиціи квартальнаго, и люди наши съ замираніемъ сердца отправились подъ его покровительствомъ. По прошествіи нѣкотораго времени вновь является ко мнѣ Владимиръ; но на сей разъ уже съ сіяющимъ лицомъ. «Нашли!» восклицаетъ онъ при моемъ появленіи. «Гдѣ, что?»—«У любовницы! Она было насъ не впускала, да квартальный приказалъ; ну ужъ пытала же она насъ и М. И. стращать и бранить-то всякими словами! А мы-то во всѣхъ уголкахъ перешарили—нѣтъ ничего! Просто въ отчаянность пришли, холодный потъ выступалъ; ну, думаемъ, дѣло дрянь! А дѣлать нечего, уходить нужно, да спасибо Алексѣю. «Дай, говоритъ, послѣднимъ дѣломъ на печкѣ покапаюсь; а печка-то всего на четверть отъ потолка; онъ влѣзъ на стулъ да руку туда и запустилъ, опять таки ничего! Недостать рукою-то до конца; дай, говоритъ, какую ни на есть палочку; да сталъ палочкою-то ковырять, анъ что-то отозвалось, онъ пуще, да и вытащилъ копилку, что́ на столѣ въ кабинетѣ стояла, только разломанная и безъ денегъ. Ну ужъ я болѣе ничего и дожидаться не сталъ, оставилъ ихъ тамъ съ квартальнымъ, а самъ сломя голову побѣжалъ къ вамъ».—Получа это невѣроятное свѣдѣніе, я тотчасъ вмѣстѣ съ Владимиромъ отправился въ нашъ домъ. Батуринъ встрѣтилъ меня на крыльцѣ, какъ всегда разодѣтый франтомъ, съ Георгіевскимъ крестомъ въ петличкѣ и въ цилиндрѣ, лицо совершенно спокойное, какъ ни въ чемъ не бывало.—«Гдѣ ты сегодня ночевалъ?» спросилъ я его внезапно.—Провожалъ одного знакомаго въ отъѣздъ, такъ у нихъ и ночевалъ, отвѣчалъ онъ нисколько не сконфузясь. «Неправда! Ты нынѣшнюю ночь былъ и воровалъ у насъ на дачѣ!»—Тутъ былъ одинъ моментъ, что лицо его какъ бы передернуло, но тотчасъ же онъ справился: «Неправда, кто вамъ сказалъ?»—«Запираться нечего, украденныя вещи найдены у твоей любовницы».—«Покажите мнѣ ихъ, коли найдены; гдѣ жъ они?» Въ самое это время

подъѣхалъ квартальный съ нашими людьми и со всѣми покраденными вещами найденными въ мусорѣ на чердакѣ.—«Ну что́, и теперь будешь запираться?» обратился я къ стоящему какъ истуканъ и совершенно хладнокровному Батурину.—«Нѣтъ», отвѣчалъ онъ, «теперь запираться ужъ нечего, укралъ такъ укралъ!» Это спокойствіе, это равнодушіе, это отсутствіе всякаго чувства совѣсти, стыда и даже страха предстоящаго наказанія, поразили меня какъ громомъ. Я долго не могъ выговорить слова; въ первый разъ въ жизни мнѣ пришлось встрѣтиться съ подобнымъ характеромъ, я смотрѣлъ на него и не зналъ что́ мнѣ дѣлать. Наконецъ, желая чѣмъ-нибудь расшевелить эту желѣзную, озлобленную натуру, я началъ выяснять ему всю важность сдѣланнаго имъ преступленія, слѣдствіемъ котораго пропадаетъ вся его 25-лѣтняя непорочная служба, не говоря уже о неблагодарности его къ своему благодѣтелю и въ заключеніе представилъ ему всю строгость наказанія, которому онъ будетъ подвергнутъ на основаніи закона. И глазомъ не моргнулъ мой Батуринъ, выслушавъ мою проповѣдь, не шевельнулся, и когда я кончилъ: «Что тутъ долго разговаривать», обратился онъ ко мнѣ, «коли попался, то значитъ тому такъ ужъ и быть, отправляйте меня куда слѣдуетъ, и дѣлу конецъ!» Взорвала меня, наконецъ, такая безпримѣрная невозмутимость. «Долой съ него все господское платье!» крикнулъ я вкругъ стоящимъ людямъ, надѣньте на него какой-нибудь армякъ и отведите его въ часть». Съ истиннымъ наслажденіемъ бросились люди исполнять мое приказаніе, приговаривая съ насмѣшкой: «Вотъ, Михайло Ивановичъ, какихъ камердинеровъ себѣ дослужились!», и въ порывѣ своего довольствія они болѣе срывали, чѣмъ снимали съ него платье. Въ продолженіе всей этой сцены, Батуринъ ни на минуту не вышелъ изъ своей роли и съ невозмутимымъ спокойствіемъ, на веревочкѣ, отправился въ полицію. Сильное и горестное впечатлѣніе произвело на меня это происшествіе; я никакъ не могъ себѣ выяснить что́ за человѣкъ Батуринъ? Можетъ ли быть, чтобы это было первое его преступленіе? Такую безчувственность, такую ничѣмъ невозмутимую твердость, такой цинизмъ, можно только допустить въ закоренѣломъ душегубцѣ, разбойникѣ; а какъ же рядомъ съ этимъ 25-тилѣтняя безпорочная его служба, безукоризненное поведеніе, и та довѣренность, которою онъ постоянно пользовался отъ ближайшихъ своихъ начальниковъ? Странно, непостижимо! Но во всякомъ случаѣ Батуринъ былъ человѣкъ необыкновенный; мнѣ, по крайней мѣрѣ, во всю мою жизнь, никогда болѣе не приходилось встрѣчать подобнаго характера, не смотря на то, что въ послѣдствіи имѣлъ я возможность видѣть много преступниковъ и на судахъ, и въ мѣстахъ ихъ заключенія.

(Продолженіе будетъ).

ВОСПОМИНАНІЯ Е. П. САМСОНОВА *).

Глава десятая.

Продолжая вести жизнь довольно уединенную, я очень усердно принялся за свои обязанности по службѣ, тѣмъ болѣе меня увлекавшія, что, будучи еще подпоручикомъ, по какому-то (не припомню именно какому) обстоятельству, за недостаткомъ въ нашемъ баталіонѣ старшихъ офицеровъ, я былъ назначенъ на довольно продолжительное время командовать второю ротою. Надо сознаться, что я всегда былъ хорошимъ служакою и отличнымъ фронтовикомъ, въ слѣдствіе чего меня безъ всякой очереди большею частію наряжали въ самые трудные и безпокойные караулы, чѣмъ я впрочемъ не только не тяготился, но гордился въ моемъ самолюбіи, хотя разница была огромная. Вообще говоря, въ мое время простоять сутки въ караулѣ было (не то что нынѣ) въ родѣ нѣкоторой пытки. Начать съ того, что не только мода, но и форма требовала, чтобы мундиры были шиты на насъ совершенно въ обтяжку, сжимая сколько можно болѣе талью.... Это мнѣ напоминаетъ маленькій эпизодъ того времени. У насъ въ полку былъ одинъ поручикъ, Н. М. Посниковъ, маленькій ростомъ, толстый и вообще некрасивой наружности, но шутъ преестественный. Великій Князь Михаилъ Павловичъ очень его любилъ и часто забавлялся его шутками. Однажды, замѣтя на Посниковѣ весьма мѣшковатый мундиръ, Его Высочество вызвалъ его впередъ всѣхъ находящихся въ сборѣ офицеровъ и, поворотивъ во всѣ стороны, съ усмѣшкой спросилъ: «Скажите, Посниковъ, кто на васъ шьетъ ваши мундиры?» — «Съ «тѣмъ шьетъ, Ваше Высочество», отвѣчалъ очень серьезно Посниковъ, «чтобы никому не сказывать», и общій хохотъ былъ наградою остряку.

И такъ мундиры наши были до невозможности узки, панталоны натянуты и при малѣйшемъ сгибаніи ноги образовали пузыри на колѣнкѣ, что̀ выходило очень некрасиво и въ избѣжаніе чего необходимо было постоянно при сидѣніи вытягивать ноги какъ палки, которыя невыносимо затекали отъ этого ненормальнаго положенія, да къ тому же туго затянутый шарфъ; все это вмѣстѣ взятое по истинѣ за-

*) См. 2-й выпускъ Р. Архива сего года, стр. 423.

ставляло сильно страдать несчастнаго паціента въ теченіи цѣлыхъ сутокъ. Къ довершенію наслажденія, караульные, ружья которыхъ стояли въ сошкахъ на улицѣ, обязаны были, при проходѣ или проѣздѣ всякаго генерала, по звонку часоваго, сломя голову бѣжать (иногда по ступенькамъ крыльца) на платформу, разбирать ружья и по командѣ офицера отдавать честь. Бѣда мало-мальски опоздавшему исполнить этотъ священный долгъ! Арестъ ожидалъ его неминуемо по смѣнѣ съ караула. Бывало, Его Высочество, dans des moments perdus *), доставлялъ себѣ удовольствіе, entre chien et loup **), въ санкахъ на рысакѣ, закутанный въ шинель, объѣзжать караулы, въ родѣ охоты: авось не узнаютъ, прозѣваютъ, не успѣютъ сдѣлать на караулъ! А намъ только того и надо! На другой день гауптвахты населяются гостями. Вообще аресты съ содержаніемъ на гауптвахтѣ страшно были во вкусахъ того времени; самъ Великій Князь говаривалъ: «тотъ не офицеръ, который по крайней мѣрѣ пять разъ на гауптвахтѣ не сиживалъ.» Очень забавно, что въ одинъ изъ табельныхъ дней, когда разводъ былъ назначенъ въ *шарфахъ* (это опредѣляло всѣмъ военнымъ парадную форму на весь день), Великій Князь, возвратившись откуда-то домой въ свой дворецъ, призываетъ къ себѣ дежурнаго адъютанта и отдаетъ ему слѣдующее приказаніе: «Проѣзжая по Большой Морской, я встрѣтилъ ѣдущаго въ каретѣ кавалергардскаго полка ротмистра Соловова и хотя я не могъ порядочно разглядѣть, потому что мы скоро разъѣхались и къ тому же онъ былъ въ шинели, но мнѣ показалось, что онъ былъ въ зеленомъ мундирѣ, а не въ красномъ, какъ бы слѣдовало; поѣзжай и узнай!» Адъютантъ отправился къ Соловому и сообщилъ ему приказаніе Его Высочества. Соловой, имѣя полную возможность отпереться отъ взводимаго на него преступленія, почелъ приличнѣйшимъ сказать правду и заявилъ, что дѣйствительно, выѣзжая со двора въ закрытой каретѣ, онъ полагалъ себя въ правѣ не надѣвать полной формы и потому былъ точно въ зеленомъ мундирѣ. О благородство души! О честность правилъ! Какъ дурно вы были вознаграждены!... Три дня ареста на гауптвахтѣ были слѣдствіемъ такого добровольнаго сознанія.

Глава одиннадцатая.

И такъ служба моя шла своимъ порядкомъ, и я велъ жизнь вполнѣ уединенную.

Въ одинъ прекрасный день пріѣзжаетъ ко мнѣ одинъ изъ моихъ товарищей, офицеръ нашего полка П. П. Мезенцовъ и въ числѣ про-

*) Въ свободныя минуты.

**) Въ сумерки.

чихъ разговоровъ предлагаетъ мнѣ познакомиться съ однимъ прекраснымъ семействомъ, въ которомъ онъ вхожъ какъ родной. Положительный отказъ мой заводить новыя знакомства, тогда какъ я со старыми не знаю какъ справиться, не удовлетворилъ его, и онъ съ большею еще настойчивостію сталъ меня уговаривать принять его предложеніе. Такое твердое желаніе со стороны моего товарища ввести меня въ новое, незнакомое мнѣ, семейство крайне меня заинтересовало; но послѣ нѣкоторыхъ изворотовъ и колебаній я, наконецъ, довелъ его до чистосердечнаго сознанія—и дѣло оказалось очень просто: въ домѣ члена Государственнаго Совѣта Ѳ. П. Львова готовился праздникъ съ оперным представленіемъ любителей, баломъ и маскарадомъ; а такъ какъ всѣ знали, что многочисленное семейство Львовыхъ заключаетъ въ себѣ много разнородныхъ и выходящихъ изъ ряда талантовъ, то отъ этого праздника всѣ ожидали чего-нибудь необыкновеннаго и говорили объ немъ далеко заблаговременно, тѣмъ болѣе, что разнесся слухъ, якобы нѣкоторые члены императорской фамиліи заявили желаніе на немъ присутствовать. Само собою разумѣется, что, при такихъ условіяхъ, учредители праздника приняли всевозможныя мѣры, чтобы оправдать ожиданія общества, и репетиціи шли усиленнымъ порядкомъ и весьма успѣшно, какъ вдругъ кавалеръ младшей дочери г. Львова, долженствовавшій участвовать съ нею въ костюмированной кадрили, занемогъ довольно серьозно, и оказалась необходимость замѣнить его другимъ. Вотъ вся причина твердой настойчивости П. П. Мезенцова, принявшаго на себя обязанность представить достойнаго замѣнителя заболѣвшаго. И я, наконецъ, согласился.

Ни покойный добрый товарищъ мой, ни я самъ, мы конечно не могли себѣ вообразить, что въ этотъ моментъ, когда рѣчь шла о какомъ-то характерномъ танцѣ, рѣшалась судьба моя и что ему я буду обязанъ всѣмъ счастіемъ моей жизни.

Не стану входить въ подробное описаніе означеннаго праздника, окончившагося весьма успѣшно, ниже постепенныхъ его послѣдствій, скажу коротко: дама моя, съ которой мы изображали вторую часть свѣта въ Персидскихъ костюмахъ, по истеченіи полугода стала моею женою. Съ этого времени и жизнь моя (что́ впрочемъ весьма естественно) и служба приняли совершенно другой оборотъ. Семейство молодой жены моей, будучи въ близкихъ, дружественныхъ отношеніяхъ съ шефомъ жандармовъ, командующимъ императорскою главною квартирой, графомъ Бенкендорфомъ, не желая видѣть меня изо дня въ день таскающимся по карауламъ, дежурствамъ и ученіямъ, предложило графу взять меня къ себѣ въ генеральскіе адъютанты, на что онъ охотно согласился, и вотъ я облекся въ адъютантскій мундиръ,

продолжая впрочемъ числиться въ л.-г. Преображенскомъ полку. Я совершено забылъ сказать, что всѣ эти важныя для меня событія совершились въ 1837 г., когда братъ жены моей, флигель-адъютантъ, полковникъ А. Ѳ. Львовъ (сочинитель нашего Русскаго Народнаго Гимна) состоялъ при графѣ Бенкендорфѣ и завѣдывалъ дѣлами собственнаго Е. И. В. конвоя. За симъ, при поступленіи моемъ въ адъютанты, я засталъ состоящими при графѣ нижеслѣдующихъ приближенныхъ къ нему лицъ: начальника штаба корпуса жандармовъ и управляющаго третьимъ отдѣленіемъ собственной Е. В. канцеляріи генералъ-майора Дубельта, домашняго секретаря при гр. Бенкендорфѣ, М. (стараго моего лицейскаго товарища), генеральскими адъютантами кн. Меншикова и Урусова и полковника Леонтьева, числившагося старшимъ адъютантомъ штаба корпуса жандармовъ и завѣдующаго дѣлами императорской главной квартиры. Всѣ мы были въ прекрасныхъ между собою отношеніяхъ, ежедневно по утру съѣзжались въ такъ-называемый малый кабинетъ графа, гдѣ Бенкендорфъ имѣлъ обыкновеніе, передъ отправленіемъ своимъ къ Государю съ докладомъ, разговаривать со всѣми нами, и тутъ шли всякія росказни о новостяхъ, городскихъ происшествіяхъ, слухахъ и пр. Потомъ мы раскланивались съ нашимъ принципаломъ, онъ уѣзжалъ во дворецъ, а мы всѣ по домамъ (разумѣется кромѣ занятыхъ письменною частію). Эти утреннія бесѣды бывали иногда очень интересны, а иногда и очень смѣшны. Я помню, напримѣръ, какъ однажды (это было на масляницѣ) графъ, обращаясь то къ тому, то къ другому, довольно разсѣянно спросилъ своего секретаря: «былъ ли ты вчера въ маскарадѣ?» М. довольно скоро отвѣчалъ:—«былъ ваше с—во», и полагалъ вѣроятно, что на этомъ разговоръ и кончится; не тутъ-то было! Бенкендорфъ вздумалъ продолжать свои разспросы: былъ ли Государь, въ которомъ часу пріѣзжалъ и уѣхалъ, интриговали-ли его маски, кто еще былъ изъ царской фамиліи? и проч. и проч... М. отвѣчалъ на всѣ вопросы, но, какъ намъ показалось, довольно смущеннымъ тономъ. Лишь только графъ вышелъ въ свою уборную, чтобы одѣться и ѣхать съ докладомъ къ Государю, М. вскочилъ съ своего мѣста и взволнованнымъ голосомъ, обращаясь къ намъ, возопилъ: «Представьте себѣ, что это я все наврaлъ! Я совсѣмъ не былъ вчера въ маскарадѣ!»—«Да какъ же это?»—«Да такъ просто; онъ такъ неожиданно сдѣлалъ мнѣ вопросъ; а я, не подумавши, отвѣчалъ, а потомъ уже нельзя было идти на попятный дворъ, и я путался, какъ могъ! Ну какъ при случаѣ графъ вздумаетъ хвастнуть передъ Государемъ тѣмъ, что онъ, хоть и не всегда, бываетъ при Его Величествѣ, но какъ начальникъ тайной полиціи, онъ всегда до малѣйшихъ подробностей знаетъ все, что́ до

Его Величества касается, и передастъ ему всѣ свѣдѣнія отъ меня полученныя: вѣдь тогда больно плохо! Какъ быть?» — «Посмотрѣть въ афишахъ: какой былъ вчера маскарадъ?» Перерыли всѣ афиши, и оказалось, что вчера нигдѣ и никакого маскарада не было! Къ счастію сообщителя вымышленныхъ свѣдѣній, обстоятельство это не имѣло никакихъ послѣдствій, кромѣ нашихъ насмѣшекъ надъ импровизаторомъ.

Кстати мнѣ припоминается еще одинъ довольно курьозный эпизодъ, имѣвшій свою развязку на тѣхъ же утреннихъ бесѣдахъ. Братъ жены моей А. Ѳ. Львовъ купилъ домъ на Караванной улицѣ, заплатилъ за него съ чѣмъ-то сто тысячъ рублей и желалъ сдѣлать нѣкоторыя исправленія въ этомъ домѣ; ему потребовалось по составленной смѣтѣ еще тысячъ до двадцати денегъ, которыхъ у него не было, и онъ, какъ вовсе непрактичный въ коммерческихъ дѣлахъ человѣкъ, ужасно затруднялся, что̀ ему дѣлать? Имѣя постоянныя сношенія съ казначеемъ собственнаго Его Величества конвоя нѣкіимъ Х. Я. Пономаревымъ, человѣкомъ далеко неглупымъ, честнымъ и практичнымъ, но чрезвычайно застѣнчивымъ, Львовъ обратился къ нему за совѣтомъ. Пономаревъ очень просто и скоро развязалъ этотъ Гордіевъ узелъ, предложивъ Львову просить Казенную Палату о выдачѣ ему, подъ залогъ того же дома, незначительной въ сравненіи съ его цѣнностію потребной суммы. Сказано, сдѣлано! Тотъ же Пономаревъ написалъ прошеніе, которое въ тотъ же день полетѣло въ надлежащее присутственное мѣсто. Проходятъ дни, наконецъ недѣли, а о просимой ссудѣ нѣтъ ни привѣта, ни отвѣта! Работы кипятъ, деньги до зарѣзу нужны. Львовъ рѣшается просить Пономарева съѣздить въ молчаливое присутственное мѣсто и тамъ справиться, на чемъ дѣло стало? Пономаревъ отправляется и, войдя въ первую комнату присутствія, у попавшагося ему на встрѣчу чиновника спрашиваетъ, гдѣ бы ему можно было навести справку по такому-то дѣлу?—«Пожалуйте въ слѣдующую комнату», отвѣчаетъ ему чиновникъ, «и навѣдайтесь о надворномъ совѣтникѣ Ѳ.: это по его части». Застѣнчивый Пономаревъ, какъ по писанному, исполняетъ полученное наставленіе, и ему указываютъ на величественнаго блондина съ двумя декораціями на шеѣ, разговаривающаго съ кѣмъ-то въ амбразурѣ окошка. Робко подходитъ онъ къ декорированной особѣ и излагаетъ цѣль своего посѣщенія. «Знаю, знаю!» громко и бойко возглашаетъ величественная особа, «Львову нужны деньги, это хорошо; ну, а скажите, сколько онъ мнѣ дастъ за полученіе просимыхъ имъ денегъ?» Пономаревъ окончательно растерялся при этой неожиданной, нахальной выходкѣ и еле внятно шопотомъ отвѣчаетъ, что онъ хотя

не получалъ никакой инструкціи по этому предмету, но по личному своему соображенію полагаетъ, что Алексѣй Ѳедоровичъ не затруднится предложить ему 500 рублей (нужно замѣтить, что дѣло это происходило въ самое время перевода разсчета денегъ съ ассигнацій на серебро, а потому, сказать просто 500 рублей это было недовольно ясно). «Скажите же вы вашему флигель-адъютанту Львову, что ежели онъ завтра не пришлетъ мнѣ 500 р. серебромъ, слышите ли 500 р. *серебромъ*, то я къ нему въ домъ не поѣду; а ежели и поѣду, то такъ его оцѣню, что онъ у меня съ своимъ домомъ напляшется». Какъ громомъ пораженный, кувыркомъ слетѣлъ нашъ Пономаревъ съ широкой лѣстницы присутственнаго мѣста, какъ шальной явился къ Львову, и черезъ великую силу, наконецъ, могли добиться отъ него дословнаго показанія случившагося: такъ сильно подѣйствовало на него невообразимое нахальство вельможи-взяточника!

Случайно, заѣхавъ въ это утро ко Львову, засталъ я его озабоченнымъ и разстроеннымъ, въ большомъ недоумѣніи, что́ дѣлать? Я тогда былъ молодъ и въ энергіи не чувствовалъ ни малѣйшаго недостатка. Выслушавъ разсказъ самого Пономарева, я воспрянулъ. «Какъ, что дѣлать!» вскричалъ я. «Кому же, какъ не намъ съ тобою, служащимъ у источника правосудія и карателя всякаго зла и неправды, выводить на чистую воду подобныя дѣянія, вошедшія, какъ видно, въ обычай? Послушайся меня и поступи нижеслѣдующимъ образомъ: завтра же пошли требуемые 500 р. этому разбойнику, да не съ однимъ Пономаревымъ, а придай ему кого-нибудь въ товарищи, чтобы было два свидѣтеля его нахальства, а потомъ, когда взявши деньги, онъ пріѣдетъ, какъ водится, оцѣнять твой домъ, ты лично спроси его: получилъ онъ требуемую сумму? И за симъ все отъ слова до слова разскажи графу Бенкендорфу при нашихъ утреннихъ бесѣдахъ». —«И ничего изъ этого не выйдетъ», возразилъ мнѣ Львовъ, «ты знаешь разсѣянность графа: онъ въ одно ухо впуститъ, а въ другое выпуститъ».—«Все равно, ты, по крайней мѣрѣ, исполнишь свой долгъ по службѣ и долгъ честнаго человѣка».

Какъ я посовѣтовалъ, такъ и совершилось. На другой день 500 рублей сер. были отправлены г-ну Ѳ. съ Пономаревымъ въ сопровожденіи г. Полонскаго, человѣка опытнаго и бойкаго. Войдя въ присутствіе и увидавъ сидящаго Ѳ., они остановились въ виду послѣдняго, предполагая, что онъ отведетъ ихъ куда нибудь въ сторону, для принятія своего неправильнаго побора; ничуть небывало! «А! это вы, отъ Львова,» обратился онъ, вставая и подходя къ Пономареву, «что́ привезли деньги?»—«Точно такъ», отвѣчалъ посланникъ, подавая ему пачку депозитныхъ билетовъ. «Давайте!» И не обращая ни малѣй-

шаго вниманія ни на присутствіе сидящихъ у своихъ столовъ чиновниковъ, ни на Полонскаго, стоящаго рядомъ, помочивши палецъ, онъ началъ перебирать депозитки для повѣрки полности заявленной имъ суммы. Какъ ни опытенъ былъ Полонскій въ подобнаго рода дѣлахъ, но такая безцеремонность не могла не поразить и его.

— «Извините», обратился онъ въ полголоса къ Ѳ., «ежели я позволю себѣ замѣтить, что подобное дѣйствіе съ вашей стороны не совсѣмъ безопасно: А. Ѳ. Львовъ имѣетъ счастіе быть флигель-адъютантомъ Е. И. В-ва и кромѣ того служитъ при графѣ Бенкендорфѣ; какъ бы изъ этого чего не вышло?» — «О! это для насъ все равно, были-бы денежки; а отъ кого онѣ приходятъ, для насъ безразлично. Скажите г. Львову, что завтра, съ оцѣночной коммиссіею, я пріѣду къ нему въ домъ, подпишемъ актъ, и все будетъ сдѣлано».

Такъ и совершилось. На другой день поутру г. Ѳ. самъ-семъ съ членами такъ называемой оцѣночной, коммиссіи явились. Я тоже, какъ заинтересованный свидѣтель, не преминулъ присутствовать при этой церемоніи, когда означенная толпа всякаго народа ввалилась въ первую комнату, гдѣ стоялъ билліардъ и, положивъ на него какую-то заранѣе заготовленную бумагу, начала свое рукоприкладство, не дѣлая шага далѣе. За симъ Ѳ. во главѣ и всѣ прочіе, раскланявшись, отправились по домамъ, вы думаете?... Ничуть не бывало! Въ Палкинъ трактиръ, тамъ наѣлись, напились и прислали счетъ для уплаты Львову.

«Ну, ужъ это изъ рукъ вонъ!» воскликнулъ я въ преисполнившемъ меня негодованіи. «Это просто, другъ мой Алексѣй, грубая, оскорбительная и дерзкая надъ тобою насмѣшка, которую ты просто не имѣешь права оставить безъ послѣдствій; иначе ты признаешь себя вполнѣ ея достойнымъ!»

На слѣдующій день, при обычной нашей утренней бесѣдѣ, Львовъ, подстрекаемый мною, разсказалъ графу, съ желаемою подробностію, все совершившееся съ нимъ происшествіе. Бенкендорфъ все время молчалъ, продолжалъ бриться, поцыкивая изрѣдка языкомъ (что́ было въ его привычкѣ) и, наконецъ, всталъ и уѣхалъ, одѣвшись, во дворецъ.

— «Ну что?» обратился ко мнѣ Львовъ, «вотъ и разсказалъ, а что толку?» — «Ты исполнилъ свою обязанность», отвѣчалъ я ему, «а за послѣдствія ты не отвѣтчикъ». Такъ мы и разъѣхались.

Часа черезъ два, пріѣзжаетъ ко мнѣ на квартиру жандармъ. «Пожалуйте къ графу!» Одѣвшись наскоро, являюсь. «Mon cher», говоритъ мнѣ графъ, «потрудись заготовить отъ моего имени отношеніе къ министру финансовъ (графу Е. Ф. Канкрину) такого содержанія: «Государь Императоръ, получивъ свѣдѣніе о противозаконномъ поступкѣ чиновника Ѳ., служащаго въ вѣдомствѣ Министерства Финан-

совъ, противу А. Ѳ. Львова, состоящемъ въ томъ-то.., высочайше повелѣть соизволилъ назначить при поименованномъ министерствѣ слѣдственную коммиссію, въ члены которой будетъ назначенъ мною одинъ жандармскій штабъ-офицеръ, поручивъ этой коммиссіи формально и въ подробности выяснить помянутый поступокъ Ѳ—ва и о послѣдующемъ почтить меня увѣдомленіемъ для доклада Его Императорскому Величеству».

Можно легко себѣ представить мой восторгъ при выслушаніи этого порученія. Черезъ полчаса бумага была готова, подписана Бенкендорфомъ и отправлена по принадлежности. Взявъ съ собою черновую, отправляюсь прямо къ Львову, какъ угорѣлый врываюсь въ его кабинетъ съ восторженнымъ возгласомъ: «Ура! наша взяла!» Тотъ ничего не понимаетъ, я даю ему прочитать бумагу, и начинается общее ликованіе: наконецъ-то, мошенникъ попался, теперь ужъ не вывернется!

Проходитъ нѣсколько дней, Канкринъ молчитъ, нѣтъ отъ него никакого отвѣта (нужно сказать, что въ это время я уже былъ не генеральскій адъютантъ, а старшій адъютантъ управленія дѣлами императорской главной квартиры и собственнаго Его Императорскаго Величества конвоя; о томъ, какъ эта перемѣна совершилась, рѣчь будетъ впереди). Наконецъ, по истеченіи нѣкотораго времени, получаю я конвертъ изъ Министерства Финансовъ, на имя командующаго императорской главной квартирой; такъ какъ все, что́ касалось до означенной части, входило въ кругъ моихъ занятій, то я имѣлъ полное право распечатать этотъ конвертъ, что́ я сдѣлалъ съ тѣмъ бо́льшимъ любопытствомъ, что я не могъ сомнѣваться въ содержавшемся въ немъ отвѣтѣ графа Канкрина. И точно, я не ошибся: это былъ отвѣтъ министра финансовъ. Но смыслъ этого отвѣта до того былъ противенъ всѣмъ нашимъ ожиданіямъ, что, какъ говорится, у меня руки упали. Вотъ приблизительно что писалъ графъ Канкринъ.

На почтеннѣйшее отношеніе в. с-ва поспѣшаю (не очень кажется) имѣть честь отвѣтствовать, что, лично зная съ давняго времени г-на Ѳва за отличнѣйшаго во всѣхъ отношеніяхъ чиновника, я счелъ нужнымъ предварительно назначенія формальнаго слѣдствія, согласно высочайшей волѣ, допросить его лично о происшествіи, по которому онъ обвиняется въ лихоимствѣ и такъ какъ онъ положительно отвергаетъ всякое взводимое на него нареканіе, то я нахожусь въ необходимости покорнѣйше просить в. с-во прислать ко мнѣ полковника А. Ѳ. Львова, какъ подкупателя, для очной ставки съ Ѳ-мъ, обвиняемомъ во взяточничествѣ.

Боже мой! подумалъ я. Что же это такое? Можно ли, въ особенности министру, такъ кривить душой и давать такой превратный оборотъ весьма ясному дѣлу? Однако дѣлать нечего, нужно безотлагательно доложить Бенкендорфу это отношеніе. Взявъ за спину эту бумагу, я отправился къ графу и, поговоривъ съ нимъ о томъ и о семъ, и видя его въ хорошемъ расположеніи духа, рѣшился ему сказать: «Ваше сіятельство, мы сейчасъ получили отвѣтъ гр. Канкрива по дѣлу Львова». — «Какое дѣло Львова?» (Онъ уже и забылъ!)—«О взяткѣ, которую у него вынудили при оцѣнкѣ его дома».—«Ахъ, да! Ну, прочитай, что́ Канкринъ пишетъ?» Я прочиталъ. Онъ не сказалъ ни слова, только поцыкалъ немножно языкомъ, по своей привычкѣ, протянулъ руку, взялъ бумагу, положилъ въ карманъ и уѣхалъ.

Необходимость требовала сообщить и Львову эту пріятную для него новость; ужъ какъ мнѣ было грустно, какъ не хотѣлось! Не менѣе того, поѣхалъ и передалъ ему все, какъ было.—«Спасибо, любезный другъ!» заскорбѣлъ мой. Алексѣй Ѳедоровичъ, «въ прекрасную исторію ты меня завелъ! И знаешь ли ты, что, по нашимъ законамъ, дающій взятку (подкупатель) подвергается одному и тому же наказанію, какъ и берущій? (признаться я до той поры этого не зналъ). И зачѣмъ я слушался твоего совѣта!» — «Погоди, мой другъ, не очень огорчайся: графъ взялъ съ собою бумагу, что́ нибудь же онъ съ нею сдѣлаетъ; ты знаешь, какой онъ рыцарь чести, не выдастъ онъ честнаго человѣка на поруганіе мошенникамъ, этого быть не можетъ!»—И дѣйствительно не было.

Въ тотъ же день, опять пріѣзжалъ ко мнѣ жандармъ съ обычной фразой: пожалуйте къ графу! Сердце у меня ёкнуло; я догадался, что дѣло идетъ къ развязкѣ; но какова-то она будетъ, успокоительная или непріятная? Съ этимъ чувствомъ сомнѣнія я полетѣлъ на призывъ. Услыхавъ мой приходъ въ комнату передъ его туалетной, графъ позвалъ меня сквозь дверь; я вошелъ и остановился: мой принципалъ въ костюмѣ нашего праотца Адама (до его паденія) разгуливалъ мѣрными шагами взадъ и впередъ по комнатѣ.

«Mon cher», обратился онъ ко мнѣ, вопервыхъ, не взыщи, что я тебя принимаю въ такомъ négligé, je prens un bain d'air, по совѣту моего доктора; а вовторыхъ, потрудись безотлагательно заготовить отъ моего имени отношеніе къ министру финансовъ, только не иначе, какъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: по докладу, въ подлинникѣ, Государю Императору почтеннѣйшаго отношенія вашего сіятельства, касательно присылки къ слѣдствію А. Ѳ. Львова для очныхъ ставокъ съ обвиняемымъ въ домогательствѣ взятокъ чиновникомъ, Его Величеству благоугодно было приказать мнѣ передать вашему сіятельству соб-

ственныя его слова: «Скажи отъ меня графу Канкрину, что я не хуже его знаю Русскіе законы; но въ настоящемъ случаѣ приказываю смотрѣть на дѣйствія Львова, какъ мною разрѣшенныя и потому оставить его въ покоѣ и къ слѣдствію не привлекать». Сверхъ того Государю Императору благоугодно, чтобы на слѣдственную коммиссію возложено было не токмо разсмотрѣніе поступка Ѳ—ва съ Львовымъ, но и тщательное разслѣдованіе настоящихъ средствъ жизни Ѳ—ва со способами, которые онъ имѣетъ на пріобрѣтеніе оныхъ.

Прекрасно! Все это буквально было передано министру финансовъ. Но что́ же изъ этого вышло? — А вотъ что! По высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію была составлена слѣдственная коммиссія (не припомню, кто въ ней предсѣдательствовалъ), въ составъ коей Бенкендорфомъ былъ назначенъ членомъ жандармскій полковникъ (изъ несморкающихся лѣвой ногой) и, наконецъ, послѣ долгихъ затяжекъ, коммиссія открыла свои засѣданія при Министерствѣ Финансовъ. Призванъ былъ г. Ѳ—въ.

Предсѣдатель. «Обвиняемый! Разскажите, какъ было дѣло, по которому вы обвиняетесь въ лихоимствѣ?»

Ѳ—въ.—«Знать ничего но знаю и вѣдать не вѣдаю!»

Жандармскій полковникъ.—«Помилуйте, какъ же это? Вѣдь А. Ѳ. Львовъ, слава Богу, живъ, и у него два свидѣтеля, которые опровергнутъ ваше отрицаніе».

Предсѣдатель. «Извините, г. полковникъ, мы имѣемъ высочайшее повелѣніе не привлекать А Ѳ. Львова къ слѣдствію, а потому ни онъ, ни его агенты спрошены быть не могутъ».

Что́ тутъ дѣлать? Какъ полковникъ ни изворачивался, какъ ни ухищрялся, «знать не знаю» да и только! И такимъ образомъ сразу вопросъ о невиновности Ѳ—ва былъ рѣшенъ окончательно, и съ сокрушеннымъ сердцемъ коммиссія нашлась въ необходимости перейдти къ другому, а именно: къ способамъ жизни г. Ѳ—ва. Тутъ уже настойчивому и правдивому полковнику представилось, что́ называется beau jeu; ему не трудно было, по собраннымъ заблаговременно справкамъ, доказать, что, за неимѣніемъ ни за собой, ни за женой, ни наслѣдственнаго, ни *благопріобрѣтеннаго* состоянія, и никогда не получая на службѣ болѣе двухъ тысячъ рублей въ годъ содержанія, г. Ѳ—ву невозможно было (какъ оказалось) жить въ двухтысячной квартирѣ, держать экипажъ, своихъ лошадей и многочисленную прислугу, безъ темныхъ, сокрытыхъ имъ источниковъ. Какъ ни грустно было коммиссіи, но она доведена была до необходимости признать своего сотоварища заслуживающимъ сильнаго подозрѣнія. По докладу Государю Императору о таковомъ исходѣ этого дѣла, Его

Императорское Величество высочайше повелѣть соизволилъ: отставить надворнаго совѣтника Ѳ—ва отъ службы и отправить его на жительство въ городъ Вятку, куда, какъ говорятъ, онѣ выѣхалъ изъ Петербурга въ великолѣпномъ дормезѣ на шестеркѣ лошадей!

Какое заключеніе, спрашивается, можно вывести изъ разсказаннаго мною эпизода, по тщательной, умственной разборкѣ его? Весьма печальное, позволю я себѣ отвѣчать. Какъ при такомъ великомъ, строгомъ и честномъ императорѣ, каковъ былъ Николай Павловичъ, какой-то надворный совѣтникъ осмѣливается такъ дерзко и нахально поступить съ лицомъ, приближеннымъ къ самому Государю? Какъ же бы онъ дѣйствовалъ съ другимъ, не имѣвшимъ такого высокаго покровительства? И что бы стало съ этимъ другимъ, невольнымъ *поджупателемъ*?... Страшно подумать! А все это отъ чего? Отъ того, вопервыхъ, что надворный совѣтникъ, лакейски прислуживая и угождая своему начальнику, во всякихъ случаяхъ твердо надѣется на его защиту; а вовторыхъ, отъ нашей убійственной формалистики, при которой, ежели не всѣ, то большая часть дѣлъ разсматривается и рѣшается не по нравственному ихъ смыслу, а по наружному ихъ изложенію, при соблюденіи требуемыхъ закономъ формъ.

Поспѣшаю оговориться, что все мною высказываемое относится къ прошедшему времени; нынѣ же «моя изба съ краю, и я ничего не знаю».

Глава двѣнадцатая.

Но я, кажется, слишкомъ увлекся описаніемъ бывшихъ у Львова агитацій по случаю залога его дома. Обращаюсь къ постепенному повѣствованію моего житья-бытья. Я продолжалъ служить генеральскимъ адъютантомъ при графѣ Бенкендорфѣ, не имѣя никакихъ постоянныхъ занятій, что́ меня, признаться, отчасти тяготило; правда, что я получалъ изрѣдка нѣкоторыя командировки, какъ напримѣръ.

Не помню именно въ которомъ году я былъ посланъ въ городъ Можайскъ для найма и приспособленія помѣщеній для иностранныхъ пословъ и посланниковъ, приглашенныхъ на Бородинскіе маневры, а также для принятія двухъ эскадронныхъ лошадей Ямбургскаго уланскаго полка, какъ подъ нихъ, такъ равно и подъ всю свиту Его Величества на означенныхъ маневрахъ.

Исполнивъ съ полнымъ успѣхомъ это порученіе, я возвратился вновь на свою бездѣятельную службу. Какъ помнится, около этого времени, въ одинъ прекрасный вечеръ, я находился гдѣ-то въ гостяхъ и сидѣлъ за карточнымъ столомъ, какъ вдругъ насъ изъ окошка освѣтило ужасное зарево. Всѣ засуетились; посылаютъ узнать, что́ такое? И чрезъ нѣсколько минутъ получаемъ въ отвѣтъ, что Зимній дво-

рецъ горитъ! Легко можно себѣ представить общую суматоху при этомъ извѣстіи! Всѣ повыскакали съ своихъ мѣстъ, забывъ всякіе разсчеты, и я, вскочивъ на перваго попавшагося мнѣ извощика, стремглавъ полетѣлъ на пожарище.

Дворцовая площадь, Главный Штабъ и всѣ окрестные дома, были буквально залиты свѣтомъ. Густая цѣпь гвардейскихъ войскъ окружала все зданіе дворца; за нею непроницаемой стѣною стоялъ народъ, безъ шапокъ и въ безмолвной тишинѣ (ежели память неизмѣняетъ мнѣ, это было въ концѣ Ноября или въ Декабрѣ мѣсяцѣ). Обязанность службы моей требовала непремѣннаго моего нахожденія при моемъ шефѣ, въ такую критическую минуту, и я съ большимъ трудомъ, прорвавъ стѣну народа и цѣпь солдатъ, вбѣжалъ въ горящій дворецъ, не сомнѣваясь, что тамъ найду своего графа. И точно, пробѣжавъ нѣсколько комнатъ, я наткнулся на Государя, сопровождаемаго Бенкендорфомъ, бывшимъ Петербургскимъ генералъ-губернаторомъ и нѣкоторыми другими высшими сановниками, и я присоединился къ нимъ. Зрѣлище было потрясающее: пожарные заливали пылающіе потолки, двери и оконныя рамы, изъ которыхъ такъ и валило пламя; солдаты вытаскивали на площадь мебели и всякія вещи, съ усиліемъ отрывая отъ стѣнъ зеркальныя рамы огромныхъ размѣровъ; наконецъ, дворцовая команда солдатъ, имѣя во главѣ своей самого министра двора, бѣглымъ шагомъ переносила коронныя драгоцѣнности изъ такъ называемой брилліантной комнаты, не знаю въ какое избранное для того мѣсто. Все торопилось, суетилось; но мертвая тишина не прерывалась ни однимъ звукомъ голоса, кромѣ звучнаго, какъ извѣстно, голоса самаго Императора, безпосредственно распоряжавшагося всѣми дѣйствіями и выгонявшаго солдатъ, когда онъ предвидѣлъ для нихъ опасность отъ провала потолка, что́ дѣйствительно легко могло случиться.

Я очень помню, что едва успѣли выйти прогоняемые солдаты и за ними Государь со свитой, провалился потолокъ бѣлой залы. Проходя изъ комнаты въ комнату, я увидалъ другое зарево пожара на Васильевскомъ острову и счелъ нужнымъ доложить о томъ Бенкендорфу. Графъ указалъ его Государю, который, оборотясь и увидавъ меня въ своей свитѣ, подозвалъ къ себѣ и сказалъ: «Поѣзжай немедленно туда; ты, вѣроятно, на дорогѣ встрѣтишь Финляндскій полкъ, еще сюда не прибывшій; останови его и скажи Офросимову, чтобы онъ шелъ съ полкомъ дѣйствовать на тотъ пожаръ, и что я не могу, къ сожалѣнію, дать ему въ помощь ни одной трубы и ни одного человѣка,—всѣ здѣсь заняты».

Я поскакалъ верхомъ на жандармской лошади и все исполнилъ по приказанію Государя. Въ Галерномъ порту горѣли какія-то лачуги,

и молодцы Финляндцы безъ всякихъ инструментовъ, въ одно мгновеніе, растаскали горѣвшее и тѣмъ положили конецъ пожару.

Не такъ было съ Зимнимъ дворцомъ. Возвратясь, я засталъ его еще болѣе пылающимъ, чѣмъ оставилъ; огонь былъ такъ силенъ и ярокъ, что, какъ тогда говорили, на Аничковомъ мосту можно было читать, безъ всякаго другаго освѣщенія. Наконецъ, доложили Государю, что, несмотря на общія энергическія старанія всѣхъ пожарныхъ частей Петербурга, совладать съ огнемъ не настоитъ никакой возможности, по той причинѣ, что главная сила огня сосредоточена на чердакѣ, который прежде всего загорѣлся и наполнился такимъ густымъ дымомъ, что добраться туда нельзя ни подъ какимъ видомъ. А нужно было знать, что́ такое чердакъ Зимняго дворца! Мы, молодые офицеры, бывало, стоя въ караулѣ на главной гауптвахтѣ, хаживали по вечерамъ туда прогуливаться. Это безпредѣльный какой-то лабиринтъ галлерей, направленныхъ въ разныя стороны, изъ котораго незнающій человѣкъ ни за что не могъ бы выбраться, несмотря на ламповое освѣщеніе, ежедневно зажигавшееся.

Получивъ это свѣдѣніе, Государь приказалъ прекратить безполезные труды пожарныхъ командъ, оставивъ дворецъ на произволъ судьбы, и всѣ усилія употребить на отвращеніе опасности отъ Эрмитажа, находившаго въ близкой связи съ дворцомъ, что́ и было исполнено съ полнымъ успѣхомъ.

Далеко за полночь Государь оставилъ горящее свое жилище. Провожая его съ графомъ Бенкендорфомъ, я слышалъ своими ушами, какъ, садясь въ сани, онъ сказалъ графу: Pourvu que ce malheur ne coûte rien à la Russie» *), и поѣхалъ въ Аничковъ дворецъ, куда перебралась вся царская семья. Проводивъ Государя, мы съ графомъ возвратились на пожаръ, гдѣ и пробыли всю ночь, разумѣется, безъ всякой пользы, единственно изъ усердія.

На другой день, дождавшись приличнаго часа, мы опять-таки съ графомъ поѣхали въ Аничковъ дворецъ, для доклада о положеніи дѣлъ. На лѣстницѣ, въ корридорахъ и даже въ нѣкоторыхъ комнатахъ, навалены были тамъ разныя вещи и узлы, и я очень помню, что, встрѣтивъ насъ въ одномъ изъ апартаментовъ, Великая Княжна Ольга Николаевна сказала, указывая на это неубранство: «Извините, что мы васъ такъ принимаемъ, вѣдь мы погорѣлые!»

Семь дней горѣлъ Зимній дворецъ и, пока не были убраны съ площади мебель и вообще всѣ вещи, спасенныя отъ пожара, цѣпь

*) Лишь бы это бѣдствіе ничего не стоило для Россіи.

гвардейскихъ солдатъ окружала его. Грустно было смотрѣть на это громадное, великолѣпное зданіе, покинутое всѣми жильцами, извергающее пламя изъ всѣхъ отверстій. Отъ времени до времени продолжали слышаться въ немъ какъ бы пороховые взрывы: это были полы и потолки, постепенно проваливающіеся. Дворецъ еще продолжалъ горѣть въ своихъ оконечностяхъ, когда уже сдѣлано было распоряженіе о вывозѣ мусора изъ остывшихъ частей пожарища, который отправлялся на Монетный дворъ для выжиганія изъ него частицъ золота и серебра, неминуемо въ немъ оставшихся.

Сильное и незабвенное впечатлѣніе произвело на меня это зрѣлище, когда, прискакавъ на площадь, я увидалъ это громадное произведеніе искусства архитектуры, объятое пламенемъ и извергающее изъ нѣдръ своихъ, подобно Везувію, адскій огонь и черные столбы дыма; этотъ народъ, въ нѣсколько десятковъ тысячъ человѣкъ, безмолвною стѣною окружавшій пожарище, всѣ безъ шапокъ (несмотря на довольно сильный морозъ), нѣкоторые крестились; но всѣ стояли неподвижно, какъ громомъ пораженные; наконецъ, эта общая тишина, никогда не встрѣчающаяся при обыкновенныхъ пожарахъ: все это вмѣстѣ взятое представляло великолѣпно-потрясающую картину.

Когда все кончилось, графу Бенкендорфу высочайше повелѣно было изслѣдовать причины пожара, и оказалось, что въ Петровскомъ залѣ лопнула печная труба, вслѣдствіе чего затлѣла близъ находившаяся балка и продолжала уже тлѣть дня два подъ поломъ; когда былъ замѣченъ небольшой дымъ въ одномъ изъ довольно-отдаленныхъ корридоровъ, стали отыскивать источникъ дыма и замѣтили, что онъ выходитъ изъ какой-то щелки около печи; разобрали частицу пола, ничего нѣтъ! Принесли ручную трубу, попрыскали немножко, дымъ пересталъ,—и всѣ успокоились; но увы! это уже было начало разыгравшейся драмы!

Не успѣли еще хорошенько очистить стѣны сгорѣвшаго дворца, какъ работа варомъ закипѣла въ немъ; и какъ извѣстно, что усердіе все преодолѣваетъ, то по истеченіи одного года Русскій Зимній дворецъ представился всему міру возобновленнымъ и великолѣпнымъ болѣе прежняго,—возродивъ на свѣтъ новаго графа П. А. Клейнмихеля.

Не могу умолчать при этомъ случаѣ о ничтожномъ, но довольно странномъ обстоятельствѣ того времени. Былъ у меня въ Преображенскомъ полку товарищъ, капитанъ Ѳ. С. Чернышовъ, пользовавшійся очень милымъ поэтическимъ талантомъ. За два или три мѣсяца до пожара дворца, ему пришла мысль написать въ стихахъ солдатскую сказку, совершенно въ Русскомъ духѣ подъ заглавіемъ: «Сказка о двухъ Царяхъ, о Царѣ Русскомъ и Царѣ Нѣмецкомъ и о томъ, какъ

Русскій Царь, побѣдивъ Царя Нѣмецкаго, поступилъ съ нимъ великодушно». Стихотвореніе непризнаннаго поэта вышло чрезвычайно удачно, такъ что А. А. Катенинъ, бывшій въ то время флигель-адъютантомъ и пользовавшійся заслуженною репутаціею прекраснаго чтеца, по желанію Государя, прочелъ Его Величеству означенную сказку. Государь много смѣялся, хвалилъ, но печатать не позволилъ, по той причинѣ, что сказка заключала въ себѣ много ѣдкихъ насмѣшекъ надъ Нѣмецкимъ Царемъ, и ему не хотѣлось оскорблять ихъ величества. Это бы все ничего! Но странность заключается въ сюжетѣ сказки. Чернышовъ начинаетъ съ описанія этихъ двухъ Царей: «Русскій Царь, Царь молодецкій!» и т. д.—«Царь Нѣмецкій, Царь пшеничный, и не боекъ красотой, рыжій, низенькій, худой» и т. д. Такое первенство Русскаго Царя возбуждаетъ зависть въ Нѣмецкомъ, и онъ собираетъ къ себѣ весь свой народъ на совѣтъ, чтобы вмѣстѣ придумать какую-нибудь штуку, «чтобы Русскаго Царя, молодца-богатыря, срамнымъ срамомъ осрамить, злое горе приключить». Цѣлый годъ шелъ совѣтъ Нѣмецкаго Царя съ народомъ и, наконецъ, придумали выстроить такой дворецъ, какого Русскій Царь и не видывалъ, и потомъ пригласить его полюбоваться Нѣмецкою роскошью. Сказано, сдѣлано. Нѣсколько лѣтъ трудился весь народъ и, наконецъ, дворецъ готовъ. Дѣйствительно великолѣпный! Приглашаютъ Русскаго Царя «посмотрѣть и подивиться». Государь, познавъ цѣль этого приглашенія, поѣхалъ, взглянулъ и говоритъ Нѣмецкому Царю: «Это-то ты звалъ меня смотрѣть? Помилуй, мой другъ, да у насъ и клѣти курамъ строятъ вдвое выше; вотъ у меня, такъ могу сказать, что дворецъ! Пріѣзжай, увидишь самъ». Плюнулъ и поѣхалъ домой, а самъ дорогой думаетъ: «Однако я неосторожно поступилъ съ Нѣмцемъ, звалъ дворцомъ любоваться, а его еще и не начинали». Пріѣхалъ къ себѣ во временное тѣсненькое помѣщеніе, призвалъ зодчаго и приказалъ ему какъ можно скорѣе выстроить дворецъ на славу, и точно, черезъ весьма короткое время выросъ изъ земли волшебный дворецъ и т. д. Не странность ли это, повторяю я, что за два мѣсяца до катастрофы, когда никому и въ умъ не приходило, что скоро потребуется возобновленіе дворца и съ такою поспѣшностію и великолѣпіемъ, Чернышовъ воспѣлъ въ прекрасныхъ стихахъ этотъ фактъ, какъ бы уже совершившійся. Не пророчество ли это?

Вскорѣ послѣ описаннаго мною времени, удрученный моимъ бездѣйствіемъ, я сталъ серьозно подумывать объ избраніи себѣ какихъ-либо постоянныхъ занятій, и вотъ что наконецъ придумалъ. Братъ жены моей, А. Ѳ. Львовъ, состоя при графѣ Бенкендорфѣ, занимался

исключительно дѣлами собственнаго Его Императорскаго Величества конвоя. Въ тоже время отдѣленіемъ императорской главной квартиры, т.-е. всѣми дѣлами, касающимися до военныхъ особъ, безъ исключенія, составляющихъ свиту Государя, управлялъ полковникъ А. Н. Леонтьевъ, числившійся старшимъ адъютантомъ штаба корпуса жандармовъ. Нельзя-ли, думалъ я, соединить эти двѣ однородныя части въ одно цѣлое и составить такимъ образомъ отдѣльное и самостоятельное управленіе, тѣмъ болѣе, что, какъ мнѣ было извѣстно, весьма многія изъ лицъ свиты тяготились и роптали на необходимость имѣть постоянныя сношенія съ корпусомъ жандармовъ. Я сообщилъ мою мысль Львову, онъ ухватился за нее, что́ называется и руками и ногами, гр. Бенкендорфъ тоже ее одобрилъ, доложили Государю, и тотчасъ же послѣдовало высочайшее повелѣніе объ учрежденіи безотлагательно: «Управленія дѣлами императорской главной квартиры и собственнаго Его Императорскаго Величества конвоя» съ назначеніемъ полковника А. Ѳ. Львова управляющимъ и гв. штабсъ-капитана Самсонова старшимъ адъютантомъ означеннаго учрежденія, подъ непосредственнымъ начальствомъ графа Бенкендорфа. Мнѣ поручено было составить штатъ новаго учрежденія, что́ я, конечно, не замедлилъ исполнить, и штатъ мой былъ высочайше утвержденъ.

Наконецъ-то, я достигъ давно желанной цѣли; наконецъ, я имѣлъ свои постоянныя занятія и, смѣю сказать, въ достаточномъ количествѣ, ужъ въ такомъ-то количествѣ и настолько разнообразныя, что первое время я едва-едва могъ съ ними справляться, тѣмъ болѣе, что, кромѣ должности старшаго адъютанта, я былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и казначеемъ управленія, и у меня на рукахъ находился казенный ящикъ, всегда съ довольно-значительною суммою денегъ, которыхъ никто и ни разу не ревизировалъ въ теченіе всей моей двѣнадцатилѣтней службы въ этой должности. Канцелярія моя состояла изъ одного аудитора и четырехъ писарей; правда, что всѣ они были люди порядочные и благонадежные; но, повторяю, занятія наши были на столько разнообразны и большею частію все спѣшныя, что сотрудники мои часто теряли головы. И такъ шло довольно долго, пока я самъ посредствомъ практики не пріобрѣлъ нѣкотораго апломба и самостоятельности.

Ежели я позволю себѣ выставлять свою личность, какъ единственнаго главнаго дѣятеля по дѣламъ Управленія императорской квартиры, то, по совѣсти скажу, что дѣйствительно оно такъ и было, по той простой причинѣ, что главный мой начальникъ графъ Бенкендорфъ, будучи, такъ сказать, заваленъ важнѣйшими государственными дѣлами и обязанностями, не имѣлъ никакой возможности удѣлять свое вниманіе на дѣйствія малѣйшей изъ его канцелярій, тѣмъ болѣе, что

онъ имѣлъ полное довѣріе къ Львову, а частію и ко мнѣ. Львовъ же со своей стороны имѣлъ ко мнѣ уже полную довѣренность и, находя всѣ мои распоряженія (о коихъ я постоянно сообщалъ ему) правильными, оставлялъ меня дѣйствовать по моему соображенію.

Глава тринадцатая.

И такъ, я продолжалъ дѣйствовать, не получая ни отъ кого никакихъ (за рѣдкимъ изъятіемъ) приказаній, руководствуясь отчасти соображеніемъ, а преимущественно прежде бывшими примѣрами, т.-е. ежели, напримѣръ, предвидѣлся какой-нибудь парадъ или ученье, или что-нибудь подобное въ высочайшемъ присутствіи, то я обращался къ заведенному у насъ журналу, въ которомъ пунктуально записывались всѣ распоряженія при подобномъ или подходящемъ случаѣ сдѣланныя, за годъ или даже хотя бы и за нѣсколько лѣтъ тому назадъ, и сообразно тому распоряжался. А распоряженія всегда требовались чрезвычайно многосложныя. Прежде всего нужно было напечатать и разослать отъ имени командующаго императорской главной квартирой (о чемъ Бенкендорфъ и не догадывался) записку съ увѣдомленіемъ всѣхъ лицъ свиту Его Величества составляющихъ, начиная съ Великихъ Князей, военнаго министра и кончая младшимъ флигель-адъютантомъ, о днѣ, часѣ и мѣстѣ имѣющаго быть парада, а также и о надлежащей формѣ; потомъ слѣдовало сообщить на придворную конюшню о заготовленіи верховыхъ лошадей какъ самому Государю, такъ равно и дежурнымъ при Его Величествѣ. Кромѣ того надлежало (ужъ это мнѣ собственноручно) написать столько пригласительныхъ записокъ на Французскомъ языкѣ, сколько у насъ по спискамъ значилось военнаго званія пословъ иностранныхъ, посланниковъ и другихъ лицъ, имѣвшихъ счастіе представляться къ высочайшему двору, сдѣлать распоряженіе о заготовленіи имъ верховыхъ лошадей, отдать приказаніе конвою, трубачамъ, всегда слѣдовавшимъ за Государемъ и проч. и проч. Работа, кажется, не трудная, но крайне заботливая; потому что малѣйшая ошибка или упущеніе первому бросалась въ глаза Государю, что́ и случалось (хотя, слава Богу, не часто) и всегда обрывалось на мнѣ.

Очень помню, что однажды (это было наканунѣ новаго года), по заведенному порядку о доставленіи ежедневныхъ записокъ изъ комендатской канцеляріи въ нашу касательно формы одежды на слѣдующій день, я получаю таковую записку: «На имѣющемъ быть завтра, 1-го Января, публичномъ маскарадѣ въ Зимнемъ дворцѣ, одѣтыми надлежитъ быть въ полной парадной формѣ, гг. генераламъ въ лентахъ, бѣлыхъ панталонахъ и шарфахъ».

При этомъ нужно замѣтить, что, тоже по издавна заведенному порядку, ежегодно 1-го Января назначаемы бывали въ Зимнемъ дворцѣ маскарады, на которые допускалась вся Петербургская публика, безразлично имѣющая или нѣтъ права на пріѣздъ ко двору; обязанностію нашего управленія въ этихъ случаяхъ было назначеніе (для соблюденія порядка въ апартаментахъ дворца, посѣщаемыхъ масками) дежурныхъ по одному генералу, флигель-адъютанту или генералъ-маіору свиты Его Величества въ каждой комнатѣ и, какъ значилось по нашему настольному журналу, дежурные эти бывали въ свитскихъ мундирахъ и ежедневной формѣ. Но такъ какъ въ томъ году, о которомъ идетъ рѣчь, совершилось бракосочетаніе Государя Наслѣдника и при дворѣ было много торжествъ и парадовъ, то мнѣ нисколько не показалось страннымъ это измѣненіе формы, и я, по обыкновенію, не ожидая никакихъ дальнѣйшихъ распоряженій, тиснулъ въ нашей типографіи, какъ водилось, отъ имени графа Бенкендорфа извѣщеніе и безотлагательно разослалъ всѣмъ лицамъ свиты Его Величества. На мою бѣду, въ это самое время военный министръ князь Чернышовъ имѣлъ какое-то неудовольствіе на моего графа и, желая какъ-нибудь насолить сему послѣднему, получивъ въ числѣ прочихъ помянутое увѣдомленіе, повезъ его съ собою къ Государю, и по окончаніи своего обычнаго доклада, весьма наивно доложилъ Его Величеству, что по прежнимъ примѣрамъ на публичныхъ маскарадахъ всегда бывали въ свитскихъ мундирахъ, а нынче Его Величеству угодно, чтобы всѣ были въ полной парадной формѣ.

«Откудова ты это взялъ? Я ничего подобнаго не приказывалъ». Также наивно князь Чернышовъ вынулъ изъ кармана несчастную записку и подалъ ее Государю. — «Скажи Бенкендорфу, что у него въ канцеляріи все врутъ!» возразилъ Государь; а военному министру только того и нужно было.

Не подозрѣвая грозы надъ нашими головами, мы со Львовымъ преспокойно сидимъ въ маломъ кабинетѣ, разбирая и отправляя разныя бумаги, какъ вдругъ является, на клочкѣ бумаги, карандашемъ и взволнованнымъ почеркомъ, записка изъ дворца отъ Бенкендорфа: «Отъ чего дано знать всѣмъ, что на маскарадѣ слѣдуетъ быть въ полной парадной формѣ, вмѣсто обыкновенной? Кто виноватъ? Я непремѣнно хочу знать для доклада Государю.» Не успѣли еще мы со Львовымъ хорошенько выяснить себѣ это обстоятельство, не успѣли одуматься, какъ входитъ самъ графъ въ крайне-взволнованномъ духѣ и непремѣнно требуетъ виновнаго. Я объясняю ему, что ежели тутъ есть ошибка, то она не наша, а коменданта, изложившаго эту форму въ своей запискѣ.

— Какой комендантъ, какая записка?

Послѣ сообщенія моего, что мы ежедневно получаемъ изъ комендантской канцеляріи записки о разводѣ и формѣ дня, которыя намъ служатъ руководствомъ, графъ успокоился и приказалъ мнѣ написать отъ его имени князю Чернышову: «Вслѣдствіе доклада вашего с—ва о сдѣланной якобы ошибкѣ въ моей канцеляріи, Государь Императоръ изволилъ выразить мнѣ свое неудовольствіе, и я почелъ бы себя виновнымъ вполнѣ, ежелибы не имѣлъ о надлежащей формѣ на маскарадѣ сообщенія отъ С.-Петербургскаго коменданта, которое въ подлинникѣ при семъ честь имѣю представить для доклада Его Императорскому Величеству».

Но этому злосчастному дню не суждено было ограничиться однимъ недоразумѣніемъ; вскорѣ воспослѣдовало другое, вящее. Въ этотъ же день назначено было, въ присутствіи Государя, на Царицыномъ лугу, ученіе конногренадерамъ и въ новомъ Адмиралтействѣ закладка корабля, куда Бенкендорфъ, подписавъ бумагу, немедленно и отправился; мы же со Львовымъ остались продолжать наши занятія, изъ коихъ первымъ было, разумѣется, перемѣна извѣщенія о формѣ на маскарадѣ. Въ ожиданіи просмотра корректуры и въ безпокойствѣ знать, все ли обстоитъ благополучно на ученіи конногренадеръ, я пошелъ на Царицынъ лугъ, находящійся по близости. Трубачи на своихъ мѣстахъ, дежурные тоже; ну, слава Богу, все хорошо! И вижу я издали, что Бенкендорфъ, съ горячностію разводя руками, разговариваетъ съ комендантомъ, который руку держитъ подъ козырекъ; не было сомнѣнія, что дѣло у нихъ шло объ утренней ошибкѣ. Ученіе кончилось, всѣ поѣхали на закладку корабля, а я возвратился въ свое управленіе. Не проходитъ десяти минутъ, мнѣ подаютъ конвертъ изъ комендантской канцеляріи съ надписью на верху: *на перемѣну*. Раскрываю и читаю: *На имѣющемъ быть при дворѣ маскарадѣ надлежитъ быть гг. генераламъ въ генеральскихъ мундирахъ, но безъ лентъ и безъ шарфовъ.*

Вотъ тебѣ разъ! Еще варіантъ! Какъ тутъ быть? Чему вѣрить? Но вѣдь я самъ видѣлъ, какъ Бенкендорфъ горячился съ комендантомъ. Поутру, подъ вліяніемъ сильнаго волненія, графъ могъ описаться; но этотъ варіантъ не могъ иначе произойти на свѣтъ, какъ съ общаго ихъ согласія, конечно! Скорѣй печатать третью записку, до выхода второй изъ печати. Отдалъ и сижу опять, дожидаясь корректуры. Вдругъ слышу на лѣстницѣ страшный крикъ и шумъ; внезапно дверь отворяется, и на порогѣ является Бенкендорфъ, что называется уже съ пѣною у рта, и за нимъ нашъ аудиторъ.

«Опять! Опять!» восклицаетъ графъ, съ трудомъ выговаривая слова отъ ажитаціи. «Получена записка отъ коменданта и исполнена?»

«Нѣтъ еще, ваше с—во, записка получена, но еще не исполнена; я ожидалъ вашего приказанія», отвѣчалъ я, смекнувъ, что тутъ опять вранье.

— «Такъ что же ты врешь?» обратился онъ къ несчастному аудитору. «Зачѣмъ вы этого болвана держите?»

Ни живъ, ни мертвъ вышелъ мой Рачковъ (такъ звали аудитора) изъ апартаментовъ его с—ва и долго не могъ утѣшиться. А дѣло вышло очень просто: на закладкѣ корабля графъ, получивъ свѣдѣніе, что комендантъ, не понявшій вѣроятно его приказаній, вторично послалъ намъ ошибочное увѣдомленіе, поторопился скорѣе домой, чтобы остановить его дѣйствіе, на лѣстницѣ встрѣчаетъ шедшаго ко мнѣ съ корректурой Рачкова: «Что́ записка коменданта?» спрашиваетъ онъ второпяхъ.—«Получена и исполнена», отвѣчаетъ аудиторъ, желая показать свое усердіе. Съ того сыръ-боръ и загорѣлся.

Вотъ кое пустое, повидимому, обстоятельство, и какой тревоги надѣлало!

У насъ большею частію все такъ бывало, по той простой причинѣ, что, какъ я выше пояснилъ, всякая малѣйшая ошибка сейчасъ же бывала замѣчена Государемъ; а что́ разъ попадало на замѣчаніе Императора, то переставало быть простымъ обстоятельствомъ, а переходило въ разрядъ серьозныхъ, и даже очень. Въ числѣ прочихъ моихъ обязанностей было назначеніе ежедневныхъ дежурствъ при Государѣ, по одному генералъ-адъютанту, генералъ-майору свиты и флигель-адъютанту, и всякій день съ вечера я посылалъ записки съ ихъ именами прямо въ кабинетъ Его Величества. Можно себѣ представить, съ какимъ тщаніемъ я разсматривалъ эти записки. У меня былъ заведенъ такой порядокъ, что, гдѣ бы я ни былъ, дома ли или въ гостяхъ, всякій вечеръ жандармъ привозилъ ко мнѣ эти записки для повѣрки и потомъ уже отвозилъ ихъ во дворецъ.

Также въ числѣ моихъ аттрибутовъ было назначеніе квартиръ и помѣщеній для всего штаба Его Величества въ Красномъ Селѣ и другихъ мѣстахъ пребыванія Государя во время лѣтнихъ воинскихъ занятій, постановка и уборка высочайшей палатки, а также и палатокъ лицъ, безотлучно при Государѣ находящихся, какъ-то военнаго министра, командующаго императорской главной квартирой, трехъ дежурныхъ и нашей канцеляріи, во время маневръ и проч. Однимъ словомъ, когда Государь выѣзжалъ изъ Петербурга для означенныхъ воинскихъ занятій (что́ бывало иногда на довольно продолжительное время), наше управленіе вступало въ права и обязанности Министерства Двора.

На лѣто, какъ извѣстно, императоръ Николай съ высочайшимъ семействомъ переѣзжалъ въ Петергофъ, и наше управленіе необходимо должно было туда же слѣдовать, оставивъ одну свою часть въ столицѣ, для ежедневнаго наряда дежурствъ, на случай пріѣзда Государя и пересылки ко мнѣ текущей переписки въ Петергофъ; но мы наряда дежурныхъ уже не дѣлали, а съ разу назначали туда на жительство всѣхъ неженатыхъ флигель-адъютантовъ, которые сами между собою вели очередь дежурствъ.

Глава четырнадцатая.

Разскажу одно довольно интересное обстоятельство, которое обойти молчаніемъ я не почитаю возможнымъ.

Въ одинъ прекрасный день Государь, прогуливаясь пѣшкомъ по Петергофскому парку, встрѣтилъ князя В. А. Долгорукова (бывшаго въ то время полковникомъ и флигель-адъютантомъ, въ послѣдствіи же военнымъ министромъ), котораго онъ всегда любилъ и особенно отличалъ отъ всѣхъ его товарищей. Государь позвалъ къ себѣ Долгорукова и, продолжая свою прогулку, завелъ съ нимъ разговоръ довольно обычный, какъ вдругъ:

«А propos», сказалъ Государь. «Я и забылъ! Хорошъ ты мальчикъ: ты у меня людей давишь?» — «Какъ это, Ваше Величество? Я не понимаю», отвѣчалъ изумленный Долгорукій. — «Что ты прикидываешься такимъ невиннымъ? Вѣдь ты былъ вчера въ Петербургѣ?» — «Былъ, Ваше Величество». — «Ну! И проѣзжая въ Московскую заставу, ты переѣхалъ въ колескѣ черезъ какую-то женщину?» — «Никакъ нѣтъ, Ваше Величество, этого не было!» — «Князь Долгорукій!» гнѣвно возразилъ Императоръ. «Вы забываете, что я вранья не люблю!» — «Я не осмѣлился бы докладывать неправду Вашему Величеству». — «Что же вамъ угодно, чтобъ я приказалъ произвести формальное слѣдствіе по этому предмету?» — «Какъ милости прошу, Государь, въ полной надеждѣ, что оно оправдаетъ меня въ глазахъ Вашего Величества». — «Хорошо! Но берегитесь, князь Долгорукій; не было бы вамъ худо!» И, отвернувшись, Государь пошелъ своей дорогой.

Долгорукій съ своей стороны бросился узнавать, откуда вышла на него эта клевета, и получилъ свѣдѣніе, что по издавна заведенному порядку С.-Петербургскій генералъ-губернаторъ или оберъ-полицеймейстеръ ежедневно доставляетъ Государю записки о происшествіяхъ въ столицѣ въ теченіи истекшаго дня и что во вчерашней таковой запискѣ было сказано: *Вчерашняго числа флигель-адъютантъ Вашего Императорскаго Величества полк. князь Долгорукій, выѣзжая въ Московскую заставу, по неосторожности своего кучера, переѣхалъ*

въ коляскѣ черезъ проходившую неизвѣстную женщину. Вслѣдъ за симъ не замедлило послѣдовать высочайшее повелѣніе о назначеніи при С.-Петербургской полиціи формальнаго слѣдствія по этому обстоятельству, и депутатомъ со стороны кн. Долгорукова въ это слѣдствіе былъ назначенъ флигель-адъютантъ полковникъ гр. Кушелевъ. Долгое проволочило время слѣдственная коммиссія до открытія своихъ засѣданій; наконецъ, присутствія ея открылись въ одной изъ городскихъ частей Петербургской полиціи. Предсѣдателемъ коммиссіи (сколько могу припомнить) былъ назначенъ одинъ изъ чиновниковъ полиціи, нѣкто Сенчуковскій. Въ назначенный день засѣданія собрались всѣ члены, а въ томъ числѣ и гр. Кушелевъ; привели кучера кн. Долгорукова (недѣли три уже содержавшагося въ полицейской арестантской), и предсѣдатель, сказавъ приличный спичъ о важности возложенной на нихъ обязанности, обратился къ обвиняемому кучеру.

Предсѣд. Скажи намъ, любезный другъ, ты у кого служишь?

Обвиняемый. У флигель-адъютанта, полковника князя Долгорукова.

Вопросъ. Что̀ твой баринъ въ настоящее время не живетъ въ городѣ здѣсь?

Отвѣтъ. Никакъ нѣтъ.

Вопросъ. Но бываетъ иногда въ Петербургѣ?

Отвѣтъ. Бываетъ.

Вопросъ. Не припомнишь ли ты, когда именно въ послѣдній разъ твой князь былъ въ Петербургѣ?

Отвѣтъ. 1-го Іюля сего года.

Вопросъ. И ты былъ съ нимъ?

Отвѣтъ. Какъ же-съ, я и привозилъ его.

Вопросъ. Теперь постарайся вспомнить: въѣзжая въ Московскую заставу, не случилось ли съ вами чего нибудь? Но говори чистую правду, одну только правду; иначе ты подвергнешь себя всей строгости законовъ.

Отвѣтъ. Какъ же-съ, очень хорошо помню (при этомъ обвиняемый становится на колѣни). Виноватъ, ваше благородіе! Я былъ немножко выпимши и по неосторожности задавилъ какую-то бабу.

«Ты врешь», вскричалъ графъ Кушелевъ, вскакивая съ своего мѣста, «этого быть не можетъ!»

Предсѣд. Извините ваше сіятельство; къ обвиняемому, но еще необвиненному, такъ строго обращаться невозможно: онъ простой мужикъ и передъ вашимъ сіятельствомъ легко сконфузиться можетъ, и тогда мы правды не добьемся.

Гр. Кушелевъ. «Но позвольте, что̀ онъ разсказываетъ несбыточно!» И, обращаясь къ обвиняемому: «Скажи, пожалуста, откуда вы съ княземъ ѣхали?»

Отвѣтъ. Изъ Петергофа.

Вопросъ. Какъ же это? Изъ Петергофа въ какую заставу въѣзжаютъ въ Петербургъ?

Отвѣтъ. Въ Нарвскую.

Вопросъ. А женщина задавлена у Московской, какъ же это могло случиться?

Отвѣтъ. А вотъ извольте, я вашему сіятельству разскажу, какъ это было. Мы съ княземъ, дѣйствительно, ѣхали по Нарвской дорогѣ, а тутъ, верстъ шесть или семь отъ Петербурга, есть дорога на право на деревушку, что̀ называется Вологодская Ямская; не знаю, что князю вздумалось, онъ приказалъ мнѣ свернуть въ этотъ поворотъ; а извѣстно, наше дѣло подначальное, что̀ прикажутъ мы должны исполнить, я и свернулъ, мы и выѣхали на Московскую дорогу и заставу.

Гр. Кушелевъ. Опять неправда! Флигель-адъютантъ Долгорукій въ это самое число былъ записанъ въѣхавшимъ въ Нарвскую, а не въ Московскую заставу. (Въ то время у заставъ стояли гвардейскіе караулы и записывали всѣхъ пріѣзжающихъ въ городъ и выѣзжающихъ).

Отвѣтъ. А вотъ изволите видѣть, какъ это случилось: когда я переѣхалъ черезъ бабу, я ужъ больно испужался, и второпяхъ вкруть повернулъ лошадей по обводному каналу, да въ Нарвскую заставу и въѣхалъ, гдѣ насъ и прописали.

Какъ Кушелевъ ни бился, не допуская мысли, чтобы князь Долгорукій могъ сказать Государю неправду, какъ ни вертѣлъ кучера, тотъ стоитъ на своемъ, да и только!

Наконецъ, разбирательство окончено, и Государю идетъ докладъ: «Вслѣдствіе высочайшаго повелѣнія Вашего Императорскаго Величества, составленною коммиссіею было разсматриваемо дѣло о задавленной 1-го Іюля сего года близъ Московской заставѣ женщинѣ, и нынѣ, по окончаніи своихъ занятій, означенная коммиссія имѣетъ счастіе донести Вашему Императорскому Величеству, что, по тщательному и всѣхстороннему разсмотрѣнію помянутаго обстоятельства, оказалось, что означенная женщина дѣйствительно была задавлена экипажемъ флигель-адъютанта князя Долгорукаго».

Легко себѣ представить можно неудовольствіе и гнѣвъ Государя при полученіи этого извѣстія! Немедленно былъ призванъ Долгорукій.

— «Знаете ли вы, князь Долгорукій», встрѣтилъ его Императоръ, что за такія дѣла вензеля могутъ слетѣть съ вашихъ эполетъ? Да и самыя эполеты могутъ послѣдовать за вензелями?»

— «Ничего въ этомъ дѣлѣ не понимаю», отвѣчалъ убитый обвиняемый; «но только смѣю увѣрить Ваше Императорское Величество, какъ честный и благородный человѣкъ, что ничего подобнаго со мной не было!» — «Такъ что же, второе слѣдствіе прикажете что ли назначить?»—«Какъ угодно Вашему Величеству; только я повторяю и клянусь всѣми святыми, что ничего подобнаго со мной не было!»

По высочайшему повелѣнію было назначено второе слѣдствіе!!.

Предсѣдателемъ второй слѣдственной коммиссіи былъ назначенъ начальникъ штаба корпуса жандармовъ, управляющій 3-мъ Отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи генералъ-маіоръ Дубельтъ. По обязанности своей онъ долженъ былъ, какъ говорится, изъ подъ руки, слѣдить за дѣйствіями всѣхъ присутственныхъ мѣстъ; настоящее же дѣло въ особенности его интересовало, тѣмъ болѣе, что онъ положительно зналъ, что въ первомъ слѣдствіи не все обстояло благополучно, что въ немъ происходили какія-то темныя дѣйствія, какъ напримѣръ у С.-Петербургскаго оберъ-полицеймейстера, по ночамъ, собирались полицейскіе члены первой коммиссіи; туда же привозили секретарей Сената съ разными книгами и бумагами, и между ними происходили долгія совѣщанія, цѣль коихъ Дубельтъ окончательно не могъ постигнуть, не прибѣгая къ явнымъ распросамъ, на что онъ не имѣлъ никакого права. Нынѣ же, съ полученіемъ назначенія предсѣдателемъ коммиссіи, онъ пріобрѣталъ это право.

Первымъ его дѣломъ было потребовать все дѣлопроизводство первой слѣдственной коммиссіи. Ему отвѣчали, что, на основаніи такой-то статьи Свода Законовъ, дѣло это уже сдано въ архивъ Сената. Вотъ что называется: первый блинъ, да комомъ!

Но по испрошеніи на то высочайшаго разрѣшенія, приказано было, перешагнувъ черезъ указуемую статью Свода Законовъ, все слѣдственное производство по обвиненію флигель-адъютанта князя Долгорукова въ задавленіи женщины изъ архива Сената вновь извлечь на свѣтъ Божій и въ цѣлости передать г. м. Дубельту. Тогда только предсѣдатель новой коммиссіи могъ усмотрѣть и подивиться тому старанію и той настойчивости, съ которыми полицейское управленіе стремилось, во что бы ни стало, доказать, что несчастную женщину никто не могъ задавить, кромѣ ф.-адъютанта князя Долгорукова.

Что за причина? думаетъ Леонтій Васильевичъ; ужъ не месть ли какая? Но какъ допустить мысль о мести между лицами, не имѣю-

щими между собою никогда и никакихъ отношеній? Ужъ не простая ли, быть можетъ, невольная ошибка со стороны полиціи, въ которой она упорствуетъ изъ боязни заслуженнаго взысканія? Попавъ на эту мысль, Дубельтъ начинаетъ собирать справки о всѣхъ кн. Долгорукихъ, находящихся въ Петербургѣ, и узнаётъ между прочимъ, что въ Царскосельскомъ Лицеѣ есть воспитанникъ князь Долгорукій, который, будучи родственникомъ графу Шереметеву, проводитъ у него всѣ праздничные отпуски. Дѣло было объ Рождествѣ Христовѣ, время тоже праздничное. Дубельтъ посылаетъ въ домъ графа Шереметева узнать, не тутъ ли воспитанникъ князь Долгорукій и ежели тутъ, попросить его къ себѣ. Молодой человѣкъ не замедлилъ прибытіемъ. Леонтій Васильевичъ, со свойственною ему добротою и лаской, принимаетъ лицеиста, сажаетъ его въ своемъ кабинетѣ и вступаетъ въ разговоръ: «Скажите, князь, вы, кажется, воспитываетесь въ Царскосельскомъ Лицеѣ?»—Да-съ!—«Часто бываете въ Петербургѣ?»—Три раза въ годъ: на Рождествѣ, на Пасхѣ и на каникулахъ. «Когда были здѣсь въ послѣдній разъ передъ этимъ?»—На каникулахъ, я пріѣхалъ сюда въ день нашего роспуска, 1-го Іюля.—«Не припомните ли вы, не случилось ли съ вами въ то время чего нибудь?» Какъ же съ очень хорошо помню, что кучеръ графа Шереметева, который меня везъ, имѣлъ неосторожность наѣхать на какую-то женщину.—«Помилуйте!» вскричалъ Дубельтъ, вскакивая со стула,«какъ же вы молчали? Знаете ли, какая изъ этого вышла у насъ исторія?»—Я никогда не думалъ скрывать этого происшествія; но меня никто не спрашивалъ, и я не полагалъ своею обязанностію разглашать его безъ причины.

Ну вотъ! Кажется, слава Богу, истинна открыта, и дѣло кончено.

Ничуть не бывало! Дѣло продолжается или, лучше, сказать начинается законнымъ порядкомъ: кучеръ Шереметева арестованъ, и слѣдственная коммиссія открываетъ свои засѣданія въ апартаментахъ 3-го отдѣленія. (Не припомню хорошенько состава этой новой коммиссіи, но знаю, что отъ полицейскаго управленія участвовалъ въ ней одинъ только членъ въ видѣ депутата, и членъ этотъ былъ никто другой, какъ г. Сенчуковскій, предсѣдательствовавшій на первомъ слѣдствіи).

«Господа!» обратился Дубельтъ къ своимъ сотрудникамъ, предъ началомъ засѣданія. «Вамъ небезызвѣстна вся важность возложенной на насъ обязанности; изъ одного того факта, что по происшествію, въ сущности весьма ничтожному, по высочайшему повелѣнію, нынѣ открывается вторая слѣдственная коммиссія, вы уразумѣть можете, на сколько Его Величеству угодно знать сущую правду по этому дѣлу; а потому и обращаюсь къ вамъ, господа, въ полной увѣренности, что

вы употребите все ваше стараніе, дабы общими нашими силами открыть и выяснить искомую правду, хотя бы и въ ущербъ нѣкоторымъ формальностямъ».

«Извините ваше превосходительство, вставая отозвался г. Сенчуковскій, «моя обязанность здѣсь, какъ депутата отъ С.-Петербургской полиціи, состоитъ въ томъ, чтобы защищать честь С.-Петербургской полиціи.»

— «Извините и вы, въ свою очередь, ежели я позволю себѣ замѣтить», отвѣчаетъ Дубельтъ, «что честь С.-Петербургской полиціи не имѣетъ здѣсь никакого мѣста, точно также, какъ и вы сами, вступающіе въ среду нашу съ подобными, предвзятыми убѣжденіями; а потому прошу васъ лишить насъ удовольствія видѣть васъ между нами, будучи вполнѣ увѣренъ, что полицейское управленіе не затруднится назначить вамъ преемника».

За симъ засѣданіе объявляется открытымъ, и вводится кучеръ флигель-адъютанта князя Долгорукова, который, при первомъ обращенномъ къ нему вопросѣ, становится на колѣна и начинаетъ свое повѣствованіе слово въ слово подобное тому, которое мы уже знаемъ.

Выслушавъ до конца искусный разсказъ самообвиняющагося, предсѣдатель отдаетъ приказаніе привести другаго кучера (графа Шереметева), содержащагося въ арестантской 3-го отдѣленія. Арестантъ введенъ, и начинается допросъ (въ присутствіи перваго кучера).

Предсѣдатель. Какъ тебя зовутъ и у кого ты служишь? (Прошу замѣтить, что описаніе мое относится къ давнопрошедшему времени; нынче съ кучеромъ не иначе стали бы говорить, какъ на *вы*).

Отвѣтъ. Зовутъ меня Агаѳономъ, а служу у гр. Шереметева.

Вопросъ. Ѣзжалъ ли ты когда въ Царское Село, ежели ѣзжалъ, то когда былъ тамъ въ послѣдній разъ и зачѣмъ?

Отвѣтъ. Ѣзжалъ, былъ тамъ въ послѣдній разъ нынѣ лѣтомъ, за воспитанникомъ Лицея княземъ Долгоруковымъ.

Вопросъ. Когда именно, т.-е. не припомнишь ли какого мѣсяца и числа ты возвращался съ княземъ Долгорукимъ въ Петербургъ?

Отвѣтъ. Кажись, это было 1-го Іюля.

Вопросъ. Хорошо! Ну скажи же теперь: не случилось ли съ вами чего-нибудь, когда вы въѣзжали въ заставу? При этомъ вопросѣ, Агаѳонъ становится на колѣна,—а Трифонъ (кучеръ князя В. А. Долгорукова) вытаращиваетъ на него глаза.

Отвѣтъ. Виноватъ, ваше сіятельство, смялъ лошадьми какую-то женщину; ужъ я ей кричалъ «берегись, берегись!» Нѣтъ-таки окаянная, таки попала подъ лошадей!

Вопросъ. И что же, тебя никто тогда не остановилъ?

Отвѣтъ. Никакъ нѣтъ-съ; бросился было какой-то полицейскій, да я ударилъ по лошадямъ и ускакалъ домой.

Предсѣдатель (обращаясь къ обоимъ кучерамъ). Ну, какъ же это, ребята, задавлена женщина одна, а охотниковъ на нее является двое?

Въ недоумѣніи переглянулись кучера другъ на дружку; наконецъ: была не была! махнувъ рукой, возглашаетъ Трифонъ отчаяннымъ голосомъ и, обращаясь къ предсѣдателю: «Извольте, ваше превосходительство, я вамъ таперича разскажу, отчего я женщину-то задавилъ!»

Предсѣдатель. Ну разскажи!

Трифонъ. Позвольте мнѣ армякъ снять?

Предсѣдатель. Это для чего? Ну сними!

Трифонъ (скидая армякъ и засучивая рукава рубашки). Вотъ отчего я женщину-то задавилъ,говоритъ онъ, указывая на рубцы на рукахъ.

Предсѣдатель. Что это такое?

Трифонъ. «А больше ничего, какъ-то, что въ полиціи мнѣ веревками крутили назадъ руки и насильно заставляли заучить ту сказку, которую я вамъ разсказывалъ, завѣряя при томъ, что ежели на судѣ я ее выдержу, то мнѣ будетъ вольная и тысячу рублей награды, ежели же я проболтаюсь, то мнѣ не миновать Сибири и каторжной работы».—Легко можно себѣ представить всеобщее изумленіе, при подобномъ заявленіи!

Дубельтъ тотчасъ же послалъ пригласить ближайшаго доктора для освидѣтельствованія рубцовъ на рукахъ Трифона. Явился молодой человѣкъ, оказавшійся частнымъ полицейскимъ врачемъ.

Предсѣдатель. Потрудитесь осмотрѣть руки этого человѣка и объяснить намъ предполагаемую причину этихъ рубцовъ.

Врачъ внимательно осмотрѣлъ одну руку; потомъ, не говоря ни слова, началъ тереть ее обшлагомъ своего платья. Всѣ на него смотрѣли въ ожиданіи, что̀ изъ этого выйдетъ? Наконецъ, повторивъ нѣсколько разъ этотъ маневръ, полицейскій врачъ обратился къ предсѣдателю: «Извольте видѣть, ваше превосходительство; моя наука указываетъ мнѣ, что предстоящіе рубцы суть, дѣйствительно, слѣдствіе истязанія веревками, но вмѣстѣ съ тѣмъ она же (наука!) убѣждаетъ меня въ томъ, что истязаніе это не могло быть произведено во время содержанія кучера Трофима въ арестантской при полиціи (нужно при этомъ замѣтить, что, вмѣстѣ съ назначеніемъ втораго слѣдствія, кучеръ Трифонъ былъ переведенъ изъ полицейскаго управленія въ жандармское) по той простой причинѣ, что язвы эти, будучи произведены въ дальномъ, прошедшемъ времени, долженствовали бы представляться глазамъ нашимъ въ желтомъ и синемъ видѣ, эти же, какъ усмотрѣть

изволите, совершенно красныя, т.-е. свѣжія».—И съ этимъ словомъ ученый врачъ хватаетъ другую руку паціента съ вѣроятнымъ намѣреніемъ повторить на ней туже игру; но Дубельтъ не даетъ ему на то времени и, останавливая его руку: «Прекрасно!» говоритъ предсѣдатель; «ваша наука и ваши познанія дѣлаютъ вамъ честь; потому что, какъ вы заявили, г. докторъ, такъ оно и есть: на лѣвой рукѣ рубцы покраснѣли отъ того, что вы ихъ натерли сукномъ; на правой же они совершенно сходны съ вашимъ описаніемъ».

На этомъ слѣдствіе и кончилось, секретъ открытъ, и затѣмъ всѣ языки развязались, и очень легко было дознать въ подробности всю суть дѣла; а дѣло само по себѣ, какъ говорится, выѣденнаго яйца не стоило. Вотъ какъ оно совершилось. Я выше сказалъ, что въ тѣ блаженныя времена, у заставъ стояли караулы, которые прописывали проѣзжающихъ; кромѣ того, при тѣхъ же заставахъ находилось по одному мелкому полицейскому чиновнику съ однимъ городовымъ служителемъ, якобы для провѣрки паспортовъ пѣшеходныхъ путешествующихъ. Грѣшный человѣкъ! Я всегда думалъ и даже теперь не перестаю думать, что чиновники эти помѣщались или назначались туда, милостивымъ ихъ начальствомъ, для поправленія ихъ семейныхъ финансовыхъ обстоятельствъ, потому что, вмѣсто провѣрки паспортовъ, тамъ часто происходилъ просто грабежъ.

Вотъ къ такому то чиновнику, 1-го Іюля, прибѣгаетъ отъ шлагбаума городовой съ докладомъ, что сію минуту какая-то коляска задавила женщину; чиновникъ стремглавъ выскакиваетъ на улицу, и мимо его носа мчится зеленая коляска, запряженная четверкою врядъ, гнѣдыхъ съ сѣрыми; онъ летитъ къ заставѣ: кто записался? Князь Долгорукій! Какой это Долгорукій? думаетъ чиновникъ; ахъ, да, знаю! Онъ живетъ на Морской улицѣ; однако, надо удостовѣриться!—Беретъ извощика (разумѣется даромъ; еще-бы! по дѣламъ службы), отправляется на Морскую, входитъ на дворъ,—стоитъ запряженная зеленая коляска и водятъ четверку потныхъ лошадей, гнѣдыхъ съ сѣрыми.

— Чья коляска? спрашиваетъ онъ кучера.

— Флигель-адъютанта князя Долгорукова! (который въ этотъ же моментъ проѣзжалъ изъ Петергофа чрезъ Нарвскую заставу). Чегоже еще? Какъ тутъ сомнѣваться? Чиновникъ о происшествіи доноситъ частному приставу, частный оберъ-полицеймейстеру, оберъ-полицеймейстеръ—Государю, и пошла писать! Сознаться же, что полиція ошиблась? Какъ же это можно? Скорѣе умереть.

Вотъ дѣла минувшихъ дней, преданіе старины (хотя и неглубокой) о похвальныхъ дѣйствіяхъ охранителей порядка и общественнаго спокойствія того времени.

Но что́ все болѣе огорчило меня въ этой исторіи, такъ это то, что болѣе всѣхъ пострадалъ отъ нея злосчастный полицейскій чиновникъ, стоявшій при заставѣ (Горчуновскій), который изъ 12-го класса былъ разжалованъ въ рядовые. Я бы кажется (ежели бы мнѣ поручили произнесть приговоръ) поискалъ и, можетъ-быть, нашелъ бы лицъ болѣе виновныхъ чѣмъ Горчуновскій.

Глава пятнадцатая.

Ежели бы мнѣ вздумалось описывать всѣ извѣстныя мнѣ доскональныя дѣла или дѣйствія, характеризующія тогдашнее полицейское управленіе, у меня, кажется, не хватило бы ни чернилъ, ни бумаги, а тѣмъ паче терпѣнія; а потому я воздержусь и разскажу только два маленькихъ происшествія, случившіяся съ людьми весьма мнѣ близкими.

У одного моего родственника (холостаго, молодаго человѣка) украли съ квартиры четыре серебряныя ложки; онъ подалъ заявленіе въ полицію. По прошествіи нѣкотораго времени является къ нему полицейскій чиновникъ съ сообщеніемъ, что ложки его найдены, и воръ задержанъ; нужно бы было только (буде возможно) представить для сличенія подобную же ложку.—«Очень возможно», отвѣчаетъ мой родственникъ, «у меня ихъ осталось еще двѣ».—«Пожалуйте ихъ мнѣ»!—И съ тѣхъ поръ, молодой человѣкъ записалъ въ расходѣ не четыре ложки, а полдюжины.

А вотъ еще забавный случай. Братъ жены моей И. Ѳ. Львовъ, будучи полковникомъ л.-гв. Павловскаго полка, занималъ съ женою своею квартиру, въ нижнемъ этажѣ казармъ полка (что́ на Царицыномъ лугу). Однажды поутру Львовъ куда-то отлучился. Жена его слышитъ изъ сосѣдней комнаты сильный стукъ и бряцанье разбитыхъ стеколъ; въ испугѣ вбѣгаетъ она въ гостинную и застаетъ тамъ непрошеннаго гостя, въ тотъ моментъ, какъ онъ, съ бронзовыми часами въ рукахъ, выскакиваетъ на улицу въ окно, разбитое въ дребезги. На крикъ ея сбѣгаются люди, но уже поздно: мошенника и слѣдъ простылъ! Слухъ объ этомъ происшествіи, какъ, дѣйствительно, выходящемъ изъ ряда обыкновенныхъ, разнесся по городу и какъ-то дошелъ до Государя. Оберъ-полицеймейстеръ, генералъ-адъютантъ К....ъ былъ призванъ къ Его Величеству и послѣ сильной головомойки получилъ приказаніе непремѣнно разыскать это дерзкое воровство. Высочайшее повелѣніе, какъ всѣмъ извѣстно, не можетъ остаться неисполненнымъ, а потому, недѣли черезъ двѣ, полковникъ Львовъ получаетъ приглашеніе пожаловать въ такую-то часть С.-Петерб. полиціи для полученія покраденыхъ у него часовъ. Львовъ отправляется, и ему показываютъ висячіе на стѣнѣ деревянные часы съ выкрашен-

нымъ въ бѣлую краску циферблатомъ, украшеннымъ розовыми цвѣточками. Извольте получить ваши часы!

— «Помилуйте! Это совсѣмъ не мои; мои были бронзовыя, столовыя».

— «Никакъ нѣтъ-съ, вы изволите ошибаться; намъ самъ воръ сознался, что эти самые часы онъ укралъ у васъ.

И въ тоже время доложено Государю: «Вслѣдствіе высочайшаго повелѣнія Вашего Императорскаго Величества, покраденныя у л.-гв. Павловскаго палка полковника Львова часы С.-Петербургскою полиціею нынѣ отысканы и возвращены по принадлежности».

Не правдали, ловко придумано?

Двѣнадцать лѣтъ моей службы провелъ я на мною же самимъ созданной должности старшаго адъютанта управленія дѣлами императорской главной квартиры и собственнаго Его Императорскаго Величества конвоя. Много, какъ говорится, протекло воды подъ мостомъ въ продолженіи этого времени. Нечего сказать, хлопотливая, и не по годамъ моимъ отвѣтственная лежала на мнѣ обязанность. Черезъ многія обстоятельства мнѣ приходилось переходить и хорошія, и крайне-трудныя; но я никогда не ропталъ и не жаловался, потому что съ другой стороны служба моя давала мнѣ возможность быть болѣе или менѣе полезнымъ всѣмъ сателитамъ нашего земнаго солнца (я выше сказалъ, что всѣ дѣла и нужды лицъ свиту Его Величества составляющихъ неминуемо проходили черезъ руки нашего управленія) и тѣмъ самымъ ставила меня въ прекрасныя отношенія къ особамъ, стоявшимъ во главѣ нашей администраціи. Я помню, что годъ болѣзни и кончины Великой Княгини Александры Николаевны былъ для меня особенно несчастливъ, вслѣдствіе измѣненія всѣхъ заведенныхъ у насъ порядковъ, лишавшаго меня возможности дѣйствовать и распоряжаться *по прежнимъ примѣрамъ*. Обыкновенно, раннею весною, высочайшее семейство переѣзжало на жительство въ Царское Село до наступленія лѣта; съ начала же лѣта Петергофъ становился ихъ мѣстомъ пребыванія, и оттуда Государь посѣщалъ лагерь подъ Краснымъ Селомъ, ученія войскъ, маневры и проч. Въ этотъ же злополучный годъ, удрученный семейнымъ горемъ Государь не покидалъ Царскаго Села, и парадныя зори въ лагерѣ и ученія происходили безъ высочайшаго присутствія. На бѣду, графъ Бенкендорфъ находился по болѣзни за границей, и должность его временно исправлялъ графъ А. Ѳ. Орловъ, жившій на своей Стрѣльнинской дачѣ; я же съ своею канцеляріею, по необходимости, оставался въ безлюдномъ Петербургѣ, безъ всякихъ свѣдѣній о происходившемъ.

Въ одинъ прекрасный день, случайно попадаетъ мнѣ въ руки приказъ по войскамъ гвардейскаго корпуса, въ которомъ сказано,

что послѣ завтра, такого-то числа, Государь Императоръ изволитъ объѣзжать лагерь подъ Краснымъ Селомъ. Боже мой! А у насъ никакихъ распоряженій не сдѣлано! Какъ громомъ ошеломленный, вскакиваю со стула, скорѣй лошадей, коляску, и лечу въ Стрѣльну къ графу Орлову.

«Здравствуй, мой архангелъ, что скажешь хорошенькаго?» удрученный жарой, въ легкомъ халатѣ, встрѣчаетъ меня мой принципалъ.

— «Ваше сіятельство, послѣ завтра Государь объѣзжаетъ лагерь въ Красномъ Селѣ!»

«Въ самомъ дѣлѣ? Ну съ чѣмъ тебя и поздравляю».

— «Но, в. с-во, вѣдь по этому случаю намъ нужно сдѣлать много распоряженій, какъ-то нарядить туда дежурныхъ, сообщить всей свитѣ о сборѣ въ Красное Село, сообщить на главную конюшню о заготовленіи лошадей кому слѣдуетъ и проч. и проч.»

«Это для чего? Ровно ничего не нужно; я вчера видѣлъ Государя, и онъ мнѣ ничего не сказалъ. Пусть же онъ знаетъ, что я не святой духъ: угадывать его мысли не могу!»

— «Но, в. с-во, этого никогда не бывало, чтобы Государь находился въ лагерѣ безъ дежурныхъ и свиты».

«Ну, дежурныхъ, пожалуй, назначь, а свиты отнюдь не надо; пусть въ другой разъ, ежели захочетъ, самъ прикажетъ. А ты самъ туда поѣдешь?»

— «Какъ же, в. с-во, завтра-же».

«Ну, пожалуй, только смотри, не показывайся на глаза Государю, а то онъ догадается, что мы знали о его пріѣздѣ; а этого никакъ не слѣдуетъ».

Съ непривычки не варило мое сердце такой безпечности и хладнокровія (которыхъ я никогда не видалъ въ Бенкендорфѣ). Еще приказалъ онъ мнѣ, послѣ объѣзда, прислать къ нему въ Стрѣльну фельдъегеря съ извѣщеніемъ «*что у васъ тамъ будетъ?*»

Какъ ни противны были моимъ понятіямъ такого рода распоряженія, но я находился въ необходимости исполнить приказанія моего непосредственнаго начальника.

На другой день я, какъ бы изподтишка, переправился въ Красносельскій придворный флигель, въ которомъ я обыкновенно помѣщался съ моею канцеляріею и гдѣ также было помѣщеніе для командующаго главной квартирой. Въ тотъ же вечеръ, глядь, катитъ императорская коляска и останавливается передъ нашимъ флигелемъ.

«Орловъ!» слышится зычный голосъ Государя. Я спрятался и выслалъ камеръ-лакея доложить, что графъ Орловъ не пріѣзжалъ. Государь проѣхалъ въ свою палатку въ лагерѣ. Покончивъ мои за-

нятія, я расположился спать, какъ въ 4 часа утра меня будятъ съ извѣстіемъ, что графъ Орловъ пріѣхалъ; встаю, одѣваюсь, иду къ графу и узнаю, что Государь,не ожидая моего фельдъегеря въ Стрѣльну съ извѣщеніемъ *что у насъ тутъ будетъ*, послалъ туда своего, и какъ кажется, съ записочкой не совсѣмъ любезнаго содержанія, вслѣдствіе чего, не смотря на удушливую жару Іюльской ночи, графъ Орловъ принужденъ былъ, покинувъ свое мягкое ложе, скакать въ Красное Село. Избравъ на другой день приличный къ тому часъ, графъ Орловъ поѣхалъ въ лагерь къ Государю, откуда не замедлилъ возвратиться съ лицомъ (какъ мнѣ по крайней мѣрѣ показалось) нѣсколько вытянувшимся.

«Знаешь?» имѣлъ онъ наивность обратиться ко мнѣ. «Государь очень прогнѣвался, что не нашелъ здѣсь никого и изволилъ выразиться, что мнѣ это простительно, по новости дѣла; а тебѣ, такъ давно занимающему твою должность, нѣтъ!»

— «Помилуйте, в. с-во, да не я ли докладывалъ вамъ о необходимости всѣхъ этихъ распоряженій?»

«Ничего, ничего, мой другъ! Ты не огорчайся; я постараюсь оправдать тебя въ глазахъ Государя!»

Вотъ тебѣ бабушка и Юрьевъ день! подумалъ я. Вотъ и grand seigneur, намѣревающійся давать уроки Императору какъ ему дѣйствовать. Послѣ труднаго дня маневръ въ Іюлѣ мѣсяцѣ и въ началѣ вступленія Орлова въ должность командующаго главной квартирой, раскиснувшій отъ непомѣрной жары и до нельзя утомленный отъ двѣнадцатичасовой верховой ѣзды, графъ Орловъ вмѣстѣ со всѣми (или вѣрнѣе сказать прежде всѣхъ) не слѣзъ, а свалился съ лошади, растянулся во всю свою длину въ тѣни перваго попавшагося кусточка, извергая самыя энергичныя ругательства. Я же, получивъ лично приказаніе Его Величества о мѣстѣ, на которомъ должна была быть раскинута его палатка, совался во всѣ стороны, отыскивая графа Орлова для передачи ему означеннаго приказанія и, наконецъ, нахожу его въ описанномъ мною положеніи.

«Ваше с-во, Государь изволилъ приказать поставить свою палатку вотъ здѣсь, недалеко, на правомъ флангѣ бивуака Преображенскаго полка»—«Съ чѣмъ тебя и поздравляю! (это была его обычная поговорка).—«В. с-во, не угодноли присутствовать при исполненіи этого приказанія? Покойный графъ Бенкендорфъ никогда и никому не довѣрялъ постановку палатки Государя, всегда самъ распоряжался». —«Покорно благодарю! Нѣтъ братъ, я свои руки и ноги не въ дровахъ нашелъ, чтобы такъ легко ими жертвовать».

Въ этотъ самый моментъ вдругъ раздался знакомый, неподражаемый голосъ: «Орловъ!», и мой тучный вельможа, позабывъ и жару, и усталость, какъ заяцъ, выскочившій изъ-подъ куста, рысью побѣжалъ на призывающій его голосъ.

Впрочемъ я обращаюсь все на моего патрона не потому, чтобы онъ изображалъ собою исключеніе изъ общаго правила, а именно потому, что, какъ онъ былъ моимъ патрономъ, то всѣ его дѣла и дѣйствія были мнѣ ближе извѣстны; говоря же откровенно, не могу не сознаться, что ежели не всѣ, то по крайней мѣрѣ большая часть изъ окружающихъ Государя (не насъ грѣшныхъ, а именно вельможъ) льстиво восхищаясь, въ присутствіи Императора, прекрасными движеніями войскъ, за глазами позволяли себѣ, не скрываясь и въ слухъ, роптать на неутомимость Его Величества при производствѣ маневръ, ученій и пр.

Въ другой разъ, во время весьма продолжительныхъ маневровъ, длившихся болѣе двухъ недѣль, мы (главная квартира) стояли лагеремъ подъ Ропшей. Наступило Воскресенье, и войскамъ данъ былъ отдыхъ на цѣлые сутки; всѣ почти разъѣхались по домамъ на это время, я же остался въ лагерѣ и, пользуясь свободой, отправился на охоту, что̀ дало мнѣ возможность отчасти ознакомиться съ окружающею мѣстностію. На другой же день всѣ вновь собрались, и маневры возобновились. По ходу ихъ, противоположная нашей сторона должна была дѣйствовать наступательно, и намъ слѣдовало ретироваться; а потому съ вечера было отдано приказаніе: въ 5 часовъ утра нашему лагерю сниматься и утекать. Наступилъ назначенный часъ. Государь со всей свитой сѣли на лошадей и отправились къ начавшимся уже дѣйствіямъ; я тоже было съ ними поѣхалъ, но, замѣтивъ отсутствіе графа Орлова, возвратился. Я подъѣхалъ къ нашему лагерю и увидалъ, что палатка Государя уже убрана и прочія снимаются; палатка же графа Орлова одна красуется въ полной своей неприкосновенности; вхожу и застаю графа въ халатѣ и туфляхъ распивающимъ кофе. «А здравствуй, любезнѣйшій; садись-ка, напейся кофею, это вѣрнѣе будетъ!»—«Но, в. с-во, Государь уже уѣхалъ».—«Ничего догонимъ!» Я сѣлъ и выпилъ чашку. «Непора ли, в. с-во?»—«Экъ тебѣ не терпится! Успѣешь еще брюхо-то натрясти, день-то дологъ!»

Наконецъ, поѣхали. Но куда ѣхать? Со всѣхъ сторонъ гремитъ страшная кононада; на удачу отправились направо, всѣхъ встрѣчныхъ спрашиваемъ, не видали-ли Государя?—«Нѣтъ не видали!» Значитъ, онъ на лѣвомъ флангѣ. Поворотили налѣво, ѣхали, ѣхали, тоже неудача! Становится жарко, мой вельможа явно раскисаетъ.—«Нѣтъ, братъ, какъ ты хочешь, а мнѣ надо отдохнуть,» говоритъ графъ Орловъ, слѣзая съ лошади и усаживаясь на большой камень въ чистомъ полѣ.

— «Позвольте, ваше с—во, я съѣзжу; тутъ недалеко, я знаю, есть горка довольно высокая; съ нея, вѣроятно, мнѣ будетъ видно Государя со свитой, и тогда я васъ туда провожу».— «Пожалуста!»

Въ это время, смотримъ, несется во весь духъ ген.-ад. графъ Адлербергъ.

— «Владимиръ Ѳедоровичъ, Владимиръ Ѳедоровичъ! Погоди, куда ты?» кричитъ ему Орловъ.

— «Некогда, некогда», отвѣчаетъ гр. Адлербергъ. «Не знаете ли гдѣ Государь?—«Какъ же!» съ усмѣшкой кричитъ ему Орловъ, «поищи братъ, поищи, авось къ вечеру найдешь!»

Наконецъ (такъ какъ всему бываетъ конецъ), мы сѣли на лошадей и отправились въ дальнѣйшій путь; но на этотъ разъ, высмотрѣвъ съ горы всю мѣстность, я провелъ графа прямо на Государя, котораго мы застали углубленнымъ въ дѣйствія войскъ и въ прекрасномъ расположеніи духа.—«Не правда ли, какъ хорошо?» обратился онъ къ подъѣхавшему графу Орлову. — «Чудо, Ваше Величество!»...

И такимъ образомъ, добрѣйшій Николай Павловичъ оставался въ полномъ убѣжденіи, что всѣ его окружающіе также наслаждаются маневрами, какъ и онъ самъ.

Помню, что точно также военный министръ князь Чернышовъ, утомленный, измученный, едва держащійся на сѣдлѣ, стоялъ поодаль, когда свѣжій и съ улыбающимся лицомъ подъѣхалъ къ нему Государь:—«Comment trouvez-vous ça?» обратился онъ къ министру, указывая на какую-то атаку. У того моментально измѣнилось выраженіе, не только лица, но и всей фигуры, явилась улыбка на устахъ и pince-nez на носу.—«C'est magnifique, Sire!» А чего magnifique: у него, я думаю, рябило въ глазахъ, и онъ ровно ничего не видѣлъ.

Глава шестнадцатая.

Придворная роскошь, сопровождавшая насъ на маневрахъ, превосходила всякое воображеніе; за нами (разумѣется на благородной дистанціи) всегда слѣдовалъ придворный обозъ, цѣлый рядъ фургоновъ съ прохладительными и горячительными напитками, всякаго рода закусками и, наконецъ, съ самой кухней, въ которой на походѣ готовилось кушанье, такъ что, по прибытіи на стоянку, по прошествіи какихъ-нибудь полчаса, на открытомъ воздухѣ уже красовался накрытый столъ на 60 и болѣе кувертовъ, и намъ подавали обѣдъ.

Однажды графъ Орловъ, выходя изъ палатки Государя, говоритъ мнѣ:—«Его Величеству желательно бы было сегодня за нашимъ сто-

домъ угостить всѣхъ офицеровъ Преображенскаго полка; можемъ ли мы это сдѣлать?» Я призвалъ нашего ментрдотеля и передалъ ему на разрѣшеніе этотъ вопросъ.—«Ежели у насъ хватитъ приборовъ, и вы мнѣ дадите лишнихъ полчаса, то все будетъ готово», отвѣчаетъ мнѣ m-r Imbert. И дѣйствительно, черезъ часъ мы сѣли обѣдать съ шестьюдесятью неожиданными гостями.

Не разъ, въ продолженіе моей службы, приходилось мнѣ грустно призадумываться надъ дѣйствіями самыхъ приближенныхъ къ Государю лицъ: неужели они настолько боялись гнѣва или неудовольствія Его Величества, что готовы были на самое малодушное дѣйствіе для отвращенія его гнѣва отъ своей личности, тогда какъ мнѣ самому неоднократно доводилось восторгаться подвигами великодушія и справедливости незабвеннаго Императора! Приведу, для подтвержденія моихъ убѣжденій, одинъ примѣръ, на моихъ глазахъ бывшій.

Дѣло происходило на военномъ полѣ, близъ Краснаго Села. Государь присутствовалъ при маневрѣ гв. корпуса противу предполагаемаго непріятеля; планъ маневра, заблаговременно составленный, былъ сообщенъ всѣмъ начальникамъ отдѣльныхъ частей, и все шло какъ по маслу. Въ извѣстный моментъ Государь подзываетъ къ себѣ флигель-адъютанта кн. Р...а и отдаетъ ему, приблизительно, такое приказаніе: «Поѣзжай къ командующему гвардейской кавалерійской дивизіи ген. Пенхержевскому и скажи ему отъ меня, что теперь настало уже время ударить съ его дивизіею во флангъ непріятеля и т. д. Понялъ ты меня?» — «Понялъ, Ваше Величество!» и кн. Р. стремглавъ скачетъ съ полученнымъ приказаніемъ. Кавалерійскую дивизію находитъ онъ стоящую въ бездѣйствіи съ командиромъ впереди; подъѣхавъ къ ген. П., онъ передалъ ему волю Государя. Тотъ, находя привезенное приказаніе несходнымъ съ планомъ маневра, заявляетъ сомнѣніе и проситъ флигель-адъютанта кн. Р. повторить, послѣ чего рѣшается предпринять переданное флигель-адъютантомъ кн. Р. движеніе (оказавшееся въ послѣдствіи совершенно противнымъ желанію Государя). Государь же въ это время, выѣхавъ со всею свитою на возвышенное мѣсто, съ нетерпѣніемъ ожидалъ исполненія своего приказанія; но дивизія не показывалась даже на горизонтѣ. Потерявъ, наконецъ, терпѣніе, Его Величество далъ шпоры своей лошади и въ нѣкоторомъ волненіи, со всѣмъ штабомъ, поскакалъ самъ отыскивать ген. П. и настигъ его исполняющимъ движеніе въ противоположную сторону. Государь приказалъ остановить дивизію, или лучше сказать самъ скомандовалъ ей остановиться, подозвалъ къ себѣ дивизіоннаго начальника и въ гнѣвѣ своемъ высказалъ ему много непріятныхъ словъ.

Какъ старый служака, Пенхержевскій, опустивъ саблю, въ безмолвіи выслушалъ монаршій выговоръ, не позволивъ себѣ ни слова въ оправданіе. Когда же Государь отъѣхалъ, высмотрѣвъ въ свитѣ фл.ад. кн. Р. и отозвавъ его къ сторонѣ:—«Вы слышали,» сказалъ ген. П., «а вѣдь я и на іоту не отступилъ отъ переданнаго мнѣ вами приказанія!»—«Слышалъ, генералъ!» почти со слезами на глазахъ отвѣчалъ кн. Р., «и даю вамъ честное слово употребить всѣ зависящія отъ меня средства, чтобы исправить мою невольную ошибку.»

По окончаніи маневра, не сходя съ лошади, кн. Р. отправился прямо во дворецъ и просилъ камердинера доложить о себѣ Государю.—«Обождите немного», отвѣчалъ камердинеръ: «Государь переодѣвается и сейчасъ выйдетъ». Нескончаемыми часами показались бѣдному преступнику минуты ожиданія грома и молніи. Наконецъ, выходитъ Государь.—«Что ты?»—«Я принесъ повинную голову Вашему Величеству.»—«Что такое, я не понимаю?»—«Вы изволили давича гнѣваться на ген. П., а онъ ни въ чемъ не былъ виноватъ; одинъ я во всемъ виноватъ, неправильно передавъ ему ваше приказаніе.» Поникнувъ головою, кн. Р. приготовился къ неминуемой грозѣ. Каково же было его удивленіе, когда съ милостивой улыбкой Государь протянулъ къ нему руку:—«Спасибо тебѣ за твое ко мнѣ довѣріе, которое дастъ мнѣ возможность исправить все дѣло! Ступай себѣ домой и спи спокойно».

Въ тотъ же вечеръ, по всему лагерю разсылается приказъ всѣмъ начальникамъ отдѣльныхъ частей собираться завтра къ 9-ти часамъ утра къ ставкѣ Его Императорскаго Величества. Въ назначенный часъ выходитъ Государь и, обращаясь къ собравшимся: «Господа», говоритъ онъ, я собралъ васъ, чтобы исправить мою невольную ошибку, которой вы всѣ были свидѣтелями. Генералъ Пенхержевскій, пожалуйте сюда! Вчера во время маневра я на васъ сердился и высказалъ вамъ много непріятностей; къ крайнему моему удовольствію освѣдомился я, что вы тутъ были вовсе невиновны и потому спѣшу снять съ васъ незаслуженное оскорбленіе; дайте мнѣ вашу руку и скажите, что вы меня прощаете». Какъ теленокъ заревѣлъ нашъ дивизіонный начальникъ и бросился цѣловать протянутую къ нему руку. Государь обнялъ его и заставилъ таки вымолвить слово «*прощаю*».—Потомъ, обернувшись опять къ собравшимся:

«Ф. а. кн. Р....» кликнулъ Государь, «пожалуйте ко мнѣ» и когда тотъ вышелъ:—«Еще разъ благодарю васъ за довѣріе вами мнѣ оказанное, мнѣ это очень пріятно! И я бы желалъ, чтобы всѣ здѣсь присутствующіе, при случаѣ, послѣдовали вашему примѣру!»

Какое еще лучшее доказательство можно пріискать для удостовѣренія возвышенной, доброй и справедливой души Николая Павловича? Какъ! Самодержавный, могучій Императоръ публично проситъ прощенія у простаго генерала въ нанесеніи ему незаслуженнаго огорченія! И послѣ этого бояться докладывать ему сущую правду, какая бы она ни была! Для меня это всегда бывало непонятно и часто заставляло меня страдать въ продолженіи моей службы.

Однажды (это было позднею осенью) Государю угодно было произвести маневры въ самомъ близкомъ отъ Петербурга разстояніи. Войска съ утра были выставлены тоже противъ мнимаго непріятеля, якобы желающаго овладѣть столицей. День прошелъ, какъ и всегда, въ сильной пушечной и ружейной пальбѣ и разныхъ эволюціяхъ. Осенній день коротокъ и холоденъ; а потому маневръ кончился въ совершенную темноту, и войска приказано было расположить на ночлегъ по окрестнымъ деревнямъ. Государь поѣхалъ ночевать въ Зимній дворецъ, большая же часть свиты, въ ожиданіи продолженія маневра на слѣдующій день, заняла на ночь помѣщеніе въ такъ называемомъ Красномъ Кабачкѣ (извѣстное каменное строеніе на Московскомъ шоссе).

Лишь только Государь уѣхалъ, графъ Орловъ призываетъ меня и передаетъ мнѣ приказаніе Его Величества, состоящее въ томъ, чтобы раннимъ утромъ поставить по Московской дорогѣ двухъ жандармовъ, одного у Петербургской заставы, а другаго около Пулкова съ приказаніемъ никого изъ проѣзжающихъ не пропускать по шоссе, а сворачивать на проселочную дорогу, дабы они не могли помѣшать движенію войскъ.

Оставивъ Орлова, я тотчасъ разослалъ имѣвшихся у насъ ординарцевъ изъ линейныхъ казаковъ и жандармовъ отыскивать командира л.-гв. жандармскаго полуэскадрона капитана Коллена для передачи ему означеннаго распоряженія. Ординарцы мои, промаявшись половину ночи по невылазной грязи и непроглядной темнотѣ, возвратились съ извѣстіемъ, что капитана Коллена никакъ найти не могли, потому что никто не знаетъ, гдѣ онъ приталъ на ночлегъ съ полуэскадрономъ. Что тутъ дѣлать?... Лишь только занялась зорька, иду доложить графу о нашей неудачѣ.

Какъ змѣей укушенный, вскакиваетъ мой графъ: «Что-о! И жандармы еще не стоятъ на своихъ мѣстахъ!», воскликнулъ онъ въ ужасѣ, «а Государь сейчасъ пріѣдетъ! Ты знаешь ли, что изъ этого бѣда можетъ выйти? Ужъ какъ ты хочешь, а ежели Государь будетъ гнѣваться, я ему прямо скажу, что не я, а ты въ этомъ виноватъ.»

У меня даже силы не хватило отвѣчать. Слезы оскорбленія чуть не брызнули у меня изъ глазъ, и я поторопился выйти. Очень хорошо помню, что, выходя отъ Орлова, я прямо наткнулся на пріѣхавшаго Петербургскаго генералъ-губернатора, почтеннѣйшаго и всѣми уважаемаго Павла Николаевича Игнатьева (еще онъ тогда не былъ графомъ), который всегда меня любилъ и ласкалъ.

«Здравствуйте, мой другъ», сказалъ онъ, протягивая мнѣ руку. «Но что съ вами? Вы такъ разстроены.»

Я разсказалъ ему мою обиду.

— «Ну! Не огорчайтесь, возразилъ добрый П. Н.; я сейчасъ пойду къ Орлову и разъясню ему, что вашей вины тутъ никакой нѣтъ».

Разставшись съ Игнатьевымъ, я вышелъ на крыльцо, и первый попадающійся на встрѣчу—онъ и есть нашъ искомый кап. Колленъ «Помилуйте, гдѣ вы были? Мы васъ ищемъ, какъ булавку», обращаюсь я къ нему. «Ну, да нечего толковать! Посылайте скорѣе двухъ вашихъ жандармовъ» и т. д. Вслѣдъ за симъ иду къ Орлову. «Жандармы посланы, в. с—во.»—«Да? Ну слава Богу! Да распеки ты, пожалуста, хорошенько этого негоднаго К.; куда онъ тамъ запрятался?» — «Я не имѣю никакого права его распекать, тѣмъ болѣе, что онъ даже чиномъ старше меня!»

Тѣмъ дѣло и кончилось, не мало испортивши мнѣ крови!....

Глава семнадцатая.

Въ тотъ же злосчастный годъ, когда Государь, по пріѣздѣ изъ Царскаго Села въ Красное для объѣзда лагеря, не нашедъ тамъ обычной своей остановки, изволилъ (по переданному мнѣ графомъ Орловымъ выраженію) гнѣваться на меня, я счелъ нужнымъ, для предупрежденія новыхъ, подобныхъ и крайне горестныхъ для меня сюрпризовъ, переѣхать на время лагеря на постоянное жительство въ Красное Село для того, чтобы быть, какъ говорится, на слуху всего тамъ происходящаго и, чтобы, въ случаѣ внезапнаго прибытія туда Государя, имѣть возможность распорядиться самому, не испрашивая, какъ милости, разрѣшенія благодушнаго начальника. Намѣреніе мое было безотлагательно приведено въ исполненіе; но къ крайнему моему огорченію, и эта мѣра не избавила меня отъ новой непріятности. Въ одинъ прекрасный вечеръ, прочитывая ежедневные приказы по гвард. корпусу (постоянно мнѣ доставляемые), я получаю свѣдѣніе о томъ, что на завтра назначена стрѣльба въ цѣль всей артиллеріи, въ присутствіи Великаго Князя Михаила Павловича; а такъ какъ къ моей обязанности исключительно относилось только то, что̀ касалось соб-

ственной особы Императора, то я и оставилъ эту статью безъ особеннаго вниманія. Ночью меня будитъ фельдъегерь.—«Что такое?»—«Государь изволитъ присутствовать на стрѣльбѣ артиллеріи, и ему уже выставлена подстава отъ Царскаго Села». Внезапно слетаетъ сонъ съ очей моихъ и замѣняется перомъ въ рукѣ. Печатать записки некогда, все нужно писать. Первая моя записка полетѣла съ фельдъегеремъ въ Стрѣльну къ гр. Орлову, остальныя тоже разосланы по принадлежности, такъ что къ 11-ти часамъ утра гр. Орловъ и всѣ, кому надлежало быть, съѣхались. Пріѣхалъ и Государь, сѣли на лошадей и поѣхали на военное поле. Ну, слава Богу! Все обстоитъ благополучно, ученье идетъ прекрасно. Государь по нѣсколько разъ благодаритъ всѣ батареи; наконецъ, приказано ударить отбой, всѣ по домамъ! Батареи уже начали разъѣзжаться въ разныя стороны, когда Его Величеству вздумалось сдѣлать еще одно построеніе, вслѣдствіе чего Государь, звучнымъ и неимовѣрно-громкимъ своимъ голосомъ, скомандовалъ: «Конная артиллерія стой, равняйсь!» Артиллерія не слышитъ и продолжаетъ свое движеніе. Государь, проскакавъ нѣсколько впередъ, вновь командуетъ еще болѣе усиленнымъ голосомъ: «Конная артиллерія стой, равняйся!» Стукъ лафетовъ заглушаетъ голосъ, движеніе не прекращается; тогда Государь оборачивается и спрашиваетъ трубача.

Тутъ требуется нѣкоторое поясненіе. Когда Государь садился на верховую лошадь на ученіяхъ, смотрахъ, парадахъ и проч., два штабъ-трубача конвоя Его Величества обязаны были за нимъ слѣдовать, для передачи, посредствомъ сигналовъ, его приказаній. Николай Павловичъ такъ твердо зналъ всѣ сигналы, что никогда не называлъ, а пропѣвалъ ихъ трубачамъ своимъ голосомъ. Увы! Только тогда замѣтилъ я, что трубачи блистали своимъ отсутствіемъ.—«Орловъ!» Раздался зычный голосъ, и мой принципалъ съ рукою подъ козырекъ поспѣшилъ подъѣхать. Не знаю, въ чемъ состоялъ ихъ разговоръ; только по окончаніи его: «Государю коляску!» крикнулъ мнѣ графъ Орловъ, и я, сломя голову, поскакалъ по направленію, гдѣ долженъ былъ стоять экипажъ. Отъѣхавъ саженъ сто, слышу за собою голосъ: «Самсоновъ! Самсоновъ!» Я остановился. Это былъ ф.-ад. графъ Орловъ-Денисовъ: «Ступай, Государь тебя спрашиваетъ!»—«Хорошо», отвѣчаю я, «поѣзжай же ты за коляской, она вонъ тамъ-то».

Возвращаясь назадъ, вижу я издали спѣшившуюся группу, окружающую Императора, и кто-то одинъ верхомъ стоитъ по одаль и выглядываетъ въ мою сторону. Лишь только онъ меня увидалъ, маршъ-маршемъ подскакалъ ко мнѣ; это былъ герцогъ Максимиліанъ Лейхтенбергскій, молодой супругъ Великой Княгини Маріи Николаевны.

«Écoutez, сказалъ онъ запыхавшись, l'Empereur est furieux contre vous; ne lui répondez pas un mot, ou vous êtes un homme perdu!»

— «Monseigneur, отвѣчалъ я со слезами на глазахъ, jamais tant que je vivrai cet acte d'intérêt et de bonté que vous daignez me témoigner ne sortira, ni de mon coeur, ni de ma mémoire».

Подъѣзжая ближе къ группѣ, я очутился за спиною Государя, прямо противъ гр. Орлова, который, непримѣтными для другихъ знаками, показывалъ мнѣ, чтобъ я отъѣзжалъ въ сторону.

Нѣтъ, думалъ я, это вздоръ! Пусть Государь меня видитъ, и съ разу изольется на меня его правильный или незаслуженный гнѣвъ; а то хуже будетъ впослѣдствіи, ежели накопится. Такъ и сдѣлалъ. Объѣхавъ вокругъ, я сталъ противъ Его Величества.

— «А, пожалуйте-ка сюда!»

Я соскочилъ съ лошади и подошелъ на середину кружка.

— «Что это значитъ, что какъ я ни пріѣду, всегда застаю какія-нибудь неисправности? Пора бы, кажется, вамъ привыкнуть къ вашей обязанности? Ступайте-ка на гауптвахту!»

Я повернулся, сѣлъ на лошадь и отправился къ Красное Село къ караулу, стоящему у самыхъ воротъ дворца, отдалъ офицеру мою шпагу и вошелъ во внутренность караульнаго дома, поручивъ лошадь ординарцу.

Въ непродолжительномъ времени въ коляскѣ возвратился Государь во дворецъ, за нимъ слѣдовали въ своихъ экипажахъ Наслѣдникъ, Великіе Князья и прочія важныя особы. Государь Наслѣдникъ остановился у самой гауптвахты и вошелъ ко мнѣ въ комнату; всѣ остальные, ѣхавшіе за нимъ, почли за нужное послѣдовать его примѣру, и въ одинъ моментъ моя арестантская обратилась въ самый что ни есть аристократическій салонъ. Бѣдный караульный офицеръ совершенно растерялся, не зная что ему дѣлать: стоять ли въ строю на платформѣ или оборотиться со всѣмъ карауломъ лицомъ къ высокимъ посѣтителямъ? Цесаревичъ заявилъ мнѣ милостивое свое участіе и спросилъ, какъ это могло случиться, что трубачей не было на своихъ мѣстахъ?—«Очень просто, Ваше Высочество, отвѣчалъ я: трубачамъ разъ навсегда приказано во время лагеря находиться при лошади Государя и вмѣстѣ съ нею выѣзжать, не ожидая никакихъ дальнѣйшихъ приказаній. Нынѣ Его Величество изволилъ прибыть совершенно неожиданно, и трубачи, не получивъ о томъ свѣдѣнія, не выѣхали; но все-таки я виноватъ кругомъ, что не замѣтилъ ихъ отсутствія и не послалъ за ними».

Наслѣдникъ былъ на столько ко мнѣ милостивъ, что взялъ на себя выяснить Государю всю незначительность моей вины и вообще такъ

утѣшалъ и обласкалъ меня, что я (очень хорошо это помню) позволилъ себѣ ему сказать: «Что̀ вы дѣлаете, Ваше Высочество? Государь изволилъ меня наказать, а вы неоцѣнимымъ вашимъ участіемъ дѣлаете изъ этого наказанія такую для меня награду, которой я не считаю себя достойнымъ!»

Государь, по возвращеніи съ военнаго поля, тотчасъ же сѣлъ въ дорожную коляску, чтобъ ѣхать обратно въ Царское Село, и въ это время я очень хорошо могъ разслушать его послѣднія слова, обращенныя къ Наслѣднику: «Не могу же я взыскивать съ трубачей; я взыскиваю съ начальника, пускай посидитъ! Пошелъ!» и коляска помчалась.

Но едва Государь успѣлъ доѣхать до Царскаго Села, прилетѣлъ ко мнѣ фельдъегерь съ извѣстіемъ о моемъ освобожденіи.

Не разъ приходилось мнѣ вспоминать съ сокрушеннымъ сердцемъ о моемъ рыцарскомъ графѣ Бенкендорфѣ (постоянно находившемся по болѣзни за границей). Нѣтъ! Тотъ не свалитъ свою вину на подчиненнаго, а иногда наоборотъ, случалось, приметъ на себя ошибку подчиненнаго. Но бѣдный графъ къ намъ болѣе не возвращался, тамъ за границей и жизнь кончилъ. Тогда Орловъ уже не временно, а офиціально занялъ его мѣсто.

Однажды гр. Орловъ призываетъ меня къ себѣ, сажаетъ, по обыкновенію, и у насъ начинается прелюбезный разговоръ о томъ и о семъ; между прочимъ онъ дѣлаетъ мнѣ такъ, разговорный вопросъ: «Скажи, пожалуста, мой любезный другъ, бывали у тебя когда-нибудь въ рукахъ собственноручныя записки Государя?» — «Какъ же, ваше сіятельство, очень часто». — «И что̀ же ты съ ними дѣлалъ?» — «Онѣ всѣ пришиваются къ дѣламъ, къ которымъ относятся.» — «А ну-ка! Поищи и покажи мнѣ ту, въ которой Государь отвѣчалъ на вопросъ Бенкендорфа касательно формы одежды на имѣвшемся быть парадѣ Прусскихъ офицеровъ въ числѣ, кажется, десяти или двѣнадцати человѣкъ, года три тому назадъ, представленныхъ къ нашему двору». — «Этой записки въ нашихъ дѣлахъ быть не можетъ, ваше сіятельство; потому что я очень хорошо помню, что къ этимъ офицерамъ, особенно рекомендованнымъ Прусскимъ правительствомъ, былъ приставленъ генералъ-адъютантъ Гринвальдъ, вслѣдствіе чего и все до нихъ касающееся шло черезъ руки ген. Гринвальда, а не нашей канцеляріи, и у насъ о томъ не имѣлось никакого свѣдѣнія». — «Такъ вотъ же что я тебѣ скажу, у насъ надъ головами грозная туча: Государь получилъ свѣдѣніе, что въ Парижѣ отпечатана какая-то брошюрка, въ которой помѣщенъ автографъ его собственноручной записки, и непремѣнно требуетъ дознанія, какъ она туда попала?»

Какъ ни хлопотали, никакъ не могли добиться толку; наконецъ, поручили Дубельту (который былъ въ постоянной перепискѣ съ живымъ еще, но больнымъ Бенкендорфомъ) какъ нибудь деликатно, обинякомъ, спросить послѣдняго, не знаетъ ли онъ чего по этому предмету? Бенкендорфъ (какъ истый рыцарь чести) отвѣчаетъ немедленно: «Я знаю, о чемъ ты меня спрашиваешь; доложите Государю, что къ его стопамъ я повергаю мою повинную голову; записку передалъ я самъ, кому и по какому случаю, не припомню». Полагаю, что тутъ коментаріевъ никакихъ не требуется; пусть всякій судитъ и оцѣнитъ лицъ мною описанныхъ по своему соображенію; моя же обязанность состоитъ исключительно въ томъ, чтобы не допустить никакой кривды въ моемъ повѣствованіи, за что я и отвѣчаю головой.

Глава восемнадцатая.

До сей поры рѣчь моя шла постоянно по части императорской главной квартиры; но къ обязанностямъ моимъ еще прилегала другая часть, а именно собственный Его Императорскаго Величества конвой, который тоже подъ часъ доставлялъ мнѣ немало хлопотъ и заботъ, тѣмъ болѣе, что съ этимъ народомъ нужно было имѣть особое умѣніе и практику обращаться. Въ мое время конвой Государя состоялъ изъ четырехъ командъ: Черкесовъ, Мусульманъ, Лезгинъ и Линейныхъ казаковъ. Каждая изъ этихъ командъ имѣла своего командира, общее же управленіе оныхъ сосредоточивалось въ нашей канцеляріи. Команда Линейныхъ козаковъ, будучи христіанскаго вѣроисповѣданія и Русскими вѣрноподданными, отличалась отъ другихъ своимъ благонравіемъ и точностію исполненія возложенныхъ на нее обязанностей, чего, къ сожалѣнію, не могу сказать о прочихъ, которые, какъ магометане и полудикіе, смотрѣли на вещи совершенно съ особой точки зрѣнія. Вотъ тому разительный примѣръ. Команда Черкесовъ помѣщалась въ особо-нанятомъ для конвоя въ Коломнѣ домѣ и размѣщалась по нѣскольку человѣкъ въ каждой комнатѣ. У одного изъ оруженосцевъ находился въ услуженіи христіанскій мальчикъ, который однажды какъ-то и чѣмъ-то прогнѣвилъ своего хозяина; этотъ началъ его бранить, потомъ брань перешла въ побои и, наконецъ, разъяренный, какъ тигръ увидавшій кровь, выхватилъ свой кинжалъ и закололъ мальчика на мѣстѣ. Комнатные его товарищи, зная, вѣроятно, свойство ихъ взаимной натуры, догадались, что дѣло этимъ не кончится и бросились бѣжать внизъ по лѣстницѣ, захлопнувъ дверь и приставивъ къ ней караульнаго. Предвидѣніе бѣжавшихъ вполнѣ оправдалось: оставшись одинъ, убійца схватилъ со стѣны свою винтовку, свои пистолеты и, зарядивъ ихъ боевыми патронами, какъ пс-

тупленный, бросился къ двери; недолго караульный удерживалъ натискъ, бросился ретироваться внизъ и получилъ пулю въ руку. За симъ нашъ бѣшеный направился къ конюшнѣ, въ благомъ, вѣроятно, намѣреніи осѣдлать лошадь и ѣхать кататься по городу въ своемъ прекрасномъ расположеніи; но едва онъ успѣлъ взяться за ручку конюшни, какъ шесть пуль, посланныя ему товарищами, успокоили его навсегда.

Обстоятельство это было тотчасъ же доложено Государю, который приказалъ спросить конвойнаго муллу, какъ онъ смотритъ на это происшествіе и какому, по его мнѣнію, должны быть подвергнуты наказанію убійцы своего товарища? «Какъ наказанію!» воскликнулъ мулла. «Ихъ наградить надо: лучше одному умереть, чѣмъ нѣсколькими жертвовать, которыхъ онъ перебилъ бы на людныхъ улицахъ».

Вотъ вамъ и судъ! Разбирайте какъ хотите, правъ мулла или нѣтъ? Исторія эта такъ и осталась безъ всякихъ наружныхъ послѣдствій; только намъ приказано было изъ подъ руки пользоваться всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы постепенно выпроваживать домой, на Кавказъ, всѣхъ участниковъ этого самосуднаго разстрѣливанія. Долго не могъ я привыкнуть къ этимъ Татарскимъ нравамъ и обычаямъ, тѣмъ болѣе, что рѣдкіе изъ нихъ умѣли говорить по-русски, и то очень плохо. Бывало, придутъ ко мнѣ на квартиру человѣкъ пять-шесть: —«Здравствуй! Здравствуй!»—«Здравствуйте, господа! Прошу садиться», оставлю свои занятія и присяду къ нимъ.—«Ну, что скажете новенькаго?»—«Ничего!» сидятъ и молчатъ.—«Мы тебѣ не мѣшаемъ, ты пиши свое»; имъ подадутъ трубки, а я примусь за свое дѣло.

Сидятъ, курятъ и молчатъ. И такъ проходитъ иногда часъ, полтора и болѣе; наконецъ встаютъ.«—Ну прощай!»—«Прощайте, господа, будьте здоровы!»

Но тутъ-то и начинаются самые крупные разговоры; одинъ изъ нихъ, кто побойчѣе и получше говоритъ по-русски, выходитъ впередъ: —«А мы хотѣли тобѣ сказать: ты насъ пусты домой». — «Куда это домой?»—«На Капкасъ».—«Что̀ такъ, зачѣмъ?»—«Мы не хотимъ служить съ Араблынскій (ихъ начальникъ команды)»—«Отъ чего, что онъ не хорошо что ли съ вами обращается?» — «Да, онъ очень худой.»—«Обидѣлъ кого нибудь изъ васъ?»—«Нѣтъ, ничего! Только мы не хотымъ, и насъ такой много дома».

Что̀ за причина? думаю я, это въ родѣ какого-то бунта, заговора; какъ доложить объ этомъ Государю? Допрашивалъ, допрашивалъ всякимъ образомъ, ничего! «Не хотымъ», да и только!

«Ну хорошо, господа, ступайте теперь къ себѣ и скажите вашимъ товарищамъ, чтобы завтра поутру вся команда была дома; я

къ вамъ пріѣду, и мы объ этомъ потолкуемъ». Самъ же немедленно посылаю за Пономаревымъ, который, будучи казначеемъ конвоя, съ ними больше якшался и ближе зналъ ихъ нужды и обстоятельства. Пріѣзжаетъ Пономаревъ, я разсказываю ему что было и прошу разъясненія этой загадки. «Очень просто», отвѣчаетъ онъ, «это Лезгины, а между ними считаются два главныя племени: Джаробѣлоканцы и Долинцы, которые на Кавказѣ постоянно враждуютъ между собою; вотъ каждому изъ этихъ племенъ и не хочется имѣть своимъ начальникомъ человѣка противной народности».

Такъ вотъ въ чемъ штука! Нужно будетъ это дѣло какъ-нибудь хитренько устроить. Отправляюсь въ конвой, команда Лезгиновъ меня ожидаетъ. «Гг. Лезгины Джаробѣлоканской народности, пожалуйте-ка ко мнѣ!» Большая половина всей команды вышла. — «Потрудитесь стать вотъ здѣсь, направо; а вы, господа, остальные всѣ, вѣроятно Долинскаго племени?» — «Точно такъ!» — «Станьте сюда налѣво; а вы, г. поручикъ Араблинскій, какой народности?» — «Долинскій!» — «Станьте возлѣ меня». Обращаюсь направо: «Нѣкоторые изъ васъ, господа, заявили мнѣ вчера, что они недовольны вашимъ командиромъ команды, поручикомъ Араблинскимъ и не хотятъ съ нимъ служить.»

Всѣ. — «Да! да! не довольны, не хотимъ, не хотимъ!»

Я. — «Но отчего же, что̀ онъ вамъ сдѣлалъ? Ежели кого обидѣлъ, такъ скажите: мы разберемъ».

Правая сторона. «Нѣтъ, нѣтъ, ничего, только мы не хотимъ!»

— «Ну хорошо; а вы, господа, лѣвой стороны, довольны вы Араблинскимъ?»

Лѣвая сторона. «Очень, очень довольны, другаго не желаемъ!»

Я. — «Что же это, господа, значитъ? Правая сторона не желаетъ служить подъ начальствомъ Араблинскаго, а лѣвая очень довольна и не хочетъ никакой перемѣны, и ни тѣ, ни другіе никакихъ причинъ своихъ желаній не предъявляютъ?»

Общее молчаніе.

Я. — «Такъ я вамъ разъясню это дѣло. Араблинскій принадлежитъ къ Долинскому племени, и вы всѣ Долинцы имъ довольны, а Джаробѣлоканцы—нѣтъ! Допустимъ для примѣра, что въ угоду недовольнымъ Араблинскаго смѣнятъ и назначатъ командиромъ Джаробѣлоканца; что̀ же тогда будетъ? А будетъ тоже самое, съ тою только разницею, что вы правые будете довольны, а лѣвые—нѣтъ. А отчего? Оттого, что у васъ вражда не къ Араблинскому, а къ его племени. Такъ знайте жь, господа, что на Кавказѣ вы можете враждовать сколько вамъ угодно; но здѣсь различіе народностей не можетъ быть допущено; здѣсь одно племя: Собственный Его Императорскаго Величе-

ства Россійскаго Императора конвой, и вы всѣ равные оруженосцы, т.-е. тѣлохранители Великаго Монарха, Бѣлаго Царя, который осыпаетъ васъ своими милостями. Понимаете ли вы свое счастіе? Послушайтесь меня. Вы знаете, я вамъ дурнаго не посовѣтую; оставьте вашу рознь, и будемъ-те въ миру и согласіи съ честію и славой служить нашему Всемилостивѣйшему Государю!» —Ура!!..—Ура! Ура! закричали со всѣхъ сторонъ, и всѣ бросились, чтобы пожать мою руку; но этимъ я не удовольствовался: пригласилъ муллу и съ его согласія предложилъ всѣмъ присягнуть на Коранѣ, что отнынѣ наступаетъ общее братство, безъ различія народностей, что̀ и было исполнено.

*

Прослуживъ, какъ выше сказалъ, двѣнадцать лѣтъ въ должности старшаго адъютанта въ управленіи дѣлами императорской главной квартиры и собственнаго Его Императорскаго Величества конвоя, я былъ старшимъ капитаномъ л.-гв. Преображенскаго полка (въ коемъ уже и числился); мнѣ скоро предстояло производство въ полковники, и такъ какъ по штату нашему должность старшаго адъютанта полагалась до чина капитана включительно, то мнѣ представлялась необходимость подумать о предстоящей мнѣ будущей карьерѣ.

Въ это самое время, къ крайнему моему огорченію, жена моя довольно серьезно расхворалась, и доктора ее пользовавшіе совѣтовали намъ переселиться изъ Петербурга въ болѣе благопріятный климатъ, на что̀ я окончательно и рѣшился.

Въ одинъ прекрасный день А. Ѳ. Львовъ, возвратившись отъ графа Орлова, передалъ мнѣ по секрету свѣдѣніе, состоящее въ томъ, что, во время послѣдняго путешествія графа съ Государемъ, Его Величество изволилъ весьма милостиво обо мнѣ отзываться, изъ чего заключить можно, что въ самомъ непродолжительномъ времени я буду имѣть счастіе получить званіе флигель-адъютанта. Я былъ крайне польщенъ и порадованъ этимъ извѣстіемъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ, дорожа болѣе всего моимъ семейнымъ счастіемъ и имѣя въ виду совѣтъ сонма нашихъ лучшихъ докторовъ столицы, я призналъ священнымъ долгомъ своимъ искать службы непремѣнно внѣ Петербурга, а потому и обратился къ графу Орлову съ просьбою не лишить меня его могучаго покровительства въ доставленіи мнѣ желаемаго мною мѣста управляющаго Кіевскою коммиссаріатскою коммиссіею (нужно замѣтить, что я не имѣлъ никакого понятія о коммиссаріатской службѣ и рѣшился искать означеннаго мѣста, которое въ то время было вакантнымъ, по совѣту нѣкоего моего пріятеля, исключительно въ виду благорастворенаго Кіевскаго климата). Графъ Орловъ весьма сочув-

ственно принялъ мою просьбу и послѣ передачи мнѣ того, что́ было имъ по секрету сказано Львову и нѣсколькихъ лестныхъ для меня увѣщаній остаться продолжать службу подъ его начальствомъ, убѣжденный, наконецъ, моими доводами, согласился принять на себя ходатайство о доставленіи мнѣ желаемаго мѣста, и такъ какъ это зависѣло вполнѣ отъ военнаго министра, то и завязалась между ними переписка настолько для меня лестная, что и по сіе время я сохраняю ее цѣликомъ, какъ драгоцѣнный документъ, свидѣтельствующій о прошедшей моей службѣ.

Кіевскаго климата я однако все-таки не получилъ, по причинамъ, дѣйствительно, уважительнымъ (о коихъ я не считаю нужнымъ здѣсь распространяться), а князь Чернышовъ весьма любезно мнѣ предложилъ, по производствѣ меня въ полковники, перечислиться состоящимъ по Военному Министерству съ тѣмъ, чтобы, по мѣрѣ открывающихся вакансій, я самъ избралъ ту изъ коммиссій, которая будетъ соединять въ себѣ искомыя мною условія. Не считая себя въ правѣ отказаться отъ такого предупредительнаго вниманія военнаго министра, я принялъ его предложеніе, и въ 18... году меня перечислили полковникомъ, состоящимъ по Военному Министерству.

Не могу не сознаться, что очень и очень грустно мнѣ было разставаться со сроднившимися со мною занятіями, тѣмъ болѣе, что, разставаясь равномѣрно и съ сослуживцами своими, съ которыми въ теченіи многихъ лѣтъ мы пополамъ дѣлили и радость, и горе, я видѣлъ въ нихъ искреннее ко мнѣ участіе. Новая карьера открывалась передо мною, новыя занятія ожидали меня. Какъ-то я съ ними полажу? Объ этомъ рѣчь будетъ впереди.